РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. МАЙ. 1916 годъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Телеграмма Государя Императора Генералъ-Лейтенанту Воронову. I—II
II. Власть прошлаго. М. С. . . . . 161—171
III. Записки Н. А. фонъ-Розенбаха . . . . . 172—244
IV. Къ исторіи „Литературной Газеты“ барона А. А. Дельвига. Н. Замкова. . . 245—281
V. Мои воспоминанія и размышленія. А. Георгіевскаго. . 282—292
VI. Дневникъ Патрика Гордона. П. М. Майкова. . . . . 293—303
VII. Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П. . 304—309
VIII. Къ портрету Бонапарта. Н. Лернера . 310
IX. Письмо П. А. Плетнева къ В. И. Григоровичу. Сообщ. Д. Кобеко . . . . . 311—312
X. Воевода Путникъ, генералиссимусъ сербскихъ армій. В. П. Ключарева . 313—314
XI. Очерки прошлаго. Григорія де-Волана . . . . . 315—317
XII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 24-го октября по 14-е ноября 1915 г. (на обложкѣ).

Приложеніе: Его Императорское Величество, Государь Императоръ Николай Александровичъ, въ бытность Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и охотники 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, послѣ 54-хъ-верстнаго перехода 1 іюля 1893 года.

49 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ—10 руб., за границу—12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВСКАГО СЛАВЯНСКАГО КЛУБА

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1916 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 24-го октября по 14-ое ноября 1915 г.

Бесѣды. Сборникъ Общества исторіи литературы въ Москвѣ. I. М. 1915. Тип. Печатня А. Снегиревой (Савелов. п.). 8° (17×25). 222+98 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 600 экз.

Ведерниковъ, Н. В. Очерки изъ исторіи кораблей русскаго военнаго флота. ПГ. 1915. Изд. коммис. по завѣд. кап. им. гр. С. А. Строганова. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (17×25). 112 стр. съ рис. и портр. Вѣсъ 23 л. 3.000 экз.

Гиппіусъ, Владиміръ. Пушкинъ и христіанство. ПГ. 1915. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (17×24). 42 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Григорьевъ, Аполлонъ. Собраніе сочиненій. Подъ ред. В. Ѳ. Саводника. Вып. 2. Основанія органической критики. М. 1915. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовск., с. д.) 8° (15×23). VI+164 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 17 л. 2.050 экз.

Модестовъ, Н., свящ. Изъ недавней Оренбургской старины. Историческіе очерки. Труды Оренбургской ученой архивной коммиссіи, вып. XXXII. Оренбургъ, 1915. Тип. А. А. Хусайнова и К°. 8° (17×25). III+62 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 50 экз.

Библіотека Д. В. Ульянинскаго. Библіографическое описаніе. Томъ III. Исторія россійскаго дворянства. Генеалогія. Геральдика. Сношенія Московской Руси съ чужими странами до начала XVIII в. Русская словесность преимущественно XIX в., до восьмидесятыхъ годовъ. М. 1915. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., с. д.). 8° (20×27). II+1201—1716 стр. Ц. за 3 т. 15 р. Вѣсъ 2 ф. 21 л. 325 экз.

Гнѣдичъ, П. А. Матеріалы по народной словесности Полтавской губерніи. Роменскій уѣздъ. Вып. II, часть I. Пѣсни необрядовыя. Полтава. 1915. Изд. Полтавской ученой архивной коммиссіи. Тип. Г. И. Маркевича (Бульваръ Котляревскаго). 8° (17×26). V+224+IV стр. Ц. за объ части 1 р. 20 к. Вѣсъ 30 л. 600 экз.

Гротъ, Константинъ Карловичъ, какъ государственный и общественный дѣятель (12 января 1815—30 октября 1897). Матеріалы для его біографіи и характеристики. Къ столѣтію со дня его рожденія. Томъ третій. ПГ. 1915. Изд. Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×24), 492 стр. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 2.000 экз.

Дорошкевичъ, А. К. Критическія замѣтки о преподаваніи древней русской литературы. (Для педагоговъ-практиковъ). (Изъ „Рус. Филологическаго Вѣстника“). М. 1915. Тип. Синодальная. 8° (17×26). 42 стр. Вѣсъ 5 л. 204 экз.

Кондаковъ, Н. П. Иконографія Богоматери. Томъ II. ПГ. 1915. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 линія, 12) 4° (21×29). 451 стр. Съ рис. Ц. 6 р. Вѣсъ 4 ф. 5 л. 2.016 экз.

Примѣрный списокъ пособій для преподавателей при прохожденіи курса исторіи. ПГ. 1915. Тип. „Худож. печатни“ (Демидовъ, 4). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Русская литература по всеобщей исторіи. Вып. 3-й. Библіограф. обзоръ подъ ред. Д. Н. Егорова. М. 1915. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (16×24). 50 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 5 л. 800 экз.

5-а

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

БИБЛИОТЕКА МОСКОВ
СЛАВЯНСКАГО

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, въ бытность НАСЛѢДНИКОМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ, и охотники 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, послѣ 54-хъ-верстнаго перехода 1 іюня 1893 года.

Власть прошлаго [1]).

(Окончаніе).

А Россія бунтовала со всѣхъ концовъ. На сѣверѣ — Кронштадтъ, на югѣ—Севастополь. Кавказъ тоже не отставалъ.

Вотъ и 17 октября. Высочайшій Манифестъ о конституціяхъ (и о свободахъ)! Боже, что дѣлалось въ Москвѣ. Русскій народъ, какъ и всегда, показалъ себя во всю.

Какъ проявлялась у него радость при чтеніи о дарованныхъ ему свободахъ? Разгулъ, своеволіе, дерзость и нахальство. А дальше? Дальше репрессивныя мѣры свыше и полное нежеланіе разобраться въ этомъ хаосѣ. Наташа въ убѣжденіяхъ своихъ и мысляхъ не примыкала вполнѣ ни къ той, ни къ другой партіи. Ей казалось, что обѣ стороны были и безусловно правы въ своихъ требованіяхъ, и обѣ виноваты во многомъ, главное въ своихъ дѣяніяхъ. Требованіе Трепова, чтобы всѣ эти неурядицы, столкновенія съ полиціей, забастовки рѣшались военнымъ судомъ произвело удручающее впечатлѣніе. Спокойствіе страны уже было подорвано. Сначала глухо, а потомъ все громче и громче раздавались раскаты народнаго неудовольствія. Въ концѣ ноября въ воздухѣ уже чуялась гроза и наконецъ разразилась.

Наташа жила въ это время на Сущевской улицѣ съ племянницей и съ одной прислугой. Вечеромъ 5 декабря фабричный и простой народъ ходили кучками по улицамъ, били фонари и окна въ нижнихъ этажахъ, кричали, грозили, и къ

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

БИБЛІОТЕКА МОСКОВ

10 часамъ вся Москва тонула въ мракѣ. На другой день рано утромъ знакомый лавочникъ принесъ на квартиру Наташи немного мяса и чернаго хлѣба, сказавъ, что лавки всѣ закрыты, торговать не будутъ, такъ какъ забастовщики запретили. И дѣйствительно всѣ лавки были наглухо заперты, поставлены баррикады и во всемъ городѣ началась какая-то особенная жизнь. Противъ дома, гдѣ жила Наташа, стоялъ домъ Курникова. Здѣсь была устроена одна изъ главныхъ квартиръ революціонеровъ, и вообще весь этотъ кварталъ сдѣлался ареной ихъ особенной дѣятельности. По утрамъ разносили печатныя воззванія отъ стачечнаго комитета, днемъ бросали бомбы, а по вечерамъ стрѣляли изъ оконъ и убивали городовыхъ. Домъ, гдѣ жила Наташа, былъ предназначенъ къ бомбардированію. Въ комнатахъ, выходящихъ на улицу, жить было не безопасно и Наташа со своими сожительницами ютилась въ небольшомъ темномъ коридорѣ. Любопытство брало иногда верхъ, и она въ окно смотрѣла, какъ въ ворота Курниковскаго дома вносили на носилкахъ раненыхъ „товарищей“, а впереди шла какая-нибудь дѣвица и держала палку, на которой болталась красная тряпка. Слышно было, какъ раздавалось пѣніе „Вы жертвой пали“ Почти двѣ недѣли такой жизни. Сидѣли безъ мяса, безъ хлѣба, въ темнотѣ. Наконецъ Дубасовъ началъ *успокаивать* Москву. Днемъ грохотали орудія, по ночамъ небо озарялось то тамъ, то сямъ заревами. Горѣли вокзалы, горѣла Пресня. Стѣна дома, гдѣ жила Наташа, была вся пробита пулями, да и ее чуть не убили, когда она какъ-то поздно вечеромъ, среди жуткой тишины вышла во дворъ подышать воздухомъ.

Телеграфъ, почта стали. Ни писемъ, ни извѣстій отъ дорогихъ сердцу. А тутъ еще тревожные слухи все росли и росли. Увѣряли, что на выручку бастующихъ идетъ цѣлая дружина съ подмосковныхъ фабрикъ. Александровское и Алексѣевское училища были объявлены на военномъ положеніи, юнкерамъ роздано по 50 патроновъ; кругомъ училища стояли солдаты и весь старшій курсъ ходилъ въ наружный караулъ. Вся эта молодежь волновалась и жаждала выказать себя.

Къ празднику Рождества Наташа, отчаявшись дождаться сына, думала, что хоть Андрей Александровичъ пріѣдетъ съ своимъ поѣздомъ и они вмѣстѣ встрѣтятъ праздникъ. Думалось ей это и вѣстями объ Колѣ побалуетъ онъ ее. Но въ канунъ Рождества къ ней явился человѣкъ съ письмомъ отъ Андрея Александровича; Андрей Александровичъ извѣщалъ, что вернулся изъ

Манчжуріи, стоитъ съ поѣздомъ въ 5 верстахъ отъ Москвы, но что забастовщики не пускаютъ ихъ въ Москву. Такимъ образомъ простоялъ онъ болѣе недѣли. Страшно вспомнить, какой произволъ царилъ въ эти памятные дни въ стѣнахъ Бѣлокаменной!

Къ новому году всѣ вздохнули свободнѣе. Жизнь начала входить въ обычную колею. Почта и телеграфъ заработали. Поверхность житейскаго моря стала успокаиваться. Въ глубинѣ же не переставало бурлить и кипѣть. Измученная Наташа стала понемногу получать письма съ Востока. Коля писалъ, что имъ всѣмъ разрѣшено вернуться въ свои полки.

Вотъ письмо уже изъ тыла арміи, изъ Харбина, изъ Читы... Вотъ проѣхали Байкалъ, Иркутскъ, Омскъ... Вотъ переѣхали Уралъ! Все ближе, ближе! Духъ захватываетъ у Наташи. И вдругъ, она сама заболѣетъ, умретъ, не дождется его! Ея умъ мутится, нервы напряжены до послѣдней степени...

Вотъ и телеграмма: „пріѣду завтра почтовымъ“. Наташа распечатала, прочла и—зарыдала...

---

20 февраля! Сегодня, сегодня вечеромъ я его увижу! Да правда ли это? И она готова говорить, кричать объ этомъ всему свѣту. Она перечитывала телеграмму, она не вѣритъ своимъ глазамъ. Сегодня будетъ здѣсь, около нея, она увидитъ его, услышитъ его голосъ, будетъ его цѣловать, ласкать...

Поѣздъ приходитъ въ восемь вечера. Съ семи часовъ Наташа уже на вокзалѣ. Она даже не можетъ опредѣлить, что она чувствуетъ. И радостно, и страшно. И въ головѣ стучитъ, и сердце бьется такъ, что мѣшаетъ дышать.

Народу на вокзалѣ много. Среди публики Наташа встрѣчаетъ М. Петрову, тоже мать, которая ждетъ сына. Онъ товарищъ Коли, однополчанинъ и его также зовутъ Колей.

Товарки по несчастью, онѣ за этотъ годъ часто видѣлись, часто горевали и плакали вмѣстѣ. Наташа цѣлуетъ ее.

— Дождались! шепчетъ она.

— Да, дождались! отвѣчаетъ та. Обѣ хотятъ улыбнуться, но ничего не выходитъ; улыбка кривитъ ротъ, и слезы застилаютъ глаза.

Но вотъ по вокзалу проносится гулъ: поѣздъ опаздываетъ на полтора часа.

Господи, Боже мой! что случилось? Не несчастье ли какое-нибудь! Вѣдь случается иногда такъ—въ послѣднюю минуту.

И Наташа вспоминаетъ, какъ среди зимы въ своемъ санитарномъ поѣздѣ Андрей Александровичъ въ числѣ раненыхъ привезъ одного молодого казака. Рана была опасная; онъ долгое время былъ при смерти; но его выходили на поѣздѣ, и онъ, почти оправившійся, доѣхалъ до Москвы, чтобы на другой день ѣхать въ Тверь, къ матери. Но вечеромъ того же дня онъ былъ убитъ на Тверской, около кофейни Филиппова какимъ-то разнузданнымъ пролетаріемъ, который во имя свободы и равенства безумно уничтожалъ все попадающееся на его пути. А мать такъ и не дождалась его; а можетъ быть, потерявъ разсудокъ отъ этого ужаса, ждетъ его и по сю пору, если могила не успокоила ее! Все это съ быстротой молніи проносится въ головѣ Наташи, и сердце замираетъ до боли.

Сидя другъ передъ другомъ около какого-то столика въ углу залы, онѣ положили передъ собою часы и поочередно смотрѣли на нихъ. Господи, какъ медленно двигается стрѣлка! Остается еще цѣлыхъ полчаса, пятнадцать минутъ, десять!..

— Поѣздъ ужъ подошелъ! Кричитъ кто-то.

Петрова и Наташа рванулись обѣ къ выходу.

— Я не могу идти! шепчетъ Наташа, у меня... ноги.

Кто-то беретъ ее подъ руку и выводитъ на платформу. Подошедшій и остановившійся паровозъ пыхтитъ и посылаетъ клубы густого пара въ морозный воздухъ. Близорукими, ничего въ эту минуту невидящими глазами, Наташа жадно глядитъ на шумящую, снующую толпу. Гдѣ, гдѣ онъ?.. Господи, почему она ничего не видитъ!.. Но вотъ передъ ней вырастаетъ высокая фигура въ нагольномъ тулупѣ и въ фуражкѣ N-скаго полка...

Онъ быстро бѣжитъ къ ней...

— Мамочка, дорогая!

— Родной мой!

И она рыдающая лежитъ у него на груди...

Руки судорожно обхватываютъ и обнимаютъ его шею.

— Ну, мамочка, ну, дорогая! О чемъ? Вѣдь я тутъ съ тобою!

Она подымаетъ свое лицо къ нему, улыбается сквозь слезы... Она видитъ его глаза, ея рай, ея небо...

— О мой Колюшка, да неужели это правда!..

Спокойно и тихо потекла ихъ жизнь въ этотъ періодъ. Андрей Александровичъ къ лѣту тоже вернулся домой и по-

далъ въ отставку, а потомъ ему предложили подходящее мѣсто на частной службѣ въ Петербургѣ, и вскорѣ переселился туда. Наталья Николаевна осталась въ Москвѣ съ Колей. Онъ не хотѣлъ бросать своего полка, въ который онъ опять былъ переведенъ, и мать и сынъ поселились вдвоемъ недалеко отъ центра города. Посѣщали вмѣстѣ театры, концерты, выставки. Наташа порвала почти со всѣми знакомыми и родными и жила жизнью сына. Бывали у нихъ только товарищи и знакомые Коли. Наташа была рада, что ей не приходилось принимать и отдавать визиты; о туалетѣ думать особенно тоже не было нужно такъ что она была совершенно счастлива и довольна своей скромной жизнью.

Коля весь предался живописи, бралъ уроки у профессора-художника и, въ свободное отъ службы время, не отходилъ отъ своего мольберта. Всѣ стѣны ихъ квартиры были увѣшаны его картинами.

Сколько незабываемыхъ, дивныхъ вечеровъ провели они вдвоемъ. Она обыкновенно работала, а онъ или читалъ ей вслухъ, или дѣлился впечатлѣніями, вынесенными съ послѣдняго концерта, выставки; или спорили и судили вмѣстѣ о какой-нибудь театральной новинкѣ. Ей было такъ пріятно сознавать, что она необходима ему; сохранить здоровыми и добрыми его душу и тѣло—вотъ въ чемъ была вся забота, вся цѣль существованія. Такъ прошелъ цѣлый годъ.—И вотъ новая бѣда стряслась надъ ними!

Въ лагеряхъ, въ холодномъ баракѣ, въ сырое, дождливое лѣто, послѣ утомительныхъ маневровъ, Коля заболѣлъ брюшнымъ тифомъ. Наташа въ это время какъ нарочно уѣхала въ Константинополь къ своей младшей сестрѣ, мужъ которой служилъ въ посольствѣ.

Хотя ей страшно грустно было разставаться съ Колей, но онъ и самъ уговорилъ ее проѣхаться, да и соблазнъ былъ великъ: повидать Константинополь, пожить въ Буюкъ-Дере на берегахъ Босфора. Она поѣхала, но не прошло и трехъ недѣль, какъ Андрей Александровичъ вызвалъ ее телеграммой къ больному сыну. Наташа прямо не помнитъ, какъ она летѣла домой; вернуться она могла лишь на пятые сутки, а мало-ли что могло случиться за это время! Она знала, какая эта страшная болѣзнь; она боялась не застать его уже въ живыхъ. Самыя мрачныя картины рисовались ей во время этого долгаго обратнаго путешествія. Минуты, полныя отчаянія, смѣнялись проблесками надежды.

„Нѣтъ, нѣтъ! думалось ей, не можетъ этого быть! Вѣдь Господь только-что вернулъ мнѣ его изъ этого ада цѣлымъ и невредимымъ. Зачѣмъ же, за что же онъ вдругъ погибнетъ теперь... Нужно только вѣрить въ Его милосердіе... Вѣрую вѣрую, Господи! Помоги моему невѣрію"!

Коля лежалъ въ госпиталѣ на Ходынкѣ. Тифъ былъ тяжелый, и одно время положеніе больного было очень опаснымъ. Шесть недѣль не отходила Наташа отъ его постели. Шесть недѣль ея душа была—одна молитва.

— „Господь мой! Сдѣлай чудо, сдѣлай, молю тебя! Если нужно, чтобы кто-нибудь пострадалъ, возьми меня! Но его, его спаси! Онъ такъ молодъ еще, онъ и жизни еще не видалъ. Господь Милосердный, спаси и помилуй"...

И чудо совершилось. Коля былъ спасенъ. Господь вернулъ матери сына.

Поправлялся онъ медленно и такъ какъ наступала осень, холода, то докторъ приказалъ ѣхать на югъ или за границу.

Какъ счастлива была Наташа, что въ данную минуту имѣла возможность исполнить это.

Рѣшено было ѣхать въ Италію. Цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ путешествію. Составляли маршрутъ, шили и заказывали подходящіе костюмы, выхлопатывали заграничные паспорта, совѣщались о томъ, какія вещи брать. Ихъ предупредили, что во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ, багажъ долженъ быть очень небольшой. Но вотъ наконецъ все готово, и Наташа съ Колей ѣдутъ впервые „за границу". Наташа счастлива не менѣе сына. Вѣдь это всегда было ея тайнымъ желаніемъ, казавшимся ей неисполнимымъ.

Это путешествіе, эта фантастическая сказка! Сколько пріятныхъ воспоминаній будитъ оно въ ней! Вдвоемъ со своимъ ненаглядным ѣдетъ она въ эту зачарованную страну, въ эту Италію, о которой она никогда и мечтать не смѣла.

Вотъ миновали Варшаву, нарядную Вѣну съ ея Пратеромъ и соборомъ Св. Стефана и летятъ на югъ къ солнцу, къ теплу. Красивый Земмерингъ, Тироль мелькаютъ передъ ними. Поздно ночью подъѣзжаютъ они къ Венеціи. Прямо изъ вагона садятся въ гондолу и плывутъ узкими темными каналами. Городъ спитъ, и слышенъ только плескъ воды и окрики красиваго, черномазаго гондольера. Наташѣ и жутко, и радостно. Ихъ подвозятъ къ какой-то темной гостиницѣ. Отводятъ номеръ. Большая неуютная комната съ неуклюжей, старинной мебелью. Коля рѣ-

шаетъ, что въ ней непремѣнно жили Отелло и Дездемона. Но они такъ устали, что заваливаются спать. На другое утро, проснувшись, подбѣгаютъ къ окошку и замираютъ отъ восторга и удивленія. Передъ ихъ глазами площадь Св. Марка, вдали лазурь Адріатическаго моря, налѣво соборъ, паллацо Дожей направо аркады зданій. Наскоро напившись кофе, они сбѣгаютъ внизъ на площадь. Вся она—мозаичный коверъ. Вотъ традиціонные голуби. Они кормятъ, ласкаютъ ихъ. Идутъ въ соборъ, гдѣ Коля дѣлаетъ нѣсколько набросковъ въ своемъ маленькомъ этюдномъ альбомѣ. Осматриваютъ Дворецъ Дожей, Вотъ залъ Большого Совѣта. Трагическая тѣнь Марино Фальери встаетъ передъ ними. Вотъ темницы, мрачныя подземелья, мостъ Вздоховъ... Они берутъ гондолу и ѣдутъ на Лидо...

Это ихъ первый этапъ. Дальше идетъ Флоренція съ ея дивными садами Боболи, гдѣ такъ пріятно гулять среди зелени миртовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ и странно думать и сознавать, что въ Россіи стоятъ теперь Рождественскіе морозы, заливается вьюга и все засыпано бѣлымъ саваномъ. Для художника Флоренція—кладъ. Стоя на Piazza di signoria, вы окружены памятниками старины и искусства. Лоджія Ланци, наполненная статуями работы Бенвенуто Челлини и другихъ знаменитыхъ скульпторовъ, среди площади Козьма Медичи на своемъ бронзовомъ конѣ, оригинальный массивъ Palazzo Vechio, мѣстопребываніе флорентійскихъ дуковъ... Все производитъ невыразимое впечатлѣніе.—Въ одинъ изъ вечеровъ передъ заходомъ солнца они ѣдутъ за городъ на площадь Микель-Анджело. Посреди стоитъ его знаменитый Давидъ, а съ террасы открывается дивный видъ на всю Флоренцію...

Цѣлый мѣсяцъ отдыхаютъ они въ Неаполѣ. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, начиная съ знаменитаго Акваріума на Villa Nazionale и кончая замкомъ St. Elma, вѣнчающимъ городъ, совершивъ экскурсію въ Помпею и Геркуланумъ, побывавъ въ Кастелламаре, Позилиппо и на Капри, они поселяются въ Поцуали, небольшомъ мѣстечкѣ, отстоящемъ въ десяти километрахъ отъ города. Большая, свѣтлая комната въ домѣ, фундаментъ котораго уходитъ въ море. Волны все время бьютъ въ стѣны, а когда непогода и море бурно, то дохлестываютъ и до ихъ балкона, который во второмъ этажѣ. Коля много гуляетъ по окрестностямъ, много рисуетъ; вѣдь на каждомъ шагу, на каждомъ поворотѣ сюжетъ для картины. Среди января, какъ-то ночью разражается небывалая гроза. Удары грома, безпрерывная молнія, ревъ бушующаго моря, все

это вмѣстѣ производитъ потрясающее впечатлѣніе. И море, и небо совершенно черныя, и только влѣво по направленію Везувія видно зарево. Безпокойный великанъ все время напоминаетъ о себѣ.—Съ облегченной душой привѣтствуетъ Наташа разсвѣтъ и первые лучи солнца, освѣщающіе волнующееся, все бѣлое отъ пѣны, море и красные паруса большихъ рыбачьихъ лодокъ, возвращающихся въ портъ.

А вотъ и Римъ! Вѣчный городъ! Это не Европейскій, не Итальянскій, а міровой городъ. Наташа чувствуетъ себя здѣсь, какъ на родинѣ, на родинѣ ея души; ей хотѣлось бы жить и умереть здѣсь. Древній Римъ въ особенности близокъ ея сердцу. Римъ царей, республики и императоровъ. Все здѣсь интересно; все говоритъ сердцу и уму. Палатинскій холмъ, Колизей, Пантеонъ, замокъ св. Ангела, Базилика св. Петра, построенная на мѣстѣ древняго цирка Нерона, мѣсто страданія и смерти св. апостола, Капитолій съ его большой отлогой лѣстницей и статуей Марка-Аврелія. Справа, въ окружающей ее зелени, виднѣется желѣзная клѣтка, въ которой на пространствѣ трехъ—четырехъ квадратныхъ аршинъ угрюмо и равномѣрно шагаетъ традиціонная волчица и жадно скалитъ зубы на проходящихъ.

Римскій Форумъ! Памятникъ или вѣрнѣе сказать собраніе памятниковъ древняго Рима! Тѣнь Юлія Цезаря проносится въ воображеніи.

Вотъ ростра, съ которой онъ можетъ быть говорилъ со своимъ народомъ и будилъ въ немъ любовь и жажду славы и власти; а вотъ остатки помоста, гдѣ по преданію лежало его бездыханное тѣло, и Маркъ-Антоній, стоя надъ нимъ, произносилъ свою знаменитую рѣчь.

Сколько дивныхъ вечеровъ проводятъ они на Monte Pincio. Здѣсь были когда-то сады Лукулла; а теперь сквозь роскошную, почти тропическую листву, мелькаютъ тамъ и сямъ красныя рясы и такія же шапочки! А какой чудный видъ отсюда на весь Римъ! Осмотрѣвъ все въ городѣ, они ѣдутъ по старой Аппіевой дорогѣ въ катакомбы св. Каликста. Худой монахъ съ изможденнымъ лицомъ, въ коричневой рясѣ, подпоясанный бичевкой, даетъ имъ въ руки маленькія зажженныя восковыя свѣчи, и они спускаются въ этотъ подземный лабиринтъ.

Темнота, спертый воздухъ. Здѣсь по этимъ узкимъ длиннымъ коридорамъ ходили первые христіане, здѣсь въ глубокихъ

нишахъ на гробницахъ первыхъ мучениковъ и на каменныхъ алтаряхъ совершали они первое христіанское богослуженіе, здѣсь скрывались они отъ своихъ гонителей. Съ какимъ чувствомъ страха и благоговѣнія слѣдуетъ Наташа за проводникомъ, слушая его объясненія и какъ облегченно вздыхаетъ, когда онъ наконецъ выводитъ ихъ изъ этого мрака и она снова видитъ лазурное небо и сіяющее солнце.

И здѣсь же, на этой дорогѣ стоитъ маленькая часовня, среди которой возвышается мраморное изваяніе Спасителя съ крестомъ. Стоитъ она по преданію на томъ мѣстѣ, гдѣ Онъ Самъ явился апостолу Петру, который, увидавъ своего Божественнаго Учителя, со страхомъ и радостью бросился передъ Нимъ на колѣни, говоря: „Quo vadis, Domine?“ О, съ какимъ благоговѣніемъ припадаетъ и Наташа къ этому небольшому пространству земли, которое виднѣется здѣсь же между бѣлыми мраморными плитами, земля, къ которой прикоснулись стопы Спасителя Міра и Его св. апостола!

Конца нѣтъ воспоминаніямъ о Римѣ! Ими можно было бы наполнить цѣлую книгу. Пребываніе въ немъ глубоко запечатлѣлось и въ умѣ и въ сердцѣ Наташи.

Красивой вереницей мелькаютъ дальше Миланъ съ его бѣлымъ, кружевнымъ соборомъ, Генуя съ знаменитымъ Campo-Santo, кладбище, гдѣ каждый памятникъ красота и очарованіе.

Потомъ вся Итальянская Ривьера, поражающая разнообразіемъ красокъ и видовъ. А тамъ дальше двигаются на сѣверъ, объѣзжаютъ всѣ озера. Лаго-Маджіоре, Лугано, Комо—все это одна волшебная, красивая панорама.

И глаза, и память съ жадностью воспринимаютъ всѣ эти разнообразныя впечатлѣнія, чтобы потомъ воспоминанія о нихъ служили радостью и утѣшеніемъ—и уму, и сердцу.

И вотъ они снова у себя въ Москвѣ, въ своей маленькой квартиркѣ. Наташа отдыхаетъ.

Послѣ столькихъ впечатлѣній она рада, что можетъ, спокойно сидя дома, разобраться въ нихъ. Они вернулись къ Пасхѣ. Коля ѣздитъ по знакомымъ, дѣлаетъ визиты; иногда тащитъ и мать съ собою.

Наташа присматривается къ молодымъ дѣвушкамъ. Странное

чувство у нея къ нимъ! Она въ каждой видитъ врага; и хотя Коля ни за кѣмъ особенно и не ухаживаетъ, но мысль у нея одна: которая изъ нихъ отниметъ его у меня? И неуловимое чувство враждебности проглядываетъ у нея невольно къ каждой изъ нихъ.

Семья N—очень любезна и внимательна и къ ней, и къ Колѣ. Тамъ двѣ молодыхъ дѣвушки; и этого достаточно, чтобы Наташа относилась къ нимъ съ затаенной подозрительностью. А между тѣмъ дѣвушки милыя, хорошія, образованныя; съ ней ласковы, привѣтливы. На желаніе Коли узнать ея мнѣніе о нихъ, она можетъ отвѣтить только похвалой. Вторая изъ нихъ, повидимому, нравится ему.

Наташа старается анализировать себя. Что это? Ревность, зависть?.. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. И какъ глупы тѣ, которые утверждаютъ это! Не ревность же, нѣтъ. Это какое-то другое, необъяснимое, непобѣдимое, гнетущее чувство! Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Коля уѣхалъ погостить къ нимъ въ Финляндію. Обѣщался пробыть недѣли двѣ—три, небольше. И вотъ, когда она его такъ ждала, такъ мечтала о томъ, что онъ опять вернется къ ней, будетъ жить около нея, и вдругъ эта телеграмма!..

Все рухнуло, все исчезло!—И эта жизнь вдвоемъ изо дня въ день, возможность его видѣть постоянно, знать всѣ его мысли, оберегать его отъ всего дурного, предупреждать всякую опасность, чувствовать, какъ она необходима ему—и вотъ всего этого больше не будетъ. Онъ уйдетъ отъ нея. Отдастъ свое сердце, свою любовь, свои заботы той, чужой. А она, та чужая, какъ она отплатитъ ему за это? Будетъ ли его цѣнить, будетъ ли любить такъ же безгранично, какъ любитъ его *она?* И какъ подумаешь, что то, что теперь она дѣлаетъ для него—то же самое *онъ* будетъ дѣлать для той, другой: такъ же будетъ лелѣять, такъ же беречь и баловать. Получитъ ли онъ за это награду? Отплатятъ ли ему тѣмъ же? Или съ полнымъ равнодушіемъ и эгоизмомъ будутъ принимать всѣ эти проявленія, какъ должное? Теперь вотъ она, мать, смотритъ ему въ глаза, старается отгадать малѣйшее желаніе, готова на всякій подвигъ для него, ради него, изъ любви къ нему! А тамъ въ будущемъ *такъ поступать* будетъ *онъ*, будетъ готовъ на всѣ жертвы и подвиги; и дѣлать будетъ онъ это, потому что *будетъ тоже любить* ту, другую!..

И вотъ ей стало вдругъ все понятно и ясно. Вся истина открылась передъ ней!

Вѣдь Коля такой же человѣкъ, какъ и она; ему присуще,

значитъ, все человѣческое. Она жила, любила и страдала. Безъ страданья нѣтъ любви, нѣтъ жизни. Любовь—это и есть то страданіе, котораго мы въ жизни не можемъ избѣгнуть. *Любить—это значитъ ежеминутно рисковать быть раненой въ самыхъ тайникахъ нашего сердца и души.* Мы должны пройти черезъ это, и ничто, и никто не можетъ насъ отъ этого уберечь и спасти. Это неизбѣжно! Ея Коля начинаетъ жить, новые горизонты открываются передъ нимъ и, онъ пройдетъ, долженъ будетъ пройти черезъ все это.

А ея жизнь—кончена! Она не смѣетъ, не имѣетъ нравственнаго права требовать или желать что-нибудь лично для себя. Она уйдетъ съ жизненнаго пути, покорно и со смиреніемъ говоря: „Нынѣ, Господи, отпускаешь рабу твою"!..

М. С.

Записки Н. А. фонъ-Розенбаха [1]).

Было собрано въ 1884 году, нѣсколько сотъ пудовъ хлопка, въ 1885 году около 20 тысячъ пудовъ, въ 1886 году около 40 тыс. пуд., въ 1887 г. около 250 тыс. пуд., въ 1888 году не менѣе милліона пудовъ, въ томъ числѣ въ одной Ферганской области не менѣе 300.000 пуд. Если хлопководство и впредь будетъ развиваться въ той же пропорціи, то можно съ увѣренностью сказать, что лѣтъ черезъ десять Россія не будетъ нуждаться въ ввозѣ изъ Америки хлопка, и тѣ 100 милл. руб. золотомъ, которые мы до сихъ поръ платили, будутъ оставаться у насъ дома. Могу съ гордостью сказать, что Россія мнѣ въ этомъ будетъ обязана. Составленное и изданное г. Вилькенсомъ по моему распоряженію руководство хлопководамъ принесетъ также несомнѣнную пользу.

Не меньшую пользу принесутъ Туркестану учрежденныя въ 1884 г. въ Ташкентѣ, а въ слѣдующіе годы въ Самаркандѣ, Новомъ-Маргеланѣ и Петро-Александровскѣ гренажныя станціи. Шелководство процвѣтало съ давняго времени въ Средней Азіи. Проявившаяся въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Средней Азіи болѣзнь червей грозила, какъ она и имѣла мѣсто въ Хивинскомъ ханствѣ, совершенно погубить шелководство. Учрежденныя мною гренажныя станціи, снабжая населеніе здоровою греною, отстранятъ эту опасность. Населеніе Туркестанскаго края оцѣнило вполнѣ, какъ оно видно между прочимъ изъ представленныхъ мнѣ въ 1889 году въ Ферганской области адресовъ, мою заботливость, и ни одна изъ

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

принятыхъ мною въ краѣ мѣръ не была принята съ такимъ общимъ сочувствіемъ, какъ снабженіе населенія здоровою шелковичною греною.

Въ 1883 году генераломъ Черняевымъ была закрыта Ташкентская публичная библіотека, и книги переданы въ устроенное имъ книгохранилище, библіотеку окружного штаба и учебныя заведенія. Немедленно по пріѣздѣ моемъ въ Ташкентъ, публичная библіотека была мною вновь открыта.

19 августа 1884 года я выѣхалъ изъ Ташкента, чтобы осмотрѣть часть Сыръ-Дарьинской области, Заравшанскій округъ и Ферганскую область. Это былъ мой первый объѣздъ края.

Пробывъ сутки въ Джизакѣ, я выѣхалъ 21 августа въ Самаркандъ. На берегу рѣки Заравшана я былъ встрѣченъ массою населенія и Бухарскимъ посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ наслѣдный принцъ, нынѣ царствующій Эмиръ бухарскій. Картина встрѣчи была восхитительна и произвела на меня сильное впечатлѣніе. Наслѣдный принцъ держалъ себя во все время моего пребыванія въ Самаркандѣ съ большимъ тактомъ и достоинствомъ, и такъ какъ ко времени моего пріѣзда въ Самаркандъ уже установились вполнѣ правильныя отношенія къ Бухарскому правительству, то я, съ своей стороны, оказывалъ ему всякое вниманіе. Эмиръ былъ настолько доволенъ оказанному мною принцу пріему, равно и умѣнью и такту, съ которыми себя держалъ сей послѣдній, что по возвращеніи его въ Бухару онъ возстановилъ его Керминскимъ бекомъ,—и должность, отъ которой онъ былъ отчисленъ въ 1883 году по возвращеніи изъ Москвы, гдѣ присутствовалъ на коронаціи. Наслѣдный принцъ, обязанный мнѣ въ томъ, что вновь установились добрыя отношенія между имъ и отцомъ, сохранилъ о свиданіи со мною самое благодарное воспоминаніе.

Въ теченіе десяти дней я осмотрѣлъ подробно г. Самаркандъ и весь Заравшанскій округъ. Это была, ко времени моего пріѣзда въ Туркестанъ, единственная благоустроенная часть края, что меня побудило 30 августа на оффиціальномъ обѣдѣ, между прочими тостами, выпить за здоровье бывшаго начальника округа генералъ-лейтенанта Абрамова, которому городъ Самаркандъ и весь Заравшанскій округъ обязанъ своимъ благоустройствомъ.

Войскамъ я сдѣлалъ смотръ, и присутствовалъ на двухстороннемъ маневрѣ. Наслѣдный принцъ сопровождалъ меня постоянно. Строевое обученіе войскъ было хорошо, въ такти-

ческомъ же отношеніи они были подготовлены неудовлетворительно. Въ г. Катта-Курганѣ меня поразила ветхость православной церкви. Несмотря на самыя настойчивыя представленія, мнѣ удалось только въ 1889 году исходатайствовать нужный кредитъ на постройку новой церкви.

Туземное населеніе я нашелъ весьма зажиточнымъ и по видимому вполнѣ довольнымъ русскою администраціею и порядками, установленными русскимъ правительствомъ. Оно встрѣчало меня вездѣ привѣтливо.

1 сентября я выѣхалъ черезъ Ура-Тюбе и Ходжентъ въ Ферганскую область. На границѣ области я былъ встрѣченъ военнымъ губернаторомъ генералъ-маіоромъ Ивановымъ. Пріемъ, оказанный мнѣ населеніемъ, рѣзко отличался отъ сдѣланнаго мнѣ въ Заравшанскомъ округѣ; вездѣ проявлялось неудовольствіе, можно сказать враждебность къ русскому правительству; я былъ заваленъ просьбами, въ которыхъ преимущественно приносились жалобы на тяжесть поземельнаго налога; во время моего пребыванія въ области мнѣ было подано таковыхъ не менѣе 2.000. Не имѣя возможности оказать немедленную помощь, я объявлялъ населенію, что буду со временемъ ходатайствовать о новой переобработкѣ, пока же населеніе обязано уплачивать налогъ, установленный организаціонными комиссіями. Населеніе, не удовлетворяясь этимъ рѣшеніемъ, продолжало настаивать на безотлагательномъ уменьшеніи налога, и бывали случаи, что мнѣ приходилось обращаться къ содѣйствію казаковъ, чтобы разгонять толпу, подступавшую ко мнѣ съ дерзкими требованіями.

Ирригаціонная система находилась въ полномъ запущеніи, и жалобы населенія на недостатокъ воды для обработки земель имѣли полное основаніе. Генераломъ Черняевымъ была упразднена должность завѣдывающаго ирригаціею и его помощника; распоряженіе это имѣло самыя погубныя послѣдствія, не было лица, отвѣтственнаго за состояніе ирригаціонной системы и наблюдающаго за правильнымъ состояніемъ каналовъ и арыковъ. Я рѣшился возстановить эти должности, что мною и было произведено въ исполненіе 1 января 1885 года; на вновь назначеннаго ирригатора мною была возложена обязанность выработать и представить соображенія о сооруженіяхъ необходимыхъ для приведенія въ благоустройство ирригаціонной системы въ Ферганской области.

Городъ Кокандъ произвелъ на меня самое удручающее впечатлѣніе. Широко раскинувшись, туземный городъ, съ

60 тысячнымъ населеніемъ, отличался, какъ всѣ сартовскіе города, грязью и смрадомъ: узкія, извилистыя улицы содержались дурно; движеніе по нимъ было крайне затруднительно. Русскаго города вовсе не было; кромѣ развалившихся казармъ 16 батальона и тюрьмы, не было никакихъ казенныхъ зданій. Офицеры и чиновники должны были жить въ сартовскомъ городѣ; кромѣ неудобствъ, положеніе это представляло большую опасность; въ случаѣ возмущенія, которое, при тогдашнемъ настроеніи населенія, было вполнѣ возможно, офицеры и чиновники легко могли быть зарѣзаны. Конечно, я обратилъ самое серьезное вниманіе на печальное положеніе русскихъ; по сдѣланнымъ мною на мѣстѣ указаніямъ, военнымъ губернаторомъ былъ составленъ планъ русскаго города, который былъ мною утвержденъ въ 1884 же году; всѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи свободныя средства были назначены на постройку необходимыхъ казенныхъ зданій въ Кокандѣ, городъ быстро обстроился, и въ 1889 году я имѣлъ радость видѣть прекрасно распланированный съ шоссированными улицами изящный городокъ, лучшій можно сказать уѣздный городокъ во всемъ краѣ.

Новый-Маргеланъ заставлялъ также многаго желать; рядомъ съ колоссальными строеніями, частью, какъ домъ военнаго губернатора за недостаткомъ средствъ, неоконченными, ютились крошечные домики; многихъ необходимыхъ казенныхъ зданій недоставало; церковь убогая. Къ сожалѣнію, бывшая администрація не съумѣла правильно распорядиться находившимися въ ея распоряженіи широкими средствами. Такъ называемыя Ферганскія суммы были, можно сказать, зря израсходованы. Ничтожность городскихъ суммъ не давала мнѣ возможности серьезно улучшить состояніе города; единственное, что мнѣ удалось сдѣлать, это исходатайствовать необходимую сумму на постройку новой церкви, къ чему было приступлено въ 1889 году.

Объѣхавъ, вслѣдъ за осмотромъ Коканда и Маргелана, Ошъ, Андижанъ и Намангамъ, гдѣ я вынесъ тѣ же неудовлетворительныя впечатлѣнія, я вернулся 20 сентября въ Ташкентъ.

Осенью 1884 года былъ присланъ на мое заключеніе, составленный комиссіею графа Игнатьева, проектъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ, при чемъ военный министръ меня обязалъ представить мои соображенія въ срокъ не болѣе мѣсяца. Пришлось усиленно заняться этимъ дѣломъ, къ назначенному сроку мое заключеніе было отправлено въ Петербургъ, при чемъ на многія изъ предположеній комиссіи графа Игнатьева

были представлены вѣскія возраженія. Въ особенности я настаивалъ на образованіи изъ Заравшанскаго округа, съ присоединеніемъ къ нему Ходжентскаго и Джизакскаго уѣзда, Самаркандской области, тогда какъ комиссія по узкимъ, финансовымъ соображеніямъ предполагала всю эту территорію присоединить къ Сыръ-Дарьинской области.

Осенью того же года начались дѣйствія Афганской пограничной комиссіи, и такъ какъ нельзя было расчитывать съ увѣренностью на мирный исходъ переговоровъ съ Англіею, то мнѣ было приказано имѣть въ готовности, на случай открытія военныхъ дѣйствій, отрядъ въ составѣ около 10.000 человѣкъ для движенія въ Сѣверный Афганистанъ. Въ концѣ года военный министръ сообщилъ мнѣ въ шифрованной телеграммѣ Высочайшее повелѣніе занять однимъ батальономъ Ходже-Сале, пунктъ, находящійся близъ Келифа на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи. Повелѣніе это привело меня въ полное недоумѣніе. Ходже-Сале находился по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ на Афганской территоріи, занявъ его батальономъ, можно было съ увѣренностью ожидать, что онъ будетъ атакованъ афганцами, своевременно поддержать его туркестанскими войсками я бы не могъ, ибо ближайшіе резервы были расположены въ Самаркандѣ, т.-е. въ разстояніи болѣе 350 верстъ отъ Ходже-Сале. Можно было ожидать, что батальонъ будетъ разбитъ, что съ нашей стороны неизбѣжно бы вызвало начало общихъ военныхъ дѣйствій. Въ Средней Азіи, гдѣ населеніе крайне впечатлительно, нужно остерегаться всякихъ опрометчивыхъ дѣйствій; всякій, хотя и ничтожный неуспѣхъ можетъ подорвать наше положеніе. Основываясь на вышеизложенныхъ соображеніяхъ, я рѣшился не исполнить сообщенное мнѣ Высочайшее повелѣніе, донести обо всемъ военному министру, прося новыхъ приказаній.

Полученною мною черезъ нѣсколько дней телеграммою, занятіе Ходже-Сале Высочайше было отмѣнено. Я думаю, что въ данномъ случаѣ, моимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій, я оказалъ Государю и Россіи громадную услугу.

Пользуясь услугами одного почетнаго туземца, хорошо извѣстнаго Абдурахманъ-Хану, я, съ согласія министра иностранныхъ дѣлъ, вошелъ въ секретныя сношенія съ эмиромъ Афганскимъ, съ цѣлью ему выяснить, что Русское правительство не имѣетъ противъ него никакихъ враждебныхъ замысловъ, и цѣль пограничной комиссіи установить прочную границу, обезпечивающую на будущее время сохраненіе мирныхъ и дружескихъ отношеній между Россіею и Афганистаномъ. Эмиръ

отвѣтилъ въ томъ же дружескомъ тонѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что веденныя въ этомъ направленіи секретныя сношенія облегчили бы дѣйствія пограничной комиссіи, но тутъ неожиданно разыгрался бой при Кушкѣ, Абдурахманъ-Ханъ подумалъ, что я обманываю его, и наши сношенія прекратились.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1884 года я получилъ приказаніе двинуть одинъ лишній батальонъ отъ Самарканда въ Закаспійскую область для подкрѣпленія генерала Комарова. Въ прежнее время при управленіи краемъ генераломъ Кауфманомъ, каждый разъ, когда приходилось двигать русское войско черезъ Бухарское ханство, посылалось посольство къ эмиру Бухарскому, чтобы испросить его разрѣшенія на движеніе войскъ. Въ данномъ случаѣ, желая выиграть время и пользуясь авторитетомъ, который пріобрѣлъ, я поступилъ иначе. Я двинулъ 3 батальона изъ Самарканда и одновременно послалъ моего личнаго адъютанта ротмистра Шафрова въ Бухару съ порученіемъ сообщить эмиру о сдѣланномъ мною распоряженіи, и просить его оказать содѣйствіе батальону во время слѣдованія по ханству. Эмиръ исполнилъ съ точностью мою просьбу и приложилъ всякое стараніе къ удобному движенію батальона.

Благодаря вышеизложеннымъ мѣрамъ, 3 Туркестанскій батальонъ прибылъ въ Мервъ раньше, чѣмъ генералъ Комаровъ успѣлъ передвинуть собственные свои резервы къ этому пункту, и принялъ участіе въ дѣлѣ при Кушкѣ. Не будь тамъ этотъ батальонъ, сраженіе, быть можетъ, иначе бы разыгралось.

Послѣ сраженія при Кушкѣ, отношенія наши къ Англіи и Афганистану приняли самый острый характеръ. Можно было ожидать каждый день начало военныхъ дѣйствій. Составъ Туркестанскаго отряда былъ въ точности опредѣленъ, и сдѣланы всѣ предварительныя распоряженія къ движенію. Когда я осенью 1885 года представлялся Государю, по случаю пріѣзда въ Петербургъ, Его Величество сказалъ мнѣ, что было время, когда война съ Англіею казалась неизбѣжною.—Однакожъ гордый Альбіонъ уступилъ, войны не было, и проведена пограничная черта, вполнѣ выгодная для Россіи.

Лѣтомъ 1885 г. я осмотрѣлъ Чимкентскій и Ауліэтинскій уѣзды. Въ послѣднемъ было нѣсколько русскихъ поселеній, которыя я посѣтилъ. Къ сожалѣнію, вынесенное впечатлѣніе было далеко не отрадное. Большинство поселенцевъ жило въ большой бѣдности; церквей, школъ не было нигдѣ. Благодаря заботливости и толковымъ распоряженіямъ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области генералъ-маіора Гродекова, за

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

послѣднее время состояніе поселеній улучшилось замѣтно, открыто нѣсколько школъ и въ одномъ изъ нихъ (Чалбовары) построена церковь (1889 г.).

Въ августѣ началъ я получать весьма неутѣшительныя извѣстія изъ Ферганской области. Неудовольствіе населенія, замѣченное мною при объѣздѣ въ 1884 году, начало выступать въ болѣе рѣшительной формѣ. По области стали бродить шайки человѣкъ въ 100—150, призывающихъ населеніе къ открытому возстанію противъ русскихъ властей и совершающихъ разныя безчинства. Ими были захвачены и зарѣзаны нѣсколько волостныхъ управителей, оставшіеся вѣрными русскимъ. Проѣздъ по почтовымъ дорогамъ дѣлался не безопаснымъ, мирными жителями овладѣла общая тревога. Военнымъ губернаторомъ области генераломъ Ивановымъ принимались всякія мѣры къ прекращенію безпорядковъ, направлялись летучіе отряды войскъ по разнымъ направленіямъ для поимки шаекъ и успокоенія населенія. Нѣсколько шаекъ было настигнуто, но при первыхъ встрѣчахъ онѣ разбѣжались, и появлялись вновь въ другихъ пунктахъ. Тревожное положеніе продолжалось до конца сентября, когда начальнику Андижанскаго уѣзда капитану Брянову удалось настичь одну значительную шайку человѣкъ въ 200, при чемъ нѣсколько человѣкъ было убито и человѣкъ 50 захвачено въ плѣнъ.

Главные зачинщики безпорядковъ, 21 человѣкъ, были сосланы мною въ Сибирь. Спокойствіе возстановилось въ области.

Осенью же 1885 года стали до меня доходить слухи о серьезной болѣзни эмира Бухарскаго. Пользуясь командировкою въ Бухару генеральнаго штаба капитана Карцева, я приказалъ ему проѣздомъ черезъ Керминъ представиться наслѣдному принцу и передать ему, что въ случаѣ смерти отца онъ дѣйствовалъ бы рѣшительно, при чемъ можетъ разсчитывать не только на мою нравственную, но въ случаѣ надобности и фактическую поддержку. Зная, что наслѣдный принцъ окруженъ шпіонами отца, я призналъ необходимымъ приказать капитану Карцеву передать слова, сообщенныя наслѣдному принцу, и эмиру. При существующихъ добрыхъ отношеніяхъ къ эмиру, мнѣ было весьма тяжело возложить подобное порученіе на капитана Карцева, но, имѣя въ виду, что послѣ смерти царствующаго эмира всегда происходили народные безпорядки, часто и рѣзня, въ нашихъ же интересахъ было, чтобы, признанный Русскимъ Царемъ, наслѣдный принцъ вступилъ бы на престолъ безъ кровопролитія, я призналъ необходимымъ принять вышеобъясненную

мѣру, будучи увѣренъ, что она произведетъ свое дѣйствіе на сановниковъ и жителей Бухары. Выслушавъ слова, переданныя капитаномъ Карцевымъ, эмиръ сдержалъ себя съ трудомъ, ему показалось обиднымъ напоминаніе о возможности его близкой кончины, и онъ обошелся очень холодно съ моимъ посланцемъ. Но дальнѣйшее мое чрезвычайно внимательное къ нему отношеніе изгладило невыгодное впечатлѣніе, но слѣдующія же событія доказали, насколько полезна была моя предусмотрительность. Когда въ послѣднихъ числахъ октября эмиръ скончался, наслѣдный принцъ, увѣренный въ моей поддержкѣ, двинулся смѣло въ Бухару, народъ же въ Бухарѣ, зная, что въ случаѣ безпорядковъ я двину ему на помощь русскія войска, подчинился ему безпрекословно, и восшествіе на престолъ совершилось спокойно, безъ пролитія единой капли крови. Въ 1888 году, при свиданіи моемъ съ эмиромъ, онъ выразилъ мнѣ, что обязанъ мнѣ, что сдѣлался эмиромъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1885 года предполагалось разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ проекта Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Получивъ въ началѣ октября болѣе успокоительныя извѣстія о состояніи здоровья эмира, и признавая совершенно необходимымъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ при предстоящихъ работахъ по составленію Положенія, я испросилъ черезъ военнаго министра Высочайшее разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ, по полученіи котораго я и выѣхалъ 22 октября изъ Ташкента. Въ ночь съ 2-го на 3 ноября, при проѣздѣ черезъ г. Иргизъ, мнѣ были доставлены телеграммы политическаго агента въ Бухарѣ камеръ-юнкера Чарыкова, а вслѣдъ за ней генерала Яфимовича, извѣщающія меня о смерти эмира Бухарскаго. Въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, я остановился въ Иргизѣ. Проведенная въ Бухару телеграфная линія принесла неоцѣнимые плоды. Благодаря ей въ теченіе 3 ноября выяснилось вполнѣ для меня, что нельзя было ожидать смутъ въ Бухарѣ. Наслѣдный принцъ вступилъ спокойно на престолъ, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ, все населеніе и войска признали его эмиромъ. 4-го ноября я выѣхалъ изъ Иргиза, продолжая путь въ Петербургъ, куда пріѣхалъ 12 ноября. Въ тотъ же день я представился военному министру. Генералъ-адъютантъ Ванновскій встрѣтилъ меня словами: „А Вы пріѣхали меня смѣнить?“ Пораженный этимъ вопросомъ, я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и отвѣтилъ ему, что ничто подобное не приходило мнѣ въ голову. Впослѣдствіи я узналъ, что незадолго до моего пріѣзда въ Петер-

бургъ военный министръ былъ тяжко боленъ. Находящійся въ то время въ столицѣ М. Н. Катковъ слышалъ отъ Государя, что въ случаѣ, если генералъ-адъютантъ Ванновскій долженъ будетъ за болѣзнью оставить занимаемый имъ постъ, онъ назначитъ меня военнымъ министромъ. Катковъ сообщилъ объ этомъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ московскому генералъ-губернатору князю Долгорукому, и обѣ столицы заговорили о моемъ назначеніи военнымъ министромъ. Нескромностью своею Михаилъ Никифоровичъ оказалъ мнѣ дурную услугу: генералъ-адъютантъ Ванновскій сталъ смотрѣть на меня, какъ на кандидата на постъ военнаго министра, и вотъ начало его непріятныхъ отношеній ко мнѣ. Во время управленія моего Туркестанскимъ краемъ, чувства эти проявлялись неоднократно, и въ настоящее время, когда я сошелъ съ политической сцены, и никакъ не могу быть ему соперникомъ, онъ все-таки, я думаю, не переборолъ свою ко мнѣ непріязнь.

Я имѣлъ неосторожность передать генералъ-адъютанту графу Воронцову-Дашкову мой разговоръ съ военнымъ министромъ, тотъ сообщилъ его князю Мещерскому, и въ одинъ прекрасный день онъ появился на страницахъ „Гражданина“, что конечно не улучшило мои отношенія къ генералу Ванновскому.

13-го ноября я представился въ Гатчинѣ Государю Императору и Императрицѣ, и удостоился со стороны Ихъ Величествъ самаго милостиваго пріема. Вслѣдъ за симъ я съ женою были приглашены, въ числѣ весьма немногихъ, на придворный спектакль въ Гатчину, и удостоились самаго милостиваго вниманія Ихъ Величествъ, что было замѣчено всѣми присутствующими.

По пріѣздѣ въ Петербургъ я сдѣлалъ, по установленному обычаю, визиты всѣмъ министрамъ, которые мнѣ немедленно ихъ отплатили, за исключеніемъ генералъ-адъютанта Ванновскаго, не удостоившаго меня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль своимъ посѣщеніемъ. Образъ дѣйствій этотъ наводилъ на меня грустныя размышленія. Чувство это еще усилилось, когда я узналъ, что мои замѣчанія на проектъ комиссіи графа Игнатьева объ управленіи краемъ были переданы на заключеніе графа, имъ конечно отвергнуты, и что генералъ-адъютантъ Ванновскій во всемъ согласился съ мнѣніемъ предсѣдателя комиссіи. Мнѣ предстояла въ Государственномъ Совѣтѣ борьба, не только съ графомъ Игнатьевымъ, но и съ военнымъ министромъ. Убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и правильности сдѣланныхъ мною замѣчаній, я рѣшился ихъ твердо отстаивать въ Госу-

дарственномъ Совѣтѣ, съ тѣмъ, что если самыя существенныя представленія не будутъ уважены, въ край не возвратиться. О рѣшеніи этомъ я не дѣлалъ секрета и заявлялъ его открыто. Меня возмущало въ особенности, что нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній на проектѣ Положенія были опровергнуты въ самой неприличной формѣ.

Въ представленіи своемъ въ Государственный Совѣтъ, военный министръ, между прочимъ, выражалъ свое удивленіе, что я, не выждавъ утвержденія Положенія объ управленіи краемъ, рѣшился собственною властью возстановить публичную библіотеку и ирригаціонное управленіе въ Ферганской области. Онъ обвинялъ меня въ опрометчивости, между тѣмъ какъ второю изъ вышеобъясненныхъ мѣръ я спасъ область отъ неминуемыхъ бѣдствій, и сохранилъ для казны сотни тысячъ рублей, которыя населеніе не въ состояніи было бы уплатить, если мною не были бы приняты рѣшительныя мѣры къ приведенію ирригаціонной системы въ благоустройство.

Къ счастью, разсмотрѣніе Положенія въ Государственномъ Совѣтѣ было отложено до начала января 1886 года, и я имѣлъ время составить при содѣйствіи завѣдывающаго моею походною канцеляріею надворнаго совѣтника Хомутова, весьма способнаго и отлично знающаго край чиновника, новую записку, въ которой опровергались доводы графа Игнатьева, одобренные военнымъ министромъ и внесенные имъ въ Государственный Совѣтъ Записка моя была напечатана и представлена въ большомъ числѣ экземпляровъ генералъ адъютанту Ванновскому, съ просьбою представить ее въ Государственный Совѣтъ, для разсылки членамъ и подлежащимъ министрамъ. За нѣсколько дней до Рождества пріѣхалъ ко мнѣ, совершенно для меня неожиданно, военный министръ, одѣтый въ мундиръ. Оказалось, что онъ заѣхалъ ко мнѣ прямо послѣ доклада у Государя. „Однакожъ надо же мнѣ съ Вами прійти къ какому-либо соглашенію“, сказалъ мнѣ генералъ-адъютантъ Ванновскій; „пріѣзжайте ко мнѣ сегодня вечеромъ и потолкуемте о тѣхъ статьяхъ Положенія, по которымъ расходимся въ мнѣніяхъ“. Въ тотъ же вечеръ состоялось совѣщаніе при участіи завѣдывающаго Азіатскою частью главнаго штаба генералъ-маіора Иванова, моего главнаго оппонента. Представленные мною доводы были настолько убѣдительны, что военный министръ согласился на все, отказался отъ сдѣланныхъ имъ возраженій и объявилъ, что не будетъ мнѣ возражать въ Государственномъ Совѣтѣ. Обѣщаніе это генералъ-адъютантъ Ванновскій сдержалъ вполнѣ. На пер-

вомъ засѣданіи Государственнаго Совѣта онъ прямо заявилъ, что отказывается отъ возраженій, сдѣланныхъ имъ на мои замѣчанія, и согласенъ со мною по всѣмъ пунктамъ. Положеніе мое замѣтно улучшилось, мнѣ предстояла борьба съ однимъ графомъ Игнатьевымъ, но простилъ ли мнѣ чистосердечно генералъ-адъютантъ Ванновскій ударъ, нанесенный его самолюбію, другой вопросъ! Я думаю, что нѣтъ.

Въ половинѣ января 1886 года началось въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта разсмотрѣніе проекта Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ. Всѣхъ засѣданій было двадцать, и всѣ пункты Положенія подверглись самому тщательному разсмотрѣнію. Я твердо отстаивалъ всѣ сдѣланныя мною замѣчанія, и несмотря на горячія возраженія со стороны графа Игнатьева, былъ настолько счастливъ, что всѣ безъ исключенія были приняты во вниманіе соединенными департаментами. Проектъ графа Игнатьева подвергся самымъ существеннымъ измѣненіямъ. Я готовился тщательно къ каждому засѣданію, и не мало трудовъ стоила мнѣ защита моего мнѣнія. Наиболѣе трудно было мнѣ настоять на образованіи Самаркандской области, что вызывало расходъ въ 60.000 руб., въ то время, какъ графъ Игнатьевъ предполагалъ присоединить Заравшанскій округъ къ Сыръ-Дарьинской области. Въ вопросѣ этомъ поддержали меня предсѣдатель департамента экономіи д. т. с. Абаза и министръ финансовъ Бунге. Нынѣ, когда русскіе гарнизоны стоятъ въ Чарджуѣ и Керки, которые подчинены командующему войсками Самаркандской области, особенно рельефно выразилась необходимость образованія Самаркандской области. Не будь этой области, гарнизоны въ выше названныхъ пунктахъ подчинялись бы военному губернатору Сыръ-Дарьинской области, территорія которой была бы настолько обширна, что успѣшно ею управлять было бы немыслимо.

Въ виду того, что проектъ графа Игнатьева подвергся, какъ выше было сказано, самымъ существеннымъ измѣненіямъ, приложенные къ проекту Положенія штаты оказались не соотвѣтствующими. Соединенные департаменты возложили на меня составленіе проекта новыхъ штатовъ, сообразно съ постановленіями департаментовъ, при чемъ министръ финансовъ Бунге и государственной контролеръ Сольскій выразили мнѣ, что при составленіи штатовъ я долженъ имѣть въ виду, чтобы расходъ на администрацію никоимъ образомъ не превышалъ расхода

на существовавшую до того времени администрацію. Я выразилъ готовность въ точности руководствоваться этимъ указаніемъ, и мнѣ удалось дѣйствительно, несмотря на то, что вновь вводимые въ краѣ новые суды вызывали значительный расходъ, проектировать штаты, уменьшающіе расходы казны по управленію краемъ приблизительно на 20.000 руб.

Наканунѣ дня разсмотрѣнія штатовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, заѣхалъ ко мнѣ графъ Игнатьевъ, чтобы узнать результатъ моей работы. Получивъ должное объясненіе, онъ заявилъ мнѣ, что, въ виду достигнутаго мною сокращенія расходовъ, онъ согласенъ на мои штаты и возражать мнѣ не будетъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Несмотря на это рѣшительное заявленіе, графъ Игнатьевъ въ засѣданіи Совѣта подвергъ мою работу самой строгой критикѣ и настаивалъ горячо на дальнѣйшемъ сокращеніи расхода. Остальные члены соединенныхъ департаментовъ, въ томъ числѣ и министръ финансовъ и государственный контролеръ, удовлетворенные вполнѣ тѣмъ, какъ я исполнилъ возложенное на меня порученіе, не поддержали его.

Графъ Игнатьевъ доказывалъ въ особенности горячо безполезность учрежденія въ Ферганской области ирригаціоннаго управленія, основываясь на томъ, что управленіе это было упразднено бывшимъ генералъ-губернаторомъ генераломъ Черняевымъ.—„Одно то, что управленіе это было упразднено генераломъ Черняевымъ“, отвѣтилъ ему д. т. с. Абаза, „доказываетъ необходимость его возстановить“.

Чтобы положить конецъ безполезнымъ преніямъ, предсѣдательствующій въ соединенныхъ департаментахъ Д. Т. С. баронъ Николаи обратился къ графу Игнатьеву съ слѣдующими словами: „Finissez donc, M-er le Comte. Vous voyez que tout le monde est content“. Тутъ графъ Игнатьевъ замолчалъ наконецъ; проектированные мною штаты были утверждены безъ всякаго измѣненія. Весьма задѣтый понесеннымъ имъ полнымъ пораженіемъ, графъ оставилъ засѣданіе крайне взволнованный, что однакожъ не помѣшало ему весьма дружески встрѣтиться со мною черезъ нѣсколько дней, и по Высочайшемъ утвержденіи Положенія, телеграфировавать мнѣ объ этомъ въ Ташкентъ, присовокупивъ, что общимъ собраніемъ Государственнаго Совѣта не сдѣлано никакихъ измѣненій въ проектѣ, представленномъ соединенными департаментами.

Изъ вышесказаннаго можно вывести заключеніе, что графъ Игнатьевъ не злопамятенъ.

Въ началѣ апрѣля состоялось у министра иностранныхъ дѣлъ д. т. с. Гирса особое совѣщаніе, гдѣ присутствовали военный министръ г.-а. Ванновскій, начальникъ главнаго штаба г.-а. Обручевъ, начальникъ Азіатскаго департамента т. с. Зиновьевъ и я. На обсужденіе совѣщанія былъ предложенъ вопросъ, слѣдуетъ ли въ инструкціи предсѣдателю комиссіи по афганскому разграниченію указать, чтобы онъ настоялъ на включеніе Ходже-Саляра въ наши предѣлы. По всестороннему обсужденію этого вопроса выяснилось, что пунктъ этотъ не имѣетъ для насъ значенія. Послѣ этого генералъ-адъютантъ Обручевъ предложилъ рѣшить, слѣдуетъ ли присоединить Закаспійскую область къ Туркестанскому генералъ-губернаторству или образовать изъ нея самостоятельную область, подчинивъ ее непосредственно военному министерству. Военный министръ, начальникъ главнаго штаба и я отстаивали горячо необходимость рѣшенія вопроса въ смыслѣ присоединенія ея къ Туркестанскому генералъ-губернаторству, министръ же иностранныхъ дѣлъ, и въ особенности начальникъ Азіатскаго департамента, высказали мнѣніе, что необходимо образовать изъ нея отдѣльную область. Въ виду не послѣдовавшаго по сему предмету соглашенія, Государь Императоръ, по прочтеніи журнала совѣщанія, повелѣлъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе комитета министровъ. Засѣданіе комитета министровъ состоялось въ 1887 году, когда меня не было въ Петербургѣ, но когда присутствовалъ начальникъ Закаспійской области г.-л. Комаровъ. Военный министръ остался при своемъ мнѣніи, всѣ же остальные министры, находившіеся, вслѣдствіе полнаго незнакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Средней Азіи, подъ вліяніемъ личнаго доклада г.-л. Комарова, высказались въ пользу образованія изъ Закаспійской области самостоятельной области. Генералъ-адъютантъ Ванновскій не сдѣлалъ разногласія и Государю Императору осталось только утвердить единогласное постановленіе комитета министровъ.

Нѣтъ сомнѣнія, будь я въ Петербургѣ, не состоялось бы это роковое рѣшеніе, которое неизбѣжно поведетъ къ большимъ затрудненіямъ.

Въ мартѣ 1886 года военный министръ внесъ въ комитетъ министровъ мое ходатайство о проведеніи желѣзной дороги изъ Мерва черезъ Чарджуй и Бухару въ Самаркандъ. Въ комитетѣ министровъ, куда я былъ приглашенъ для представленія личныхъ объясненій, я доложилъ, что продолженіе Закаспійской желѣзной дороги до Самарканда, независимо отъ громаднаго

политическаго и экономическаго значенія для Туркестанскаго края, принесетъ несомнѣнную пользу для Государства и въ томъ смыслѣ, что уменьшитъ расходы казны по эксплоатаціи коренного участка Закаспійской дороги. Дорога, доведенная только до Мерва, имѣетъ значеніе исключительно стратегическое; Закаспійская область, представляющая изъ себя почти исключительно пустыню, весьма мало производительна, мѣстныхъ грузовъ почти нѣтъ, доведенная же до Самарканда она пріобрѣтетъ серьезное экономическое значеніе: по ней пойдутъ произведенія Туркестанскаго края и Средне-Азіатскихъ ханствъ; доходы возрастутъ и вмѣстѣ съ этимъ уменьшатся расходы по эксплоатаціи. Военный министръ меня поддержалъ; изъ членовъ комитета никто не возражалъ кромѣ бывшаго министра путей сообщенія генералъ-адъютанта Посьета, недовольнаго тѣмъ, что дорога строилась распоряженіемъ военнаго министерства. Постройка Самаркандскаго участка была рѣшена.

Въ день засѣданія комитета министровъ появилась въ журналѣ „Новое Время“ статья М. Г. Черняева, доказывающаго невозможность проведенія желѣзной дороги черезъ сыпучіе пески между Мервомъ и Чарджуемъ. Статья была написана въ совершенно неприличномъ тонѣ и произвела на всѣхъ министровъ непріятное впечатлѣніе.

Одинъ изъ членовъ-министровъ указалъ на эту статью. Военный министръ заявилъ, что о неприличномъ поступкѣ генерала Черняева онъ доведетъ до свѣдѣнія Государя Императора. Послѣдствіемъ сего было отчисленіе этого генерала отъ званія члена военнаго совѣта и затѣмъ увольненіе его отъ службы.

По окончаніи засѣданія подошли ко мнѣ министръ финансовъ и государственный контролеръ и заявили мнѣ, что согласились на постройку дороги только потому, что я былъ увѣренъ въ своемъ ходатайствѣ, прося о проведеніи дороги только до Самарканда: если бы я, прибавили они, просилъ бы о постройкѣ дороги до Ташкента, то они безусловно бы воспротивились продолженію Закаспійской желѣзной дороги.

Нынѣ очевидно, насколько я былъ правъ въ своемъ ходатайствѣ, и насколько оправдались мои предположенія. Туркестанскій край развивается съ изумительною быстротою; до проведенія желѣзной дороги до Самарканда, эксплоатація Закаспійской желѣзной дороги обходилась казнѣ 1 до $1^1/_2$ милл. въ годъ, въ 1888 году, какъ видно изъ отчетовъ, всѣ расходы по

эксплоатаціи покрыты, и остался чистый остатокъ въ 70.000 руб.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Петербурга, ген.-ад. Обручевъ высказалъ мнѣ, что по его мнѣнію совершенно необходимо присоединить къ Русскимъ владѣніямъ принадлежащую Бухарѣ культурную полосу по лѣвому берегу Аму-Дарьи. Я рѣшительно воспротивился этому, заявивъ, что отрѣзавъ у эмира часть его владѣній, онъ потеряетъ вѣру въ лойяльность Русской политики, и дальнѣйшія съ ними сношенія сдѣлаются затруднительными, что лучше, если это признается своевременнымъ, занять все ханство. Къ этому я присовокупилъ, что если русскому правительству необходимо, что я не отвергаю, стать твердою ногою на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, то я нахожу возможнымъ занять, не вызывая никакихъ осложненій, бухарскіе города Чарджуй и Керки русскими гарнизонами. Послѣ продолжительнаго спора ген.-ад. Обручевъ уступилъ мнѣ. Въ началѣ 1889 года пункты эти мною были заняты съ Высочайшаго разрѣшенія.

15-го марта 1890 г.

Окончивъ всѣ дѣла въ Петербургѣ, я выѣхалъ 29 апрѣля 1886 г. обратно въ Туркестанскій край. Настроеніе мое было наилучшее, дѣла окончены въ Петербургѣ вполнѣ успѣшно, мнѣ казалось, что, пользуясь въ полной степени довѣріемъ Государя и всѣхъ министровъ, я могу разсчитывать на полную поддержку правительства.

При пріѣздѣ въ Москву, я былъ встрѣченъ въ вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги М. Н. Катковымъ. Михаилъ Никифоровичъ, узнавъ, что я не предполагаю остановиться въ Москвѣ, и поэтому не буду имѣть возможности навѣстить его, что обыкновенно дѣлалъ, выѣхалъ мнѣ навстрѣчу. Въ своемъ экипажѣ онъ перевезъ меня въ вокзалъ Рязанской желѣзной дороги, и тутъ я провелъ съ нимъ до отхода поѣзда въ пріятной бесѣдѣ часъ времени. Онъ подтвердилъ мнѣ вновь, что его газета въ моемъ распоряженіи, и все, что я желаю, будетъ напечатано въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“. За все время моего управленія краемъ, до самой кончины Михаила Никифоровича, я пользовался постоянно его добрымъ расположеніемъ, и неоднократно являлись въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“ статьи, относящіяся съ большимъ сочувствіемъ къ моей дѣятельности въ Туркестанскомъ краѣ. Послѣ его смерти прекратились мои отношенія къ „Московскимъ вѣдомостямъ“.

Остальныя газеты мало интересовались Туркестанскимъ краемъ, очевидно не сочувствовали моей дѣятельности. При оставленіи мною осенью 1889 года Туркестана, ни одна газета не замолвила доброе слово обо мнѣ и не дала себѣ труда войти въ оцѣнку результата моего управленія. Вѣроятно, не будь я назначенъ членомъ военнаго совѣта, онѣ поступили бы иначе.

7-го мая я пріѣхалъ въ Казалинскъ, откуда выѣхалъ 9-го въ Петро-Александровскъ. Переѣздъ этотъ былъ сопряженъ съ громадными затрудненіями и лишеніями, на всемъ пути не было ни одной крыши, кромѣ 4-хъ станціонныхъ домовъ, построенныхъ въ 1885 году по моему распоряженію, пришлось ѣхать по совершенной пустынѣ, частью по сыпучимъ пескамъ, колодцевъ мало, вода въ нихъ мѣстами настолько неудовлетворительная, что не только не рѣшался ее пить, но даже пользоваться для мытья рукъ. Для облегченія моего путешествія администраціею было сдѣлано все возможное, тѣмъ не менѣе 5 дней, проведенные мною въ пути, останутся навсегда въ моей памяти. Каково же было положеніе несчастныхъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣлающихъ путешествіе изъ Казалинска въ Петро-Александровскъ часто съ женами и дѣтьми, въ особенности въ то время, когда не существовали построенные въ 1885 году 4 станціонныхъ дома. На переѣздъ этотъ требовалось для нихъ 10—12 дней.

Нынѣ, съ проведеніемъ желѣзной дороги до Самарканда и открытіемъ пароходства между Петро-Александровскомъ и Чарджуемъ, Петро-Александровскъ достигается сравнительно легко, и путешественники должны вспоминать съ благодарностью меня, какъ генералъ-губернатора, въ управленіе котораго построена Самаркандская желѣзная дорога, и открыто пароходство по Аму-Дарьѣ. Не менѣе удовольствія сдѣлала жителямъ Петро-Александровска построенная въ 1889 году, вслѣдствіе моихъ настойчивыхъ ходатайствъ, телеграфная линія между Чарджуемъ и Петро-Александровскомъ.

Теперь этотъ городъ не тотъ медвѣжій уголъ, коимъ я его засталъ. По истинѣ сказать, положеніе его было ужасное, и нужно удивляться чиновникамъ, рѣшившимся прежде въ немъ служить.

Въ Петро-Александровскѣ мнѣ была сдѣлана восторженная встрѣча. Войска и служащіе высоко оцѣнили мою рѣшимость пріѣхать къ нимъ, не взирая на трудность пути. Въ этомъ отношеніи они не были избалованы бывшими генералъ-губернаторами. Покойный генералъ-адъютантъ Кауфманъ съ 1873 г.

(годъ взятія Хивы) по 1882 годъ не былъ ни разу въ Петро-Александровскѣ.

На другой день по пріѣздѣ я принялъ хана хивинскаго, пріѣхавшаго съ ближайшими родственниками и высшими сановниками ханства меня привѣтствовать въ Петро-Александровскѣ. Свиданіе продолжалось около часа. Ханъ просилъ, между прочимъ, моего ходатайства объ утвержденіи Государемъ Императоромъ его второго сына наслѣдникомъ престола. Черезъ нѣсколько часовъ, послѣ отъѣзда хана, я сдѣлалъ ему отвѣтный визитъ и пригласилъ его съ родственниками и сановниками на другой день къ себѣ на обѣдъ. Обѣдъ былъ сервированъ по-европейски, и тутъ произошла очень смѣшная сцена. Когда мои гости подошли къ столу съ закусками, то одинъ изъ братьевъ хана налилъ себѣ рюмку водки; первый министръ хана Матъ-Мурадъ, замѣтивъ это, вырвалъ изъ рукъ принца рюмку и сунулъ ему кусокъ хлѣба. За обѣдомъ никто изъ хивинцевъ не пилъ вина, хотя, какъ мнѣ говорили, самъ ханъ большой охотникъ до шампанскаго, и у себя дома преисправно его пьетъ. Прослушавъ, по окончаніи обѣда, еще часъ музыку, мои гости уѣхали, вполнѣ довольные оказаннымъ имъ пріемомъ, и простившись со мною самымъ сердечнымъ образомъ. Ханъ произвелъ на меня благопріятное впечатлѣніе, онъ человѣкъ еще молодой, полный силъ и не лишенный природнаго ума, держалъ онъ себя все время съ большимъ тактомъ. Но какъ большинство правителей на востокѣ, онъ входитъ мало въ дѣла ханства, предоставивъ управленіе имъ первому министру Матъ-Мурату. Сей сановникъ, отличаясь жадностью, обираетъ подданныхъ хана самымъ ужаснымъ образомъ. Обстоятельство это заставило меня, при прощаніи, сказать ему, что желаніе Императора Всероссійскаго, чтобы хивинцы, находясь подъ высокимъ его покровительствомъ, жили бы счастливо и въ полномъ благополучіи. Матъ-Муратъ, какъ полагать надо, понялъ этотъ намекъ; по заявленію начальника Аму-Дарьинскаго отдѣла ген.-маіора Гротенгельма, онъ сталъ, послѣ свиданія со мною, болѣе умѣренъ въ своихъ вымогательствахъ.

Въ 1888 году ханъ хивинскій отмѣнилъ въ ханствѣ пытки въ память чудеснаго спасенія 17 октября Царской семьи отъ грозившей опасности.

Сдѣлавъ это распоряженіе, ханъ просилъ меня объ этомъ довести до свѣдѣнія Государя Императора, что мною и было исполнено 26 февраля 1889 года въ день рожденія Его Величества.

Осмотрѣвъ во всей подробности войска и учрежденія, указавъ мѣсто для постройки храма и городского училища, на что мною были исходатайствованы необходимыя средства, я выѣхалъ 19-го мая изъ Петро-Александровска, направляясь черезъ Казалинскъ въ Ташкентъ, куда пріѣхалъ 31-го мая. На пути остановился только въ Чемкентѣ, чтобы присутствовать при освященіи вновь построенной церкви. Все лѣто 1886 года я провелъ безвыѣздно въ Ташкентѣ. Необходимо было усердно заняться всѣми приготовительными распоряженіями къ введенію въ краѣ новаго Положенія объ его управленіи. Желая лично выяснить военнымъ губернаторамъ это Положеніе и разъяснить имъ то, что могло показаться темнымъ и непонятнымъ, я ихъ всѣхъ вызвалъ въ Ташкентъ и прошелъ съ ними вмѣстѣ Положеніе. Вмѣстѣ съ этимъ мною было сдѣлано распоряженіе о переводѣ Положенія на сартовскій языкъ, для чего была составлена особая комиссія изъ компетентныхъ лицъ; было приступлено къ составленію разныхъ инструкцій въ дополненіе къ Высочайше утвержденному Положенію. Всѣ эти работы были окончены въ теченіе двухъ лѣтъ, и въ 1888 году, когда я вновь выѣхалъ въ Петербургъ, Положеніе было введено въ краѣ въ полномъ его объемѣ. Благодаря знанію и усердію ближайшихъ моихъ помощниковъ, умѣлости военныхъ губернаторовъ и начальниковъ уѣздовъ, быть можетъ, и личному моему вниманію къ этому важному дѣлу, новый законъ былъ введенъ въ краѣ вполнѣ спокойно, и введеніе его не вызвало нигдѣ какихъ-либо недоразумѣній или смутъ. Лично я, какъ генералъ-губернаторъ, потерялъ много изъ принадлежащихъ мнѣ прежде правъ, и я думаю, что моя дѣятельность въ краѣ не была настолько плодотворна, какъ до введенія Положенія; но въ общемъ нельзя отрицать, что управленіе приняло большую устойчивость, и новый законъ принесетъ несомнѣнную пользу, въ особенности при назначеніи новаго генералъ-губернатора.

Къ сожалѣнію, только всѣ послѣдующія разъясненія министровъ, неизбѣжныя при введеніи всякаго новаго закона, были направлены къ тому, чтобы съузить власть генералъ-губернатора, въ особенности по хозяйственнымъ операціямъ. Стремленіе умалить значеніе мѣстной власти, вредное всюду, въ особенности пагубное для окраинъ.

Рядомъ съ этимъ, крайняя медленность въ разрѣшеніи самыхъ неотложныхъ представленій, желаніе все забирать въ свои руки, при полномъ незнаніи мѣстныхъ условій. Все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ для человѣка, желающаго принести дѣйстви-

тельную пользу, крайне труднымъ и непривлекательнымъ занимать постъ главнаго начальника окраины. Могу по совѣсти сказать, что мое почти шестилѣтнее управленіе краемъ было непрерывная борьба съ Петербургомъ. Въ справедливости этого убѣдится всякій, знакомый съ дѣлами генералъ-губернаторской канцеляріи окружного штаба. По опыту могу сказать, что личными объясненіями съ министрами можно многаго добиться; дѣлать же по серьезнымъ вопросамъ письменныя представленія совершенно безполезно. Министры настолько обременены занятіями, что не имѣютъ возможности серьезно вникать въ дѣла, все зависитъ отъ начальниковъ отдѣленій и столоначальниковъ. По моему глубокому убѣжденію, Россію губитъ излишняя централизація; она такъ велика, мѣстныя условія настолько различны, что Петербургу невозможно входить во всѣ мелочи управленія. Нужно быть крайне осмотрительнымъ при назначеніяхъ на высшіе государственные посты, но рядомъ съ этимъ должно быть оказываемо постоянное имъ довѣріе и расширена ихъ власть. Въ особенности это необходимо на окраинахъ.

Во второй половинѣ 1886 года были открыты областные суды и военно-окружной судъ. Реформа эта была благодѣтельная. До открытія названныхъ судовъ, функціонировали судныя отдѣленія при областныхъ правленіяхъ и военно-судныя комиссіи. Въ тѣхъ и другихъ дѣла шли медленно и рѣшались часто неправильно въ виду отсутствія въ нихъ юридически подготовленныхъ лицъ. Дѣла, рѣшенныя въ военно-судныхъ комиссіяхъ, представлялись на конфирмацію командующаго войсками. Въ числѣ подобныхъ встрѣчались возникшія 5—6, иногда 10 лѣтъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, министерство юстиціи не отнеслось съ должнымъ вниманіемъ къ выбору лицъ на должности предсѣдателей областныхъ судовъ; двое изъ нихъ были смѣщены черезъ годъ. Составъ прокуроровъ былъ несравненно лучше; всѣ они состоятъ на своихъ мѣстахъ по сіе время, въ особенности выдавался по отличному знанію дѣла и прекраснымъ нравственнымъ качествамъ прокуроръ ташкентскаго суда М. М. Шарыгинъ.

Къ концу 1886 года относится открытіе мною 22 русскихъ школъ для туземцевъ и учрежденіе при нихъ курса изученія русскаго языка для взрослыхъ. Одною изъ первыхъ моихъ мѣръ, по прибытіи въ 1884 году въ край, было введеніе обученія въ учительской семинаріи сартовскаго и персидскаго языковъ. Для этого я воспользовался отличнымъ знаніемъ этихъ языковъ одного русскаго, бывшаго офицера, г-на Наливкина, про-

ведшаго для изученія сартовскаго языка нѣсколько лѣтъ въ сартовскомъ кишлакѣ, а затѣмъ отлично теоретически изучившаго персидскій языкъ и превосходно знакомаго съ обычаями туземцевъ. Этого молодого, вполнѣ развитаго и образованнаго человѣка я назначилъ учителемъ мѣстныхъ нарѣчій въ учительскую семинарію, и ему удалось въ теченіе двухъ лѣтъ настолько хорошо подготовить учениковъ старшихъ классовъ семинаріи, что я могъ назначить ихъ учителями во вновь открываемыя школы для туземцевъ.

Вначалѣ многіе отнеслись скептически къ этимъ школамъ, предсказывая неизбѣжный неуспѣхъ; нынѣ же, когда школы существуютъ уже 4 года, можно съ увѣренностью сказать, что ожиданія мои оправдались вполнѣ. Благодаря несложности программъ, хорошему подбору учителей, вниманію къ нимъ со стороны высшаго начальства, наконецъ сознанной многими сартами и киргизами полезности изученія русскаго языка, школы исправно посѣщаются, и русскій языкъ распространяется по краю. Въ особенности успѣшно идутъ школы въ большихъ торговыхъ центрахъ. Вначалѣ мусульманское духовенство дѣлало попытки къ дискредитированію школъ въ глазахъ населенія и распространяло разные нелѣпые про нихъ слухи, но благодаря постоянному вниманію русскихъ властей, вполнѣ понимающихъ значеніе этихъ школъ, удалось остановить броженіе и возстановить къ нимъ довѣріе родителей дѣтей, обучающихся въ нихъ.

Желая по возможности содѣйствовать распространенію русскаго языка въ населеніи, я вмѣстѣ съ этимъ требовалъ отъ чиновъ русской администраціи, имѣющей непосредственныя сношенія съ туземцами, изученія туземныхъ нарѣчій. Въ этомъ отношеніи мною были достигнуты довольно удовлетворительные результаты; въ концѣ моего управленія краемъ большинство служащихъ въ уѣздныхъ администраціяхъ знало языки настолько, что могло понять туземцевъ безъ переводчиковъ. Этому успѣху содѣйствовали въ нѣкоторой степени открытые мною въ областныхъ городахъ курсы для изученія сартовскаго языка. Въ особенности успѣшно они шли въ Ташкентѣ подъ руководствомъ г-па Наливкина.

Въ концѣ 1883 года была учреждена въ Ташкентѣ амбулаторная лѣчебница для туземныхъ женщинъ и дѣтей. Сознавая полезность этой мѣры въ особенности въ политическомъ отношеніи, я вызвалъ нѣсколько женщинъ-врачей изъ Европейской Россіи и открылъ въ теченіе моего управленія краемъ еще пять лѣчебницъ въ городахъ: Самаркандѣ, Ходжентѣ, Кокандѣ, Анди-

жанѣ и Наманганѣ. Лѣчебницы эти содержатся на городскія средства и ничего не стоятъ казнѣ. Населеніемъ онѣ были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ, въ чемъ я лично убѣдился при посѣщеніи Самарканда въ первый разъ по открытіи лѣчебницъ. Подъѣзжая къ ней, я былъ встрѣченъ массою населенія, выразившей мнѣ горячую благодарность за открытіе лѣчебницы. На крышахъ близъ лежащихъ домовъ стояла толпа женщинъ, открывшихъ при моемъ появленіи свои лица, и желавшихъ этимъ способомъ заявить о воодушевляющихъ ихъ чувствахъ признательности.

Не такъ отнеслись въ Петербургѣ къ этому мѣропріятію. Туркестанскій военно-медицинскій инспекторъ т. с. Суворовъ получилъ отъ главнаго медицинскаго инспектора запросъ, на основаніи какого закона открываются женскія лѣчебницы въ Туркестанскомъ краѣ. Къ счастью туркестанскому генералъ-губернатору предоставлены по богоугоднымъ заведеніямъ, содержимымъ на городскія суммы, права министра внутреннихъ дѣлъ. На существованіе этого закона было указано г-ну Ремерту, и онъ замолчалъ.

Сознавая, что мы станемъ въ Средней Азіи твердою ногою только тогда, когда въ ней усилится русское населеніе, я обратилъ особое вниманіе на развитіе въ Туркестанѣ русскихъ поселеній. Въ этомъ дѣлѣ я встрѣтилъ горячее сочувствіе и содѣйствіе въ лицѣ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области генералъ-маіора Гродекова. Несмотря на всю трудность и скудность отпускаемыхъ отъ казны средствъ, устройство русскихъ поселеній двинулось за время моего управленія краемъ быстро впередъ. Заставъ при пріѣздѣ не болѣе 100 дворовъ, я оставилъ 20 поселеній съ 1.500 дворами. Въ многихъ изъ нихъ открыты школы для дѣтей и въ двухъ построены церкви. Пользуясь предоставленнымъ мнѣ правомъ, я, не взирая на всѣ настоянія вѣдомства финансовъ, строго воспретилъ открытіе въ нихъ питейныхъ заведеній, и благодаря этому быстро растетъ благосостояніе поселенцевъ. Поселенія обстраиваются, разводятся сады, количество запашекъ увеличивается. Въ 1889 году я имѣлъ радость узнать, что въ Троицкомъ поселкѣ (40 верстъ отъ Ташкента), основанномъ въ 1886 году, поселенцы заработали приблизительно по 300 руб. на дворъ. Столь значительный заработокъ конечно дастъ имъ возможность завести вполнѣ исправное хозяйство. При оставленіи мною края оставалось въ распоряженіи администраціи свободной земли для надѣла 2.000

семей. Дай Богъ, чтобы столь успѣшно начатое дѣло велось и впредь съ тою же энергіею и умѣлостью.

Особое вниманіе мною было обращено на приведеніе въ благоустройство ирригаціонной системы въ Ферганской области. Въ видахъ сего мною были командированы всѣ находящіеся въ моемъ распоряженіи техники-ирригаторы въ эту область; по выработкѣ ими проекта необходимыхъ исправленій, было приступлено съ 1887 года къ этимъ работамъ, и въ 1889 году я имѣлъ утѣшеніе видѣть ирригаціонную систему, приведенную въ должный порядокъ. На эти работы израсходовано за время моего управленія краемъ до 150.000 руб. Не легко было выдѣлить столь значительную сумму изъ земскаго кредита.

Значительные расходы были сдѣланы также на приведеніе въ порядокъ дорогъ въ краѣ. Въ этомъ отношеніи былъ достигнутъ довольно удовлетворительный результатъ.

Большинство казармъ и помѣщеній для госпиталей и лазаретовъ было, при моемъ прибытіи въ край, въ самомъ жалкомъ состояніи. Я исходатайствовалъ ежегодный отпускъ, по инженерной смѣтѣ, вмѣсто прежде отпускаемыхъ 200.000 руб.—триста тысячъ руб. Деньги эти расходовались за время моего командованія войсками исключительно на постройку казармъ и врачебныхъ учрежденій, и при моемъ отъѣздѣ изъ края большинство войскъ было прекрасно размѣщено. Къ сожалѣнію, въ настоящее время, какъ дошло до моего свѣдѣнія, начали строить на эти деньги и помѣщенія для служащихъ, что противорѣчитъ прямому назначенію отпускаемыхъ суммъ, и вслѣдствіе чего конечно замедлится постройка еще не достающихъ казармъ для войскъ.

Въ 1884 году не было ни одного вполнѣ благоустроеннаго военнаго собранія, кромѣ маргеланскаго. Въ настоящее время они всѣ въ прекрасномъ состояніи. Ташкентское, я полагаю, одно изъ лучшихъ во всей Россіи.

Въ 1887 году состоялось Высочайшее повелѣніе о постройкѣ желѣзной дороги изъ Чарджуя въ Самаркандъ: постройка дороги была возложена, согласно моему ходатайству, на генералъ-лейтенанта М. Н. Анненкова; военный министръ согласился поручить постройку Самаркандскаго участка желѣзной дороги генералу Анненкову только при условіи, если я соглашусь взять на себя наблюденіе за постройкой. Мнѣ было повелѣно заключить съ эмиромъ Бухарскимъ конвенцію относительно проведенія желѣзной дороги черезъ ханство. При существующихъ добрыхъ отношеніяхъ съ бухарскимъ правительствомъ, заклю-

ченіе конвенціи не представляло затрудненій, но вся трудность задачи заключалась въ принятіи мѣръ, чтобы мѣстное населеніе, руководимое фанатичнымъ духовенствомъ, не препятствовало бы постройкѣ. Прежде всего необходимо было избрать лицо, которое, состоя при постройкѣ, имѣло бы наблюденіе, чтобы туземцы получали за отчуждаемую подъ дорогу землю справедливое вознагражденіе. Выборъ мой палъ на инженера подполковника Ославскаго, который, снабженный мною весьма детальною по сему предмету инструкціею, выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Рядомъ съ этимъ приходилось за все время постройки зорко наблюдать за настроеніемъ туземнаго населенія, которое въ началѣ работъ весьма враждебно къ нимъ относилось. Были лица, даже занимающія крупное служебное положеніе въ ханствѣ, которыя возбуждали населеніе къ безпорядкамъ. Въ виду сего, я съ Высочайшаго разрѣшенія, приготовилъ въ Самаркандѣ небольшой отрядъ (1 батальонъ, 8 орудій, 2 сотни казаковъ), готовый во всякую минуту къ выступленію въ Бухару. Приготовленія эти я дѣлалъ открыто, предупреждая бухарское правительство, что при возникновеніи малѣйшаго безпорядка я займу безотлагательно ханство.

Рядомъ съ этимъ я старался нравственно вліять на населеніе, разъясняя бухарцамъ, съ коими имѣлъ личныя сношенія, какія выгоды населеніе извлечетъ отъ постройки желѣзной дороги. Совокупность всѣхъ этихъ мѣръ дала наилучшіе результаты; во все время постройки нигдѣ не произошло безпорядковъ. Я могу съ гордостью вспоминать это время; подъ моимъ руководствомъ была спокойно, не вызывая никакихъ осложненій, построена желѣзная дорога въ чужихъ владѣніяхъ; и гдѣ же? въ Бухарскомъ ханствѣ, считающемся центромъ мусульманскаго фанатизма!

Я забылъ упомянуть, что въ началѣ 1887 года, до постройки Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, мною были поставлены съ Высочайшаго разрѣшенія русскіе гарнизоны въ бухарскихъ городахъ Чарджуѣ и Керки. Занятіе этихъ пунктовъ, въ особенности Керки, имѣло громадное политическое значеніе. Благодаря этому распоряженію, мы стали твердою ногою на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, охватили желѣзнымъ кольцомъ Бухарское ханство; въ случаѣ могущихъ произойти когда-либо военныхъ дѣйствій, не будемъ имѣть надобности въ форспрованіи переправы черезъ Аму-Дарью, операціи весьма трудной; прорубили, такъ сказать, окно въ Афганскій Туркестанъ, который можемъ занять изъ Керки въ нѣсколько дней, находясь

въ 6—7 переходахъ отъ Мазаръ-Шерифа. Занятіе Чарджуя русскими войсками не представляло затрудненія, но нельзя того же сказать относительно Керки. Для занятія этого города пришлось нашему отряду двигаться на разстояніи около 200 верстъ по землѣ эргаринцевъ, весьма воинственнаго туркменскаго племени, признававшаго въ слабой степени власть эмира Бухарскаго. Наконецъ движеніе это могло вызвать смуту на Афганской границѣ, находящейся въ 15 верстахъ отъ Керки. Вслѣдствіе внезапности движенія и нахожденія въ то время Абдурахмана, занятаго прекращеніемъ возмущенія гильзцевъ, въ южномъ Афганистанѣ, занятіе Керки совершилось спокойно и не вызвало никакихъ политическихъ осложненій. Благодаря разумнымъ распоряженіямъ начальника гарнизона полковника Шорохова, установились въ скоромъ времени вполнѣ дружескія отношенія между русскими и туземцами.

Несмотря на всю важность занятія нами Керки, русская пресса почти не обратила вниманія на этотъ фактъ. Но нельзя же того сказать относительно иностранной литературы; имѣя въ своей главѣ профессора Вамбери, дѣйствительнаго знатока Средней Азіи, она вся затрубила тревогу и указывала англичанамъ на громадное значеніе завладѣнія русскими Керки.

На начальниковъ Чарджуйскаго и Керкинскаго гарнизоновъ, полковниковъ Казанцева и Шорохова мною были возложены обязанности воинскихъ начальниковъ и начальниковъ уѣздовъ. Въ данной имъ мною и впослѣдствіи военнымъ министромъ утвержденной инструкціи, на нихъ была возложена обязанность заняться устройствомъ въ этихъ пунктахъ, на отчужденной русскому правительству землѣ, городовъ, поддерживать въ войскахъ строгій порядокъ и дисциплину, при чемъ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ администрацію бухарскаго правительства. Независимо отъ этого полковникъ Шороховъ былъ мною снабженъ политическою инструкціею, указывающей ему образъ дѣйствій относительно афганскаго правительства и къ афганскому пограничному населенію.

Цѣли, намѣченныя въ этихъ инструкціяхъ, нынѣ вполнѣ достигнуты. Въ Чарджуѣ и Керки построены казармы, возникли благоустроенныя русскія поселенія, разбиты улицы, насажены сады, въ первомъ изъ этихъ пунктовъ построена хорошенькая церковь. Съ бухарцами и афганцами установились вполнѣ дружескія сношенія, происходитъ оживленный обмѣнъ товаровъ, который принимаетъ съ каждымъ днемъ все большій и большій размѣръ. Русскія мануфактурныя произведенія и сахаръ стали

проникать въ значительномъ количествѣ въ Мазаръ-Шерифъ. Между Чарджуемъ и Карки проложена эмиромъ бухарскимъ прекрасная колесная дорога, я полагаю, лучшая во всемъ ханствѣ.

Все это достигнуто безъ всякаго расхода для русскаго правительства, за исключеніемъ постройки казармъ.

Въ августѣ 1887 года пріѣхалъ въ Ташкентъ строитель Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, генералъ-лейтенантъ Анненковъ для доклада мнѣ своихъ соображеній по постройкѣ дороги, испрошенія моего утвержденія нѣкоторыхъ предположеній, а главное чтобы испросить мое разрѣшеніе на постройку моста черезъ Аму-Дарью. Въ Высочайше утвержденной расцѣночной вѣдомости, постройка моста не была предусмотрѣна, а предполагалось устроить перевозку грузовъ на судахъ. По ближайшему разсмотрѣнію, генералъ Анненковъ пришелъ къ убѣжденію, что перевозка грузовъ, необходимыхъ для постройки дороги, вѣсомъ свыше 4-хъ милліоновъ пудовъ, на судахъ, потребуетъ чрезвычайно продолжительное время, которое вслѣдствіе трудности переправы даже приблизительно опредѣлить невозможно, для быстраго же окончанія постройки дороги является совершенно необходимымъ построить мостъ черезъ Аму-Дарью. При этомъ генералъ Анненковъ доложилъ, что инженеръ Балинскій вызвался построить временный деревянный мостъ на деньги, ассигнованныя по расцѣночной вѣдомости на перевозку грузовъ, потребныхъ для постройки дороги, и укрѣпленіе береговъ Аму-Дарьи, всего 300 тысячъ руб. По окончаніи постройки желѣзной дороги мостъ долженъ былъ поступить въ собственность казны.

Сознавая съ одной стороны всю замалчивость предложенія, съ другой тяжкую отвѣтственность, которую я беру на себя, разрѣшая постройку моста, не предусмотрѣнную Высочайше утвержденною расцѣночною вѣдомостью, я находился въ большомъ затрудненіи. Разсмотрѣнный находящимися въ моемъ веденіи техниками инженеръ генералъ-маіоромъ Зигерпъ-Корномъ, инженеромъ путей сообщеній Петровымъ и нѣсколькими другими военными инженерами, проектъ моста былъ ими одобренъ за сдѣланными незначительными исправленіями, и по мнѣнію ихъ постройка его была осуществима.

Я могъ конечно испросить черезъ Государственный Совѣтъ Высочайшее разрѣшеніе на постройку моста, но путь этотъ представлялъ мало шансовъ на успѣхъ. Нельзя было ожидать, чтобы подлежащіе министры, находясь подъ вліяніемъ заявленія извѣст-

наго инженера генералъ-лейтенанта Паукера, отрицавшаго возможность постройки моста черезъ Аму-Дарью, согласились бы на утвержденіе проекта инженера Балинскаго. Во всякомъ случаѣ дѣло это требовало немедленнаго рѣшенія; необходимо было, или безотлагательно построить мостъ, или приступить къ перевозкѣ желѣзнодорожныхъ грузовъ на судахъ. Во второмъ случаѣ, даже въ случаѣ утвержденія проекта, не было бы необходимыхъ суммъ на осуществленіе постройки моста, такъ какъ часть денегъ, ассигнованныхъ на перевозку грузовъ, уже была бы израсходована.

Послѣ трехдневныхъ размышленій я рѣшился разрѣшить постройку моста при слѣдующемъ видоизмѣненіи предположенія генерала Анненкова: Я разрѣшилъ заключить контрактъ съ инженеромъ Балинскимъ на перевозку имъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ грузовъ черезъ Аму-Дарью посредствомъ моста, за 300.000 руб., при чемъ мостъ по окончаніи перевозки долженъ былъ поступить въ пользу казны. Г-нъ Балинскій былъ человѣкъ состоятельный, и вопросъ, рѣшенный въ вышеуказанномъ смыслѣ, гарантировалъ казнѣ, въ случаѣ, если постройка моста бы не удалась, по крайней мѣрѣ перевозку грузовъ, безъ испрошенія новаго кредита.

О сдѣланномъ мною распоряженіи я увѣдомилъ военнаго министра, который мнѣ отвѣтилъ, что удивляется моей рѣшимости, и возлагаетъ, въ случаѣ неуспѣха, всю отвѣтственность на меня.

По полученіи отъ меня разрѣшенія, было немедленно приступлено къ сооруженію моста. Благодаря необычайной энергіи и распорядительности генерала Анненкова и инженера Балинскаго, постройка была окончена съ невѣроятною быстротою: 6 января 1888 г., т.-е. черезъ 4 мѣсяца, двинулся по мосту черезъ Аму-Дарью желѣзнодорожный поѣздъ. Мостъ стоитъ по сіе время; хотя онъ и требуетъ ежегодно починокъ на нѣсколько тысячъ рублей, тѣмъ не менѣе, оказываемыя имъ услуги неоцѣнимы. Періоды, когда временно пріостанавливалось по немъ движеніе и приходилось перевозить грузъ на судахъ, доказали съ очевидностью, насколько затруднительна и какіе громадные расходы вызываетъ перевозка грузовъ на судахъ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что, не будь моста, желѣзная дорога оказалась бы почти безполезною.

По окончаніи постройки моста, было немедленно приступлено къ проведенію желѣзной дороги; благодаря безостановочному привозу желѣзнодорожныхъ грузовъ и чрезвычайной рас-

порядительности генерала Анненкова, она была доведена 15-го мая 1888 г. до Самарканда, и въ этотъ день разрѣшено мною временное пассажирское и товарное движеніе по вновь построенному Самаркандскому участку. Быстрая постройка этого участка принесла правительству неоцѣнимыя выгоды. При бывшихъ въ концѣ 1888 и въ началѣ 1889 года смутахъ въ Афганскомъ Туркестанѣ и проявленіи враждебныхъ замысловъ со стороны Абдурахманъ-Хана, существованіе желѣзной дороги имѣло для насъ громадное значеніе, давая возможность быстро передвигать войска и перевозить военные грузы и провіантъ изъ Самарканда на Аму-Дарью. Независимо отъ этого были весьма существенныя финансовыя выгоды, достигнутыя благодаря быстрой постройкѣ Самаркандскаго участка. До сооруженія его, казнѣ приходилось доплачивать ежегодно около 1—1½ милліона рублей по эксплоатаціи Закаспійской желѣзной дороги; нынѣ, когда благодаря этому участку, всѣ произведенія Туркестана и Бухары перевозятся по ней, не только покрываются всѣ расходы по эксплоатаціи, но даже оказывается чистая прибыль, достигшая въ 1889 году цифры въ 70.000 руб. Нѣтъ сомнѣнія, что съ каждымъ годомъ доходъ будетъ увеличиваться.

Эти блистательные результаты достигнуты главное благодаря Аму-Дарьинскому мосту; не будь его, я увѣренъ, дорога по сіе время не была бы доведена до Самарканда (1890 г.).

Какъ же отнеслось правительство къ моей рѣшимости взять на себя громадную отвѣтственность разрѣшить постройку моста? По пріѣздѣ моемъ осенью 1888 года въ Петербургъ, не только никто мнѣ не выразилъ на это одобреніе, но даже не было рѣчи объ Аму-Дарьинскомъ мостѣ!! Скажутъ, слава Богу, что не объявили еще выговоръ за превышеніе власти.

Открытіе Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги мною было назначено на 15 мая 1888 г. Къ этому дню ожидался въ Самаркандъ вице-президентъ Императорскаго Географическаго Общества сенаторъ П. П. Семеновъ и много иностранцевъ, изъявившихъ желаніе присутствовать на этомъ торжествѣ и приглашенныхъ генераломъ Анненковымъ. Въ числѣ иностранцевъ, желающихъ быть на открытіи дороги, былъ и профессоръ Вамбери. Не взирая на мое ходатайство, высшее правительство рѣшительно воспротивилось его пріѣзду, находя, что такому руссофобу не можетъ быть разрѣшенъ доступъ въ наши Средне-Азіатскія владѣнія. Я очень сожалѣлъ объ этомъ рѣшеніи. Я былъ убѣжденъ, что г. Вамбери, посѣтившій много лѣтъ тому назадъ Бухару, былъ бы пораженъ

громадными культурными успѣхами, достигнутыми русскими въ послѣднее время въ Средней Азіи, и измѣнилъ бы совершенно свое мнѣніе о русской политикѣ. Считая его за человѣка безусловно честнаго, я увѣренъ, что онъ не скрылъ бы вынесенныя имъ впечатлѣнія, и статьи его, которымъ нельзя было бы не вѣрить, обратили бы на себя общее вниманіе всего образованнаго міра.

10 мая я выѣхалъ изъ Ташкента и прибылъ 11-го въ Самаркандъ, гдѣ былъ встрѣченъ многочисленнымъ бухарскимъ посольствомъ, командированнымъ эмиромъ для присутствованія при открытіи желѣзной дороги. 12, 13 и 14-го числа прошли въ приготовленіяхъ къ ожидаемому торжеству, и 15-го утромъ я выѣхалъ навстрѣчу желѣзнодорожному поѣзду, на которомъ и пріѣхалъ около 12 часовъ въ Самаркандъ, въ сопровожденіи генерала Анненкова, почетныхъ гостей и желѣзнодорожнаго баталіона. Открытіе было обставлено самымъ торжественнымъ образомъ. На площади у вокзала были построены всѣ войска Самаркандскаго гарнизона, тутъ же находилась многочисленная русская публика и масса туземцевъ. По окончаніи молебствія, подходили къ генералу Анненкову, съ моего разрѣшенія, разныя депутаціи отъ городовъ Туркестанскаго края и отъ ученыхъ обществъ, подносившихъ ему адреса съ поздравленіями съ совершеннымъ имъ великимъ подвигомъ, проведенія желѣзной дороги въ глубь Средней Азіи по сыпучимъ пескамъ. Послѣ прохожденія войскъ церемоніальнымъ маршемъ, чѣмъ окончилось торжество, избранная публика, въ числѣ свыше 300 лицъ, собралась у меня къ завтраку, который былъ сервированъ въ прелестномъ садѣ, при домѣ военнаго губернатора Самаркандской области. Настроеніе всѣхъ было самое радостное, и завтракъ удался вполнѣ.

Вечеромъ былъ блистательно иллюминованъ ригестанъ въ туземномъ Самаркандѣ. На обширной его площади давались туземцами народныя представленія, весьма оригинальныя, и очень заинтересовавшія лицъ, не видавшихъ таковыхъ. Видъ иллюминованнаго ригестана былъ великолѣпенъ и произвелъ на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Въ особенности громко выражалъ свой восторгъ зять Анненкова, графъ Вогюе (нынѣ членъ французской академіи наукъ); онъ утверждалъ, что во всю жизнь не видѣлъ подобнаго великолѣпнаго зрѣлища.

День окончился вечеромъ у меня.

Для осмотра Самаркандскаго участка Закаспійской желѣз-

ной дороги, я предполагалъ ѣхать изъ Самарканда въ Чарджуй. Такимъ образомъ мнѣ предстоялъ проѣздъ черезъ Бухарское ханство. Еще до открытія желѣзной дороги мною было возложено на политическаго агента въ Бухарѣ, камеръ-юнкера Чарыкова войти въ соглашеніе съ Бухарскимъ правительствомъ относительно почестей, которыя мнѣ должны были быть оказаны при проѣздѣ черезъ ханство. Вопросъ этотъ имѣлъ первенствующее значеніе, къ тому же программа встрѣчи должна была быть выработана, ибо я былъ первый генералъ-губернаторъ, являющійся въ предѣлахъ ханства. Бухарское правительство изъявило полную готовность обставить мой проѣздъ самымъ торжественнымъ образомъ и оказать мнѣ всевозможныя почести, только вопросъ, какимъ образомъ устроить мое свиданіе съ эмиромъ, вызвалъ затрудненіе. Эмиръ желалъ, чтобы я первый ему сдѣлалъ визитъ въ его загородномъ дворцѣ близъ Бухары, я же съ своей стороны признавалъ необходимымъ, чтобы онъ встрѣтилъ меня на желѣзнодорожной станціи. Вопросу этому я придавалъ большое значеніе. Встрѣчая на желѣзной дорогѣ, эмиръ объявилъ бы себя покорнымъ вассаломъ Россіи. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, какъ мнѣ донесъ Чарыковъ, эмиръ изъявилъ согласіе исполнить мое желаніе, поставивъ только условіемъ, чтобы встрѣча произошла не на станціи „Бухара“, а на станціи „Кермине“.

За два дня до моего выѣзда изъ Самарканда, глава бухарскаго посольства, находящагося въ Самаркандѣ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ эмира, Дурбанъ-Даванъ-Беги испросилъ у меня особую аудіенцію. Тутъ онъ мнѣ заявилъ, что эмиръ, по чувствамъ искренней ко мнѣ дружбы и благодарности, былъ бы съ радостью готовъ меня встрѣтить на желѣзнодорожной станціи, но, опасаясь, что поступокъ этотъ могъ подорвать его престижъ въ главѣ его подданныхъ, проситъ меня отказаться отъ моего требованія. Я отвѣтилъ ему, что, какъ на предстоящее свиданіе обращено вниманіе 3 милліоновъ подданныхъ эмира, такое же число мусульманъ, подданныхъ Бѣлаго Царя, смотрятъ на меня; что гостепріимство требуетъ, чтобы хозяинъ встрѣтилъ своего гостя, что послѣ свиданія на желѣзной дорогѣ, я поѣду немедленно въ Кермине отдать визитъ эмиру, и что я поѣду, желая показать передъ населеніемъ полное мое уваженіе къ эмиру, къ нему верхомъ и въ парадной формѣ, что наконецъ, если свиданіе вовсе бы не состоялось, это гораздо болѣе подорвало бы положеніе эмира въ глазахъ его подданныхъ.

Посланецъ сказалъ мнѣ, что обо всемъ слышанномъ лично отъ меня онъ немедленно донесетъ эмиру, и что тотъ несомнѣнно меня встрѣтитъ на Керминенской станціи желѣзной дороги.

19-го мая я выѣхалъ черезъ Катте-Курганъ въ Кермине. Меня сопровождали: начальникъ штаба, управляющій канцеляріею, начальникъ инженеръ, политическій агентъ въ Бухарѣ и 3 моихъ личныхъ адъютанта. Кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, назначенныхъ для держанія лошадей, я не взялъ съ собою никакого военнаго конвоя. Конвой, соотвѣтствующій понятію туземцевъ, долженъ былъ бы состоять изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; не имѣя возможности окружить себя подобнымъ многочисленнымъ конвоемъ, я рѣшился ѣхать безъ всякаго конвоя, разсчитывая, что такое рѣшеніе не преминетъ произвести на бухарцевъ сильное впечатлѣніе. Въ этомъ образѣ дѣйствій они должны были усмотрѣть, что я смотрю на Бухару, не какъ на чужую страну, а какъ на область, мнѣ подчиненную.

20-го мая въ 6 часовъ утра я пріѣхалъ на станцію Кермине, и тутъ, при выходѣ изъ вагона, былъ встрѣченъ эмиромъ Бухарскимъ, окруженнымъ своими сановниками. Послѣ дружескаго привѣтствія и представленія нашихъ свитъ, я вошелъ съ эмиромъ въ роскошную палатку, разбитую близъ полотна желѣзной дороги. Тутъ произошелъ между нами самый дружескій разговоръ. Эмиръ выразилъ мнѣ самую искреннюю благодарность за содѣйствіе, оказанное ему при вступленіи его на престолъ. „Великому Русскому Императору и Вамъ“, сказалъ онъ мнѣ, „я только обязанъ, что сталъ эмиромъ“.

Я передалъ эмиру мою признательность за искреннее содѣйствіе, оказанное имъ генералу Анненкову при проведеніи желѣзной дороги черезъ ханство; и что увѣренъ въ громадной пользѣ, которую принесетъ дорога бухарскому народу, и что она будетъ содѣйствовать усиленію дружбы между обоими народами.

Въ заключеніе эмиръ выразилъ мнѣ просьбу исходатайствовать разрѣшенія Государя Императора на опредѣленіе старшаго его сына въ одно изъ русскихъ военно-учебныхъ заведеній и на отправленіе въ Петербургъ Бухарскаго посольства для принесенія Его Императорскому Величеству благодарности эмира за постройку дороги.

Послѣ получасового разговора эмиръ уѣхалъ въ Кермине. Спустя нѣкоторое время и я поѣхалъ туда, верхомъ, въ парадной формѣ, въ сопровожденіи моей свиты и двухъ эскадро-

новъ Бухарской кавалеріи, назначенныхъ эмиромъ мнѣ въ почетный конвой.

Въ лѣтней резиденціи эмира близъ Кермине, въ роскошнѣйшей палаткѣ, гдѣ были приготовлены по восточному обычаю разныя угощенія, произошло вторичное свиданіе. Разговоръ имѣлъ частный характеръ; эмиръ вспоминалъ о своемъ посѣщеніи Москвы во время коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ и о своемъ пребываніи въ 1884 году въ Самаркандѣ, гдѣ впервые познакомился со мною. Въ концѣ разговора онъ передалъ мнѣ брилліантовую Бухарскую звѣзду. „Эту звѣзду", сказалъ онъ мнѣ, „носилъ покойный мой отецъ; теперь Вы мнѣ его замѣнили; прошу Васъ ее носить".

По окончаніи моего визита, эмиръ принялъ лицъ моей свиты, при чемъ управляющимъ моей канцелярей Нестеровскимъ имъ были поднесены мои подарки. Въ это же время одинъ изъ сановниковъ эмира поднесъ мнѣ его подарки.

Послѣ сего, я простился окончательно съ эмиромъ и выѣхалъ въ его коляскѣ (подаренной мною ему въ 1886 году) на станцію Кермине, опять въ сопровожденіи 2 эскадроновъ Бухарской кавалеріи. Послѣ непродолжительной остановки въ Кермине, я продолжалъ путь въ Бухару, куда пріѣхалъ 20-го же числа около 2-хъ часовъ.

Подъѣзжая къ станціи „Бухара", я былъ встрѣченъ Бухарскими войсками, въ числѣ 10.000 человѣкъ, построенныхъ шпалерами по пути желѣзной дороги, и привѣтствовавшими меня крикомъ „ура". При выходѣ изъ вагона я былъ встрѣченъ Бухарскими сановниками, имѣвшими во главѣ перваго министра эмира, русскою колоніею въ Бухарѣ и громадною массою населенія, выѣхавшаго для встрѣчи меня изъ города Бухары (11 верстъ отъ станціи).

Пропустивъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ Бухарскія войска, и принявъ обѣдъ, предложенный мнѣ въ богатѣйшей палаткѣ бухарскими сановниками отъ имени эмира, а затѣмъ обѣдъ, предложенный полит. агентомъ камеръ-юнкеромъ Чарыковымъ, я выѣхалъ около 5-ти часовъ въ Чарджуй, куда пріѣхалъ въ тотъ же день вечеромъ.

Сильнѣйшее впечатлѣніе произвелъ на меня, построенный инженеромъ Балинскимъ, мостъ черезъ Аму-Дарью, длиною около 2-хъ верстъ. Смотря на быстрое теченіе рѣки, нельзя было не залюбоваться смѣлостью этого колоссальнаго сооруженія.

Во время пребыванія моего въ Чарджуѣ, мною былъ осмо-

трѣнъ во всей подробности русскій городъ, который благодаря стараніямъ командира 3-го линейнаго баталіона полковника Казанцева уже началъ принимать вполнѣ благоустроенный видъ. Я разрѣшилъ приступить къ постройкѣ на добровольныя пожертвованія православной церкви, при чемъ сдѣлалъ изъ личныхъ моихъ средствъ значительный взносъ. Постройка эта была ведена съ необычайною быстротою, и уже лѣтомъ 1889 года храмъ былъ освященъ. Громадный для меня представлялъ интересъ осмотръ только-что доставленныхъ на Аму-Дарью двухъ казенныхъ пароходовъ. Въ моемъ присутствіи былъ поднятъ на одномъ изъ нихъ, на пароходѣ „Царь", русскій военный флагъ. Въ концѣ мая оба парохода сдѣлали первые пробные рейсы въ Петро-Александровскъ и Керки. Въ началѣ рейсы эти были сопряжены съ громадными затрудненіями, вслѣдствіе измѣнчивости русла Аму-Дарьи, но мало-по-малу трудности эти были преодолѣны, и въ настоящее время установлены правильные рейсы между вышеназванными городами (1890).

Въ радостномъ настроеніи выѣхалъ я послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Чарджуѣ, обратно въ Ташкентъ. Мнѣ казалось, что мною оказаны Государю и отечеству значительныя услуги: Самаркандъ соединенъ желѣзнымъ путемъ съ Европейскою Россіею, проведена желѣзная дорога черезъ Бухарское ханство, открыто пароходство по Аму-Дарьѣ; русскіе гарнизоны стоятъ въ Чарджуѣ и Карки, Бухарское ханство, такъ сказать, завоевано мирнымъ путемъ, безъ капли крови, безъ копѣйки расхода на военныя дѣйствія.

Но не такъ отнеслось правительство и общество къ совершившимся событіямъ. Правда, мнѣ было объявлено въ шифрованной телеграммѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ Высочайшее одобреніе, но донесенія мои, въ которыхъ я подробно описалъ открытіе желѣзной дороги, проѣздъ черезъ Бухарское ханство и пребываніе въ Чарджуѣ, не были опубликованы. За то телеграмма Сѣвернаго агентства, въ которой сообщалось о томъ, что эмиромъ мнѣ были поднесены подарки, была перепечатана во всѣхъ газетахъ, при чемъ газета „Свѣтъ" выразила полное негодованіе, что „русскіе генералы принимаютъ подарки отъ эмира, что обычай этотъ, подлежащій давно прекращенію, поддерживается начальствующими лицами съ корыстными цѣлями, при чемъ конечно дѣлаются разныя поблажки Бухарскому правительству".

Трудно описать мое негодованіе при чтеніи этой статьи. Ходатайствуя о должности политическаго агента въ Бухарѣ,

я имѣлъ главное въ виду отнять у эмира возможность посылать частыя посольства въ Ташкентъ съ письмами и подарками отъ него; подносимые мнѣ лично подарки я обращалъ преимущественно на дѣла благотворительности и на украшеніе церквей. Лицамъ, командированнымъ мною въ Бухару, воспретилъ наистрожайше продавать, полученные отъ эмира подарки въ Бухарѣ, какъ оно практиковалось до моего назначенія генералъ-губернаторомъ. Совершенно же отказаться отъ установленнаго вѣками на Востокѣ обычая я не призналъ возможнымъ. Моими предшественниками принимались подарки, весьма часто посылались эмиромъ посольства въ Петербургъ, которыя подносили подарки Государю Императору и всѣмъ министрамъ, отказать эмиру въ принятіи отъ него подарковъ значило бы оскорбить его.

Въ особенности поразило меня, что возмутительная статья газеты „Свѣтъ“ была оставлена высшимъ правительствомъ безъ всякихъ послѣдствій, и редакторъ газеты не подвергнутъ взысканію. Этотъ образъ дѣйствій правительства наводилъ по неволѣ на грустныя размышленія и заставлялъ оцѣнить, насколько труденъ и неблагодаренъ, при данной обстановкѣ, постъ генералъ-губернатора.

По возвращеніи изъ Чарджуя въ Ташкентъ, все мое вниманіе было обращено на скорѣйшее окончаніе постройки собора. Благодаря усердію предсѣдателя и членовъ строительной комиссіи, а также стараніямъ моей жены, написавшей 11 образовъ, храмъ былъ совершенно оконченъ въ первыхъ числахъ іюля, и 11-го іюля состоялось торжественное его освященіе.

Ко дню освященія собора прибылъ въ Ташкентъ изъ Вѣрнаго епископъ Туркестанскій и Ташкентскій Неофитъ. Несмотря на всѣ мои заботы о церквахъ и духовенствѣ въ краѣ, епископъ отнесся ко мнѣ съ крайнимъ невниманіемъ, вѣроятно потому, что я лютеранинъ. Благочинный г. Ташкента отецъ Покровскій предполагалъ въ день освященія, при входѣ моемъ въ соборъ, сказать мнѣ привѣтственное слово и благодарить за мои попеченія о постройкѣ храма. Это было ему воспрещено архіереемъ. Но этимъ не ограничилось невниманіе ко мнѣ преосвященнаго. По окончаніи освященія онъ передалъ женѣ моей просфору, мнѣ же нѣтъ, что конечно было замѣчено всѣми присутствующими въ соборѣ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ радостныхъ для меня дней за все время моего пребыванія въ Туркестанѣ. Заставъ, при пріѣздѣ въ 1884-хъ году въ Ташкентѣ однѣ выведенныя стѣны,

мнѣ удалось въ 4 года закончить эту грандіозную постройку. Но не мало заботъ и трудовъ это стоило. Наемъ на мои средства архитектора, превышеніе власти по разнымъ измѣненіямъ смѣтъ, постоянно бдительный надзоръ за постройкою и отстраненіе всего, что могло мѣшать быстрому ходу работъ, наконецъ, личные труды моей жены, все это, вмѣстѣ взятое, было причиною достигнутаго успѣха. Наконецъ было удовлетворено пламенное желаніе всего православнаго населенія Ташкента. Городъ имѣлъ соборъ, по красотѣ не уступающій лучшимъ церквамъ въ губернскихъ городахъ Европейской Россіи.

Нѣсколько дней послѣ освященія православнаго собора, состоялось открытіе соборной мечети въ туземномъ городѣ.

Исторія этой мечети слѣдующая: ко дню коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ эмиръ Бухарскій сдѣлалъ Государю Императору подарокъ въ 100.000 руб. на благотворительныя дѣла. Его Величество назначилъ изъ этой суммы 50.000 руб. на возстановленіе древнѣйшей мечети въ Бухарѣ, другіе 50.000 руб. по повелѣнію Его Величества были переданы въ распоряженіе бывшаго туркестанскаго генералъ-губернатора генерала Черняева для употребленія по его усмотрѣнію на поддержаніе мусульманскихъ духовныхъ учрежденій въ Туркестанскомъ краѣ.

Изъ этой суммы генераломъ Черняевымъ было назначено 15.000 руб. на ремонтъ 4 мечетей въ Ташкентѣ; но такъ какъ къ ремонту этихъ мечетей еще не было приступлено, и желая, чтобы память о милостивомъ распоряженіи Его Величества сохранилась въ Ташкентѣ на вѣчныя времена, я видоизмѣнилъ предположеніе генерала Черняева и назначилъ всѣ 15.000 руб. на капитальную перестройку древнѣйшей въ Ташкентѣ мечети Ходжа-Ахраръ, обратившейся въ развалины. Перестройка мечети мною была поручена, подъ наблюденіемъ русскаго техника, комиссіи изъ нѣсколькихъ почетныхъ мусульманъ, обывателей Ташкента. Полагая, что на туземное населеніе произведетъ сильное и выгодное для интересовъ русскаго правительства впечатлѣніе одновременное окончаніе перестройки мечети съ освященіемъ православнаго собора, я принялъ для этого всѣ соотвѣтствующія мѣры.

Я присутствовалъ лично при открытіи мечети. По окончаніи службы, мулла и старшій казій города Ташкента просили меня повергнуть къ стопамъ Государя Императора горячую благодарность населенія за оказанную ему милость. Мечеть была названа Царскою, и въ ней произносятся въ цар-

скіе дни молитвы о здравіи Его Императорскаго Величества, что прежде не дѣлалось ни въ одной изъ мечетей во всемъ Туркестанскомъ краѣ.

Содѣйствіемъ своимъ перестройкѣ мечети, я думаю, что оказалъ существенную услугу интересамъ правительства. Населеніе высоко оцѣнило заботы о немъ, стало относиться съ большимъ довѣріемъ къ русской власти, многія изъ принятыхъ мною мѣръ, въ томъ числѣ и открытіе русскихъ туземныхъ школъ, перестали возбуждать прежнюю подозрительность. Развитію мусульманства вновь отстроенная мечеть не могла содѣйствовать. Въ городѣ, гдѣ 80 мечетей, одна лишняя не можетъ имѣть значенія. Обращать мусульманъ въ православіе я не пытался никогда, и думаю, что это была бы большая политическая ошибка. Я стремился всѣми силами къ тому, чтобы сдѣлать изъ жителей Туркестана вѣрноподданныхъ Государю.

Въ декабрской книгѣ 1889 г. „Чтеній любителей духовнаго просвѣщенія“ присутствіе мое при открытіи мечети было подвергнуто строгой критикѣ. Нѣкто Воронецъ, указывая на этотъ фактъ, обвинилъ меня въ томъ, что я велъ въ Туркестанѣ анти-русско-православную политику и выразилъ восторгъ, что я смѣщенъ съ должности генералъ-губернатора, чему, по его мнѣнію, вся Россія должна радоваться. Высшее правительство, которому не могла не быть извѣстна эта статья, оставило редактора безъ кары (1890 г.).

Лѣтомъ 1888 года пріѣхалъ въ Ташкентъ второй сынъ хана Хивинскаго, чтобы благодарить за мое ходатайство предъ Государемъ Императоромъ объ утвержденіи его наслѣдникомъ престола. Наслѣдника Хивинскаго сопровождали дядя хана и нѣсколько сановниковъ. Наслѣдный принцъ былъ молодой 19-ти лѣтній юноша, однакожъ уже отецъ трехъ дѣтей; на его изнеможенномъ лицѣ лежалъ отпечатокъ полнаго пресыщенія ко всему, что видѣлъ въ пути, и въ Ташкентѣ онъ относился съ замѣтнымъ равнодушіемъ. Не таковъ былъ дядя хана; его все интересовало; съ особымъ вниманіемъ онъ осмотрѣлъ Ташкентскую гренажную станцію и благодарилъ меня за учрежденіе таковой же въ Петро-Александровскѣ, откуда хивинское населеніе уже стало получать здоровую шелковичную грену. Въ послѣдніе годы шелководство совершенно уничтожилось въ Хивинскомъ ханствѣ, вслѣдствіе болѣзни червей. Учрежденная мною гренажная станція обѣщала вновь поднять эту полезнѣйшую отрасль производительности.

Въ честь Хивинскаго посольства, я далъ у себя на дачѣ вечеръ. Трудно описать восторгъ хивинцевъ, при видѣ прелестно иллюминованнаго сада и многочисленнаго наряднаго общества.

Даже наслѣдный принцъ оживился замѣтно.

Лѣтомъ 1888 года скончался въ Ташкентѣ помощникъ окружнаго медицинскаго инспектора, тайный совѣтникъ Логгиновичъ. Господинъ Логгиновичъ былъ католикъ, но такъ какъ въ Туркестанѣ не было ксендза, то въ день его кончины была православнымъ духовенствомъ отслужена по немъ панихида. Вмѣстѣ съ этимъ я телеграфировалъ въ г. Вѣрный епископу Туркестанскому и Ташкентскому Неофиту и просилъ его разрѣшить отпѣваніе его по православному обряду. На другое утро, въ тотъ моментъ, когда духовенство собралось отслужить по Логгиновичѣ вторую панихиду, была получена отъ архіерея отвѣтная телеграмма, извѣщающая, что разрѣшить этого онъ не можетъ. Получивъ это распоряженіе, духовенство отказалось служить панихиду, и вся собравшаяся публика въ числѣ болѣе 100 человѣкъ разъѣхалась по домамъ. Распоряженіе преосвященнаго произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Докторъ Логгиновичъ пользовался, какъ врачъ и человѣкъ, всеобщимъ уваженіемъ. За неимѣніемъ костела въ Ташкентѣ, онъ постоянно посѣщалъ православную церковь, и до кончины его многіе даже не знали, что онъ католикъ. Чтобы успокоить общественное мнѣніе, я рѣшился телеграфировать оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и просить его содѣйствія къ отпѣванію праха Логгиновича по православному обряду. Между тѣмъ, когда шла эта переписка, трупъ подвергся полному разложенію, оставить его на квартирѣ было невозможно, и было рѣшено перенести его на кладбище и поставить временно въ часовню, принадлежащую одному частному лицу, г-жѣ Жемчужниковой. При перевезеніи тѣла присутствовалъ весь Ташкентъ. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ результатъ моего ходатайства.

Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ отвѣтъ отъ оберъ-прокурора; г-нъ Побѣдоносцевъ увѣдомилъ меня, что разрѣшеніе предать землѣ тѣло Логгиновича по православному обряду зависитъ исключительно отъ архіерея. Получивъ эту телеграмму, я телеграфировалъ вторично преосвященному, который отвѣтилъ мнѣ: „По апостолу разрѣшаю молиться по всѣмъ“.

Тогда состоялось отпѣваніе тѣла Логгиновича по православному обряду, на десятый день послѣ его кончины.

Въ бытность мою въ Петербургѣ осенью 1888 года я поѣхалъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода и заявилъ ему, что я по сіе время не ходатайствовалъ о назначеніи въ Ташкентъ ксендза и пастора въ виду малочисленности иновѣрцевъ въ Туркестанѣ и по соображеніямъ политическаго свойства, но теперь, если я не буду имѣть гарантію, что не будутъ повторяться инциденты, подобные съ погребеніемъ Логгиновича, я буду считать себя обязаннымъ возбудить это ходатайство самымъ настойчивымъ образомъ.

Д. т. с. Побѣдоносцевъ обѣщался мнѣ сдѣлать преосвященному Неофиту соотвѣтствующія указанія. Дѣйствительно, послѣ сего, скончавшіеся въ Туркестанѣ католики и лютеране предавались землѣ по православному обряду безпрепятственно.

Въ концѣ іюля совершилось въ Средней Азіи событіе, самой серьезной важности. Въ Керки прибылъ къ начальнику русскаго гарнизона генералъ-маіоръ Христіани, посланецъ отъ правителя Афганскаго Туркестана Исхакъ-Хана, съ извѣщеніемъ о томъ, что Исхакъ-Ханъ отложился отъ Афганскаго эмира Абдурахманъ-Хана, и съ просьбою оказать ему помощь. Генералъ Христіани, руководствуясь данною ему мною политическою инструкціею, отвѣтилъ посланцу, что русскому правительству нѣтъ дѣла до внутреннихъ смутъ, происходящихъ въ Афганистанѣ, и что ни на какую помощь со стороны Россіи Исхакъ-Ханъ разсчитывать не долженъ. Отвѣтъ, данный генераломъ Христіани, я сообщилъ немедленно по телеграфу министрамъ военному и иностранныхъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней я получилъ телеграмму отъ статсъ-секретаря Гирса, въ которой онъ меня увѣдомилъ, что Государь Императоръ одобрилъ въ полной мѣрѣ отвѣтъ, данный генераломъ Христіани посланцу Исхакъ-Хана. Въ полученномъ вслѣдъ за тѣмъ письмѣ министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ меня, что Высочайше повелѣно воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ афганскія дѣла и ожидать дальнѣйшихъ событій. Инструкція эта согласовалась вполнѣ съ моимъ личнымъ мнѣніемъ. Мнѣ казался весьма сомнительнымъ успѣхъ предпріятія Исхакъ-Хана. Основываясь на массѣ отдѣльныхъ фактовъ, я не усматривалъ никогда враждебности со стороны Абдурахманъ-Хана къ Россіи; получая значительную субсидію отъ англійскаго правительства, конечно нельзя было ожидать, что онъ станетъ открыто на нашу сторону. Мнѣ казалось несомнѣннымъ, что въ случаѣ, если бы, противъ всякаго ожиданія, Исхакъ-Хану бы удалось сдѣлаться Афганскимъ эмиромъ, онъ будетъ вынужденъ стать къ англійскому прави-

тельству въ тѣ же отношенія, какъ и его предшественникъ. Въ той же степени казалось мнѣ нежелательнымъ, пользуясь настоящею смутою, занятіе русскими войсками Чаръ-Валіята. Занятіе это вовлекло бы насъ въ значительныя денежныя издержки и вызвало бы большія затрудненія. Весьма было бы затруднительно управлять этою страною, отдѣленною Бухарскимъ ханствомъ отъ русскихъ владѣній.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, меня искренно обрадовалъ отвѣтъ статсъ-секретаря Гирса, заключающій въ себѣ совершенно опредѣлительныя, и по моему мнѣнію вѣрныя, указанія.

Въ половинѣ августа прибылъ въ Керки второй посланецъ отъ Исхакъ-Хана съ письмами отъ него къ Государю Императору и ко мнѣ, и съ словесною просьбою поддержать его, если не вооруженною силою, то выдачею ружей. Къ сожалѣнію, въ Керки не было генерала Христіани, уѣхавшаго для осмотра 3-го линейнаго баталіона въ Чарджуй. Замѣняющій его старшій по немъ штабсъ-офицеръ, полковникъ Рѣшетниковъ, имѣлъ неосторожность принять отъ посланца письма и обѣщалъ доставить ихъ по назначенію, равно и донести о словесной просьбѣ.

Получивъ о вышеизложенномъ извѣщеніе, я предписалъ начальнику Керкинскаго гарнизона отпустить посланца Исхакъ-Хана, подтвердивъ ему уже разъ данный отвѣтъ; вмѣстѣ съ этимъ, имѣя въ виду, что письма уже были приняты, я испросилъ по телеграфу указаніе министра иностранныхъ дѣлъ, слѣдуетъ ли отправить письма на имя Государя Императора въ Петербургъ, и донесъ о сдѣланномъ мною распоряженіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я получилъ къ крайнему моему удивленію телеграмму отъ военнаго министра, въ которой генералъ-адъютантъ Ванновскій мнѣ сообщилъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ Средней Азіи, неоказаніе никакой помощи Исхакъ-Хану можетъ подорвать престижъ Россіи въ глазахъ населенія Афганскаго Туркестана, и что поэтому онъ съ своей стороны полагаетъ необходимымъ мнѣ сдѣлать распоряженіе объ отправленіи изъ ташкентскаго склада нѣсколькихъ тысячъ ружей Исхакъ-Хану. Что по докладу о семъ Государю Императору, Его Величеству благоугодно было повелѣть запросить по сему предмету мое мнѣніе.

Я отвѣтилъ военному министру, что въ случаѣ выдачи ружей, немедленно долженъ быть сформированъ отрядъ и передвинутъ къ Афганской границѣ, что послѣ выдачи Исхакъ-Хану ружей, населеніе будетъ смотрѣть на него какъ на ставленника

русскаго правительства, почему въ случаѣ его неуспѣха, намъ необходимо поддержать его вооруженною силою.

Генералъ-адъютантъ Ванновскій не удовлетворился моимъ отвѣтомъ и просилъ меня категорически высказаться, повредитъ ли нашему престижу неоказаніе никакой помощи Исхакъ-Хану.

Одновременно съ полученіемъ этого запроса, я получилъ частную телеграмму отъ военнаго губернатора Самаркандской области генералъ-лейтенанта Яфимовича, находившагося въ отпуску въ Петербургѣ, въ которой генералъ этотъ меня извѣщалъ, что ему извѣстно, что военный министръ непремѣнно желаетъ, чтобы я согласился на отправленіе Исхакъ-Хану ружей.

Какъ я впослѣдствіи узналъ, телеграмма генерала Яфимовича была представлена передъ отправленіемъ на предварительный пересмотръ военнаго министра.

Убѣжденный въ правотѣ своего мнѣнія, я увѣдомилъ военнаго министра, что такъ какъ русское правительство никогда не поощряло Исхакъ-Хана отложиться отъ Абдурахманъ-Хана, то и неоказаніе ему помощи не можетъ подорвать престижъ Россіи въ глазахъ населенія Афганскаго Туркестана [1]).

Оглядываясь назадъ на вышеописанныя событія, не могу не сознать, что настойчивыми моими отказами выдать Исхакъ-Хану ружья я оказалъ Россіи громадную услугу. Нѣтъ сомнѣнія, что выдача ружей неизбѣжно повлекла бы за собою войну съ Афганистаномъ, и можетъ быть и Европейскую войну. Во всякомъ случаѣ мы были бы вовлечены въ Средне-Азіатскія затрудненія, что такъ пламенно желали князь Бисмаркъ и графъ Кальноки.

Вышеприведенный случай, вмѣстѣ съ этимъ, доказываетъ, насколько я былъ правъ, настаивая на необходимости подчиненія Закаспійской области туркестанскому генералъ-губернатору. Для успѣшнаго веденія нашей Средне-Азіатской политики власть должна быть сосредоточена въ однѣхъ рукахъ. Можно ли такого успѣха ожидать при существованіи двухъ неподчиненныхъ другъ другу властей, разныхъ взглядовъ и направленія, какъ оно имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ. По моему мнѣнію, уже большая ошибка, что въ Петербургѣ вѣдаютъ восточными

---

[1]) Окончательное рѣшеніе вопроса по этому поводу достигло Туркестанскаго края, когда Исхакъ-Ханъ былъ наголову разбитъ Абдурахманомъ *Ред.*

дѣлами два министерства; при существованіи въ Средней Азіи одной сильной власти это неудобство еще менѣе бы отразилось. При настоящемъ же положеніи дѣла, могутъ быть гибельныя послѣдствія. Примѣръ Болгарія. Необычайно трудно также положеніе туркестанскаго генералъ-губернатора; безъ вины можно оказаться виноватымъ. Общественное мнѣніе обвинитъ, въ случаѣ неуспѣха нашей политики, его, а не министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго. Нельзя же будетъ опубликовать ему полученныя шифрованныя телеграммы, могущія пролить свѣтъ на обстоятельства дѣла.

Этого не позволяетъ служебная дисциплина. Вотъ грустныя размышленія, которыя преслѣдовали меня за все время управленія краемъ, въ особенности послѣ вышеописанныхъ событій.

Примѣчаніе 2 марта 1894 г.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1894 года появилась въ газетахъ рѣчь, сказанная въ Парижѣ, англійскимъ посломъ лордомъ Деффорингомъ.

Въ рѣчи этой посолъ выразилъ, что въ бытность его вице-королемъ Индіи (съ 1884 по 1888 г.г.) онъ неоднократно имѣлъ случай убѣждаться въ прямотѣ и корректности русской политики въ Средней Азіи. Въ особенности великодушна была эта политика во время возстанія Исхакъ-Хана, когда русское правительство имѣло возможность причинить Англіи большія непріятности. По мнѣнію лорда Дефферинга, то недовѣріе, съ коимъ Англія относится къ дѣйствіямъ русскаго правительства въ Средней Азіи, не основано ни на чемъ.

Столь категорическое заявленіе не могло не произвести сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе въ Англіи, и несомнѣнно облегчитъ ведущіеся въ настоящее время переговоры между Англіею и Россіею по памирскому вопросу, который вѣроятно и будетъ рѣшенъ къ взаимному удовольствію обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

4 марта 1894 г.

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Н. П. Шишкинъ, управляющій, за болѣзнью Н. К. Гирса, министерствомъ, разсказалъ мнѣ, что П. С. Ванновскій передалъ ему, что, читая рѣчь лорда Дефферинга, онъ краснѣлъ за русское правительство. Очевидно, военный министръ остался при прежнемъ своемъ взглядѣ, продолжаетъ считать единственною правильною политикою—бросаніе камня изъ-за угла.

Не мало пришлось мнѣ бороться со всякими затрудненіями во время управленія краемъ.

Со времени введенія Положенія 12 іюня 1886 г. генералъ-губернаторъ уже не располагалъ по своему усмотрѣнію земскими суммами. Земская смѣта представлялась ежегодно черезъ министра финансовъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта; тутъ дѣлались всевозможныя сокращенія, часто въ ущербъ прямымъ интересамъ края. Утверждалась смѣта несвоевременно; получена она была на мѣстѣ: въ 1887 году въ августѣ, въ 1888 году въ іюнѣ, въ 1889 году въ іюлѣ. Возможно ли при подобномъ веденіи дѣлъ правильное хозяйство? Къ постройкамъ и исправленіямъ дорогъ можно было приступить не ранѣе осени. Всѣ мои просьбы и настоянія относительно ускоренія утвержденія смѣты постоянно оставались безъ послѣдствій.

Проводя Положеніе черезъ Государственный Совѣтъ, я настоялъ на томъ, чтобы генералъ-губернатору было предоставлено право переносить остатки по земской смѣтѣ изъ одной статьи въ другую. Это давало возможность производить въ теченіе года разные расходы по нуждамъ края, не предусмотрѣнные смѣтою. Этимъ правомъ я широко пользовался на 1887 и 1888 годахъ. Къ сожалѣнію, въ 1889 году, по настоянію государственнаго контролера и министра финансовъ, смѣта была раздѣлена, взамѣнъ двухъ, на двѣнадцать параграфовъ, вслѣдствіе чего предоставленное мнѣ Положеніемъ 12 іюня право стало фиктивнымъ.

На основаніи Положенія, генералъ-губернаторъ могъ утвердить проектъ смѣты на сумму не выше 30.000 руб. Стѣсненіе это могло отозваться въ особенности пагубно при исполненіи ирригаціонныхъ работъ, въ которыхъ часто внезапно являлась надобность. Несмотря на мои настойчивыя ходатайства, подкрѣпленныя самыми убѣдительными мотивами, вопросъ по настоящее время (1899) не рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ. Въ 1888 году я по необходимости превысилъ власть и утвердилъ одну смѣту въ 35.000 руб. Если работы не были бы своевременно произведены, нѣкоторымъ волостямъ въ Андижанскомъ уѣздѣ Ферганской области грозила бы опасность сильно бы пострадать отъ наводненія; населеніе понесло бы большіе убытки, пострадала бы и казна, такъ какъ было бы невозможно собрать установленный поземельный налогъ. О сдѣланномъ распоряженіи я сообщилъ военному министру, прося объ утвержденіи его. Сколько мнѣ извѣстно, оно по сіе время (1890 г.) не послѣдовало.

До 1889 года податные инспекторы не были введены въ Турке-

станскомъ краѣ, въ этомъ же году они были туда отправлены, при чемъ имъ было приказано руководствоваться инструкціею, установленною для нихъ въ Европейской Россіи, несмотря на мои настойчивыя просьбы о радикальномъ измѣненіи этой инструкціи. Мало пользы, а скорѣе существенный вредъ ожидаю я отъ этого распоряженія. Налоги взимались въ Туркестанскомъ краѣ, за время моего управленія, безнедоимочно; сборомъ податей распоряжалась одна мѣстная администрація (начальники уѣздовъ и участковые пристава). Съ прибытіемъ въ край податныхъ инспекторовъ положеніе радикально измѣнилось. Я опасаюсь, что рвеніе мѣстной администраціи уменьшится, а туземное населеніе будетъ сбито съ толка, оно не будетъ знать, кто ихъ начальники: начальники ли уѣздовъ или податные инспектора. Неизбѣжныя столкновенія нарушатъ тотъ порядокъ, который по сіе время въ краѣ существовалъ. Въ нашихъ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ, столь недавно покоренныхъ, нельзя допустить двойственность власти. Къ сожалѣнію, въ Петербургѣ этого не сознаютъ, и думаютъ, что можно управлять Туркестанскимъ краемъ, какъ Московскою или Тверскою губерніею. Главный виновникъ этого неправильнаго взгляда тайный совѣтникъ Гирсъ, ревизовавшій въ 1883 году, на правахъ сенатора, Туркестанскій край. Онъ отнесся къ данному порученію, какъ истый чиновникъ; особенности края онъ совершенно не подмѣтилъ; все его вниманіе было обращено на сокращеніе штатовъ служащихъ и сокращеніе казенныхъ расходовъ. Въ его отчетѣ не заключается и намека на возможное экономическое развитіе края, на что должно быть обращено преимущественно вниманіе администраціи. Съ экономическимъ развитіемъ, рядомъ растутъ и доходы казны. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія, могу указать на слѣдующій фактъ. Въ 1884 году, когда я прибылъ въ край, таможенный доходъ составлялъ около 100.000 р. въ годъ, въ 1889-мъ же году доходъ повысился до 575.000 руб. Неуклонно заботясь за все время моего управленія краемъ объ его экономическомъ развитіи, могу съ увѣренностью сказать, я содѣйствовалъ интересамъ Государственнаго казначейства.

Въ сентябрѣ 1888 года я испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ. Главная цѣль поѣздки была исходатайствовать разрѣшеніе на переоброчку Ферганской области, въ которой предстояла настоятельная надобность, въ виду истеченія установленнаго срока сдѣланной при генералъ-губернаторѣ фонъ-Кауфманѣ оброчкѣ земель и несправедливаго въ многихъ случаяхъ обложенія обывателей, а также, чтобы настоять на

скорѣйшемъ утвержденіи правилъ объ отводѣ частнымъ лицамъ и обществамъ земель подъ орошеніе. Неутвержденіе этихъ правилъ задерживало экономическое развитіе края и наносило ущербъ интересамъ Государственнаго казначейства.

Правила сіи по настоящее время не утверждены, на что справедливо жаловались русскіе промышленники министру финансовъ при посѣщеніи имъ въ 1890 году выставки въ Ташкентѣ. Едва-ли вина въ этомъ можетъ быть отнесена ко мнѣ. Съ моей стороны все возможное было сдѣлано для скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса. Дѣло затормозилось вслѣдствіе разногласія между нѣкоторыми министрами (1890 г.).

Всѣ сдѣланныя мною въ теченіе двухъ лѣтъ представленія по вышеуказаннымъ двумъ вопросамъ оставались безъ результатовъ. Мое присутствіе въ Петербургѣ было необходимо, чтобы двинуть эти вопросы.

29 сентября я выѣхалъ изъ Ташкента. Кто прочелъ эти записки, пойметъ, что настроеніе мое было не веселое. Къ этому нужно еще прибавить, что здоровье моей жены пострадало сильно во время пребыванія въ Ташкентѣ. Климатъ дѣйствовалъ губительно на нее, дальнѣйшее пребываніе въ Ташкентѣ могло повлечь за собою самыя тяжкія для нея послѣдствія. Въ той же степени дурно отзывалась жизнь въ Ташкентѣ на двухъ моихъ дочеряхъ. Исключительная обстановка, въ которой онѣ жили, не могла не отозваться вредно на нихъ. Дальнѣйшее пребываніе въ Ташкентѣ могло дурно отозваться на всю ихъ предстоящую жизнь.

Я рѣшился, если окажется возможнымъ, не вернуться въ край. 17 октября я пріѣхалъ въ Петербургъ и представился на другой день военному министру. Словами „напрасно Вы не дали ружья Исхакъ-Хану“ встрѣтилъ меня генералъ-адъютантъ Ванновскій. Послѣ весьма непродолжительнаго разговора, въ продолженіе котораго не было и намека на выраженіе мнѣ какого-либо одобренія за мою дѣятельность, въ Туркестанскомъ краѣ, я простился съ его высокопревосходительствомъ.

21 октября я представился Государю Императору въ Гатчинскомъ дворцѣ. Его Величество принялъ меня очень благосклонно и много разспрашивалъ о положеніи края. Въ концѣ аудіенціи, я сказалъ Его Величеству, что, чувствуя себя крайне утомленнымъ отъ чрезмѣрной дѣятельности, и по семейнымъ обстоятельствамъ, я желалъ бы, если на это послѣдуетъ соизволеніе Его Величества, не возвращаться въ край. Государь, по-

видимому удивленный этой просьбою, отвѣтилъ мнѣ: „Отдохните здѣсь, а уже потомъ мы этотъ вопросъ рѣшимъ".

До самаго моего отъѣзда обратно въ Ташкентъ, разговоръ по сему предмету не возобновлялся.

Сдѣлавши визиты всѣмъ министрамъ, я взялся немедленно за дѣла. Большого труда стоило мнѣ убѣдить министра финансовъ въ необходимости переоброчки Ферганской области. Наконецъ, мнѣ это удалось, но благодаря придиркамъ мелкихъ чиновниковъ министерства, закидавшихъ меня разными запросами, вопросъ тянулся до безконечности и получилъ окончательное рѣшеніе только при моемъ выѣздѣ изъ Петербурга, и то исключительно благодаря рѣшительному содѣйствію тайнаго совѣтника Вышнеградскаго.

Еще меньшій успѣхъ имѣли мои представленія объ утвержденіи правилъ объ отводѣ земель подъ орошеніе. Министры государственныхъ имуществъ и финансовъ высказались рѣшительнымъ образомъ за меня, государственный же контролеръ, на заключеніе котораго было передано мое ходатайство, призналъ по причинамъ, не выдерживающимъ ни малѣйшей критики, утвержденіе правилъ объ отводахъ несвоевременнымъ. Въ виду сего протеста, правила объ отводахъ по сіе время не утверждены (1890 г.), не взирая на все стараніе статсъ-секретаря Островскаго.

Большинство мелкихъ дѣлъ, возбужденныхъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ, было рѣшено въ благопріятномъ для края смыслѣ.

Всѣ министры, за исключеніемъ военнаго, относились ко мнѣ съ большимъ вниманіемъ. Генералъ-адъютантъ Ванновскій продолжалъ оказывать мнѣ явное нерасположеніе; никогда и ни въ чемъ я не встрѣчалъ въ немъ какую-либо поддержку. Въ подтвержденіе сего, могу, между прочимъ, указать на слѣдующіе факты.

На основаніи Положенія объ управленіи краемъ, служащіе, не получившіе повышенія при введеніи его, были освобождены отъ всякихъ вычетовъ изъ содержанія. Генералъ-адъютантъ Ванновскій, основываясь на томъ, что Военный Совѣтъ призналъ служащихъ въ Туркестанскомъ краѣ по полицейски-административному управленію добровольными участниками эмеритурной кассы, внесъ въ Государственный Совѣтъ представленіе о томъ, чтобы вычетъ въ эмеритуру производился изъ ихъ содержанія.

Многіе изъ членовъ Государственнаго Совѣта признали такое

рѣшеніе несправедливымъ и несогласнымъ съ Положеніемъ 12 іюня 1887 года, тѣмъ не менѣе, такъ какъ оно соотвѣтствовало интересамъ Государственнаго казначейства и согласное съ мнѣніемъ военнаго министра, въ вѣдѣніи котораго состоитъ Туркестанское генералъ-губернаторство, вопросъ былъ рѣшенъ согласно представленію генералъ-адъютанта Ванновскаго.

Я случайно узналъ объ этомъ постановленіи Государственнаго Совѣта отъ генералъ-адъютанта Кауфмана на выходѣ въ Новый Годъ. Сознавая, какія тяжелыя послѣдствія оно будетъ имѣть для всѣхъ служащихъ и какое удручающее впечатлѣніе оно произведетъ въ краѣ, я немедленно обратился къ присутствующему на выходѣ предсѣдателю департамента экономіи Государственнаго Совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Абаза, выяснивъ ему обстоятельство дѣла и несправедливость рѣшенія.

Г. Абаза отнесся съ полнымъ вниманіемъ къ моему заявленію и узнавъ отъ государственнаго секретаря тайн. сов. Половцева, что постановленіе еще Высочайше не утверждено, назначилъ представленіе военнаго министра къ новому разсмотрѣнію въ моемъ присутствіи.

Соединенные департаменты, выслушавъ мои объясненія, единогласно рѣшили дѣло въ благопріятномъ для служащихъ смыслѣ.

Дѣло это было весьма серьезное; я не могъ поступить иначе, но не думаю, что мой образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ бы содѣйствовалъ улучшенію моихъ отношеній къ военному министру! Другой случай.

Въ день полкового праздника л.-гв. Финляндскаго полка послѣ завтрака въ Аничковомъ дворцѣ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ спросилъ меня, въ какое время года прибываютъ въ Ташкентъ молодые солдаты. Я отвѣтилъ Его Императорскому Высочеству, что, благодаря доведенію желѣзной дороги до Самарканда, они прибываютъ въ этотъ городъ зимою, немедленно послѣ призыва; въ Ташкентъ же они приходятъ только лѣтомъ; если же, присовокупилъ я, указывая на рядомъ стоящаго военнаго министра, его высокопревосходительство поможетъ мнѣ исходатайствовать постройку желѣзной дороги между Ташкентомъ и Самаркандомъ, они будутъ прибывать и въ Ташкентъ зимою. „Въ 1886 году“, сказалъ генералъ-адъютантъ Ванновскій—„Вы не хотѣли дороги до Ташкента, теперь я ее не хочу“. Великій Князь, хорошо зная обстоятельства дѣла и удивленный этою странною выходкою, замолчалъ и отвернулся; то же сдѣлалъ и я.

При одной изъ встрѣчъ съ военнымъ министромъ я выска-

залъ ген.-ад. Ванновскому, что для успѣшнаго управленія окраиною, генералъ-губернаторъ долженъ пользоваться не только довѣріемъ Государя Императора, но и господъ министровъ, „я же сознаю,—присовокупилъ я,—что не пользуюсь довѣріемъ одного изъ господъ министровъ". „На кого вы намекаете", спросилъ меня ген.-ад. Ванновскій. „На васъ, ваше высокопревосходительство", отвѣтилъ я. Военный министръ замолкъ и отвернулся отъ меня.

Съ конца декабря стали получаться въ Петербургѣ тревожныя извѣстія изъ Средней Азіи. Начальникъ Закаспійской области генералъ-лейтенантъ Комаровъ доносилъ, что Абдурахманъ-Ханъ объявилъ священную войну противъ русскихъ, въ Афганистанѣ дѣлаются приготовленія къ войнѣ, передвигаются войска изъ Кабула въ Черваліятъ, Абдурахманъ-Ханъ завязываетъ какія-то секретныя сношенія съ эмиромъ Бухарскимъ. Исправляющій мою должность генералъ-лейтенантъ Яфимовичъ также не отрицалъ возможности открытія враждебныхъ дѣйствій Абдурахманъ-Ханомъ. Пріѣхавшій въ первыхъ числахъ января 1889 г. въ Петербургъ генералъ-лейтенантъ Анненковъ разсказывалъ, что оставилъ Закаспійскую область въ крайне напряженномъ и тревожномъ состояніи; по его мнѣнію, война была неизбѣжна.

Въ половинѣ января состоялось у военнаго министра совѣщаніе, куда были приглашены: князь Дондуковъ-Корсаковъ, генералъ-адъютантъ Обручевъ, генералъ-маіоръ Куропаткинъ и я. Большинство признало необходимымъ безотлагательно усилить Керкинскій гарнизонъ, передвинувъ 2 баталіона изъ Самарканда. Я съ своей стороны полагалъ достаточнымъ сдѣлать необходимыя приготовленія къ выступленію этихъ частей въ походъ, но до полученія болѣе точныхъ свѣдѣній оставить ихъ на мѣстѣ. Военный министръ согласился съ мнѣніемъ большинства и сдѣлалъ представленіе объ ассигнованіи 100.000 р. въ его распоряженіе на предположенное передвиженіе 2-хъ баталіоновъ въ Керки и на приготовленіе еще нѣкоторыхъ частей къ походу. Ходатайство это было уважено.

Послѣ совѣщанія, оставшись наединѣ съ военнымъ министромъ, я заявилъ ему, что, въ виду политическихъ осложненій въ Средней Азіи, я беру назадъ свою просьбу оставить Туркестанскій край и готовъ туда вернуться по первому требованію правительства.

Въ половинѣ февраля были получены еще болѣе тревожныя извѣстія. Генералъ Комаровъ доносилъ (подлинная телеграмма

хранится въ главномъ штабѣ, копіи въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора), что, по имѣющимся у него вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Абдурахманъ-Ханъ откроетъ военныя дѣйствія въ первыхъ числахъ марта; что не слѣдуетъ довѣряться дружбѣ эмира Бухарскаго, что въ Самаркандѣ и Мервѣ не спокойно. По докладѣ этой телеграммы Государю Императору, Его Величество поручилъ военному министру мнѣ передать, что ему угодно, чтобы я немедленно возвратился въ Туркестанъ.

Получивъ это Высочайшее повелѣніе, я заявилъ военному министру, что я съ радостью готовъ исполнить его, но считаю себя нравственно обязаннымъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, доложить лично Его Величеству о двухъ обстоятельствахъ, которыя меня сильно безпокоятъ. Первое это—неразрѣшеніе по настоящее время переоброчки Ферганской области; „Абдурахманъ-Ханъ“, сказалъ я: „можетъ быть намъ опасенъ только при отсутствіи спокойствія въ краѣ и недовольствѣ мѣстнаго населенія; Ферганская область ждетъ переоброчки, она успокоится только, когда справедливая просьба жителей будетъ удовлетворена; въ виду настоящихъ обстоятельствъ, переоброчка настоятельно необходима. Второй вопросъ, меня сильно безпокоющій и лишающій меня увѣренности въ успѣхѣ предстоящихъ дѣйствій, это неподчиненіе туркестанскому генералъ-губернатору Закаспійской области. Едва-ли можно ожидать, при двойственности власти, хорошихъ результатовъ. Оба эти вопроса имѣютъ въ моихъ глазахъ такую важность, что я прошу его, военнаго министра, испросить для меня у Государя Императора особую аудіенцію, чтобы дать мнѣ возможность подробно съ ними ознакомить Его Величество.

Испрашиваемая мною аудіенція мнѣ была дана 23 февраля (четвергъ на первой недѣлѣ поста). Она продолжалась около часа, и я имѣлъ возможность развить подробно мои мысли. Государь обѣщался мнѣ, что по первому вопросу переговоритъ съ министромъ финансовъ, относительно же самостоятельнаго существованія Закаспійской области, онъ мнѣ сказалъ, что нужно выждать результатовъ этого рѣшенія; въ случаѣ же неизбѣжности военныхъ дѣйствій, присовокупилъ онъ, она вамъ будетъ подчинена, равно и расположенныя въ ней войска. Въ заключеніе Его Величество выразилъ мнѣ надежду, что мнѣ удастся, конечно не нарушая достоинства Россіи, избѣжать войны. При прощаніи Государь сказалъ мнѣ: „Приведите на мѣстѣ все въ

порядокъ, затѣмъ возвращайтесь въ Петербургъ; въ Туркестанскій край вы уже не вернетесь".

Я просилъ разрѣшеніе Его Величества остаться въ Петербургѣ до 26 февраля (день рожденія Государя). Онъ на это согласился.

Въ послѣдніе дни, проведенные въ Петербургѣ, я былъ предметомъ самаго любезнаго вниманія со стороны многихъ министровъ. Всѣ они были очень обезпокоены положеніемъ дѣлъ въ Средней Азіи. Наше правительство рѣшительно не желало войны, справедливо сознавая, что война въ Средней Азіи уменьшила бы наши силы на западной границѣ. Вызвать войну значило бы играть въ руки князю Бисмарку и лигѣ мира. Особое вниманіе оказывали мнѣ: военный министръ (генералъ-адъютантъ Ванновскій повторилъ мнѣ слова, сказанныя Государемъ: „Въ случаѣ войны вамъ будетъ подчинена Закаспійская область и расположенныя въ ней войска. Но войны мы не желаемъ, и увѣрены, что при вашемъ умѣніи, удастся ея избѣжать, не вредя достоинству Россіи. Лучше васъ эту задачу никто не исполнитъ"), министръ иностранныхъ дѣлъ и финансовъ. Послѣдній заявилъ мнѣ, что я могу считать переоброчку въ Ферганской области дѣломъ рѣшеннымъ, что онъ будетъ моимъ адвокатомъ въ Петербургѣ, что я не успѣю доѣхать до Ташкента, когда вопросъ этотъ уже будетъ окончательно рѣшенъ. И дѣйствительно тайный совѣтникъ Вышнеградскій сдержалъ блистательно данное мнѣ слово. При пріѣздѣ въ Ташкентъ, я нашелъ его телеграмму, извѣщающую меня, что переоброчка Ферганской области проведена черезъ Государственный Совѣтъ и Высочайше утверждена.

26 февраля я присутствовалъ на выходѣ въ Аничковомъ дворцѣ. Тутъ я доложилъ Его Величеству о полученной мною наканунѣ телеграммѣ генералъ-лейтенанта Яфимовича, въ которой онъ меня извѣстилъ, что ханъ хивинскій, въ письмѣ на мое имя, сообщаетъ, что онъ въ память событія 17 октября 1888 года отмѣнилъ въ ханствѣ пытки.

По окончаніи выхода Государь и Императрица простились со мною самымъ милостивымъ образомъ. Его Величество повторилъ еще разъ, что послѣ исполненія нынѣ на меня возложеннаго порученія, онъ меня уволитъ отъ должности генералъ-губернатора.

28-го февраля я выѣхалъ изъ Петербурга.

До Владикавказа я доѣхалъ вполнѣ благополучно; за то переѣздъ черезъ Кавказскій хребетъ горъ былъ сопряженъ съ большими затрудненіями. Между станціями Коби и Кандау-

ромъ образовались большіе завалы, въ экипажѣ проѣхать было невозможно и нельзя было ожидать скораго возстановленія пути. Желая какъ можно быстрѣе доѣхать до мѣста назначенія, въ виду напряженнаго положенія дѣлъ, я рѣшился пройти пѣшкомъ по глубокому снѣгу отъ Коби въ Кандауръ. Переходъ былъ трудный и сопряженъ съ опасностью жизни. Вездѣ торчали зловѣщіе черные флаги, каждую минуты я рисковалъ быть засыпаннымъ снѣжнымъ обваломъ. Но съ Божьею помощью я достигъ благополучно станцію Кандауръ, а оттуда продолжалъ путь безъ дальнѣйшихъ затрудненій. Въ Тифлисѣ провелъ только нѣсколько часовъ въ ожиданіи отхода поѣзда. Въ Баку меня застала страшная буря, немедленно выѣхать было невозможно, и только на другое утро я сѣлъ на казенный пароходъ „Шахъ", обязательно предоставленный управляющимъ морскимъ министерствомъ въ мое распоряженіе. На пароходѣ этомъ я доѣхалъ въ сутки благополучно въ Узунъ-Ада, гдѣ меня ожидалъ экстренный поѣздъ Закаспійской желѣзной дороги. Нигдѣ не останавливаясь, я пріѣхалъ 8-го марта утромъ въ Асхабадъ; тутъ на станціи встрѣтилъ меня военный губернаторъ Закаспійской области генералъ-лейтенантъ Комаровъ.

Въ происшедшемъ между нами разговорѣ, я передалъ генералу мое мнѣніе о положеніи дѣлъ въ Средней Азіи; я выразилъ ему, что рѣшительно не вѣрю въ возможность нападенія на насъ Абдурахманъ-Хана, но вижу опасность въ томъ, что при наэлектризованномъ настроеніи войскъ и населенія изъза схватки нашихъ и афганскихъ разъѣздовъ могутъ возникнуть самыя серьезныя послѣдствія. Обязанность старшихъ начальниковъ, сказалъ я генералу Комарову, имѣть строгое наблюденіе, чтобы расположенныя на Афганской границѣ наши войска не задирали афганцевъ и не позволяли себѣ вызывающій относительно ихъ образъ дѣйствій. Военный губернаторъ Закаспійской области обѣщался мнѣ сообразоваться впредь съ этимъ взглядомъ, что однакожъ ему не помѣшало отправить, въ день нашего свиданія, въ Петербургъ телеграмму тревожнаго характера, впрочемъ послѣднюю такого свойства.

Послѣ двухъ-часовой остановки въ Асхабадѣ я продолжалъ путь въ Мервъ. Тутъ я былъ встрѣченъ начальникомъ округа полковникомъ Алихановымъ. Штабъ-офицеръ этотъ, весьма способный и энергичный человѣкъ, былъ главный виновникъ настоящаго тревожнаго положенія дѣлъ. Желая во что бы то ни стало добиться, изъ личныхъ видовъ, столкновенія съ афганцами, онъ доставлялъ генералу Комарову постоянныя свѣ-

дѣнія о враждебныхъ замыслахъ Абдурахманъ-Хана. Какъ участникъ боя при Кушкѣ и награжденный за это Георгіевскимъ крестомъ, онъ понималъ, что гораздо выгоднѣе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ заниматься мирнымъ управленіемъ ввѣреннаго ему округа. Воспользовавшись 1½ часовою остановкою въ Мервѣ, я принялъ въ своемъ вагонѣ полковника Алиханова, при чемъ былъ къ нему крайне внимателенъ, много его разспрашивалъ о населеніи, культурѣ и положеніи ирригаціи въ округѣ, о возможности же военныхъ дѣйствій не заикнулся. Сдѣлалъ я это потому, что, говори я о пограничныхъ дѣлахъ, полковникъ Алихановъ неизбѣжно высыпалъ бы мнѣ цѣлый запасъ свѣдѣній о мнимыхъ замыслахъ Абдурахманъ-Хана, полученныхъ имъ черезъ развѣдчиковъ; и не могъ же я ему сказать, что онъ вретъ. Воздерживаясь же въ разговорѣ съ нимъ касаться это предмета, я хотѣлъ этимъ дать понять, что въ моихъ глазахъ настолько невѣроятно нападеніе на насъ Абдурахманъ-Хана, что объ этомъ и не стоитъ разговаривать.

Полковникъ Алихановъ вышелъ изъ моего вагона ошеломленный. Онъ жаловался на меня, какъ я узналъ впослѣдствіи, что я его вовсе не разспрашивалъ о пограничныхъ дѣлахъ, и лишилъ этимъ возможности доложить мнѣ массу свѣдѣній, добытыхъ черезъ развѣдчиковъ.

Я же думаю, что мой образъ дѣйствій былъ цѣлесообразенъ, и не преминулъ произвести дѣйствіе на храбраго полковника, умѣривъ его пылкое воображеніе и убѣдивъ его, что по всѣмъ такъ легко втереть очки въ глаза, какъ генералу Комарову.

Дальнѣшія событія доказали, насколько было въ интересахъ начальства Закаспійской области вызвать внѣшнія осложненія. Произведенная по Высочайшему повелѣнію въ 1890 году генералъ-лейтенантомъ Максимовскимъ ревизія Закаспійской области обнаружила страшныя злоупотребленія администраціи, въ особенности въ Мервскомъ округѣ. Война бы все прикрыла.

10-го марта я пріѣхалъ въ Чарджуй; тутъ я нашелъ настроеніе войскъ, служащихъ и населенія такимъ же тревожнымъ, какъ и въ Закаспійской области; но, находясь уже вблизи Афганской границы, я считалъ себя хозяиномъ положенія и былъ увѣренъ въ успѣхѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Изъ Чарджуя я рѣшился ѣхать на пароходѣ въ Керки; цѣль этой поѣздки: воспроизвести впечатлѣнія на Абдурахманъ-Хана, указавъ ему, въ случаѣ неизмѣненія имъ его нѣсколько двух-

смысленнаго образа дѣйствій, на возможность движенія русскихъ войскъ въ Афганскій Туркестантъ, вмѣстѣ съ этимъ я хотѣлъ лично подробно ознакомиться съ положеніемъ дѣла на границѣ и успокоить воинственное настроеніе русскаго гарнизона въ Керки.

Встрѣтившіе меня въ Чарджуѣ ближайшіе мои подчиненные отговаривали меня убѣдительно отъ предположенной поѣздки, указывая на трудность перѣзда изъ Чарджуя въ Керки на пароходѣ, который, по ихъ мнѣнію, вслѣдствіе недостаточнаго изслѣдованія Аму-Дарьи, легко могъ сѣсть на мель, что произвело на населёніе удручающее впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ этимъ они выражали опасеніе, чтобы Абдурахманъ, конечно, предувѣдомленный о моемъ предстоящемъ пріѣздѣ въ Керки, не бросился всѣми силами на меня, что представляло, по ихъ мнѣнію, опасность въ виду немногочисленности Керкинскаго гарнизона (3 батальона, 8 орудій, 2 сотни казаковъ).

Убѣжденный въ пользѣ, которую принесетъ мой пріѣздъ въ Керки, я послѣ трехдневнаго пребыванія въ Чарджуѣ, во время котораго осмотрѣлъ во всей подробности войска, всѣ учрежденія, Аму-Дарьинскій мостъ, и присутствовалъ при подъемѣ креста на строющейся православной церкви, сѣлъ на пароходъ и направился на Афганскую границу. Послѣ трехдевнаго вполнѣ благополучнаго плаванія, я пріѣхалъ 18-го марта въ Керки. Сдѣлавъ войскамъ немедленно осмотръ, я приступилъ затѣмъ къ осмотру мѣстности и строющагося форта. Въ моемъ присутствіи былъ составленъ планъ будущаго русскаго города Керки, намѣчены мѣста для постройки церкви и казармъ. Узнавая изъ-подъ руки о положеніи дѣлъ на границѣ, я не говорилъ ни съ кѣмъ о возможности войны, напротивъ подтвердилъ начальнику Керкинскаго гарнизона точное исполненіе данной ему политической инструкціи. Желая оказать вниманіе мѣстному бухарскому населенію, я роздалъ ему, черезъ мѣстнаго бека, нѣсколько фунтовъ шелковичной грены для оживленія шелководства. Собранныя мною на мѣстѣ свѣдѣнія убѣдили меня въ вѣрности моего взгляда на положеніе дѣлъ; Абурахманъ-Ханъ и не думалъ о нападеніи на насъ; объявленный имъ хазаватъ (война противъ невѣрныхъ) имѣлъ исключительно цѣлью поднять его престижъ въ глазахъ его подданныхъ.

Подшучивая въ разговорахъ съ начальниками надъ тѣми, которые могли допустить мысль, что Абдурахманъ-Ханъ осмѣлится напасть на русскія войска, я скоро успокоилъ воинственное настроеніе въ войскахъ.

Рядомъ съ этимъ пріѣздъ мой въ Карки произвелъ должное дѣйствіе на эмира. Черезъ нѣсколько дней стало извѣстнымъ, что находящійся въ Мазаръ-Шерифѣ орудія, направленныя до того на русскую границу, были имъ направлены въ обратную сторону; воспрещенный имъ въ русскія владѣнія ввозъ фуража былъ вновь разрѣшенъ; русскіе товары опять допущены въ Афганскіе предѣлы.

Послѣ трехдневнаго пребыванія я выѣхалъ изъ Керки, при чемъ направился въ Чарджуй по проложенной эмиромъ Бухарскимъ, согласно моему требованію, дорогѣ, желая осмотрѣть ее и построенные по ней мосты. Во время этой поѣздки меня сопровождали мѣстные бухарскіе беки, рѣшившіеся по этому случаю впервые выѣхать изъ крѣпостей, по мѣстности, гдѣ незадолго происходили постоянные грабежи, я проѣхалъ съ самымъ ограниченнымъ казачьимъ конвоемъ.

Путь совершилъ въ два дня вполнѣ благополучно, дорога и мосты найдены въ полной исправности. Желая на будущее время облегчить переѣзды русскихъ чиновниковъ и офицеровъ изъ Чарджуя въ Керки, я поручилъ бухарскимъ бекамъ построить по дорогѣ семь станціонныхъ домовъ, гдѣ бы проѣзжающіе всегда бы могли найти нужный фуражъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Желаніе мое было немедленно исполнено.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Чарджуѣ, я выѣхалъ 24 марта по желѣзной дорогѣ въ Самаркандъ. На станціи Бухара была устроена обычная встрѣча; вдоль желѣзной дороги были построены бухарскія войска, а около станціи меня встрѣтила масса бухарскаго населенія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Тутъ же меня ожидала коляска эмира Бухарскаго. Желая осмотрѣть построенный бухарскимъ правительствомъ близъ желѣзнодорожной станціи новый базаръ и вмѣстѣ съ этимъ доказать, что настроеніе бухарцевъ къ русскимъ вполнѣ дружеское и мирное, я сѣлъ одинъ въ коляску эмира и проѣхалъ безъ всякаго конвоя черезъ толпу бухарцевъ къ базару. Толпа разступилась и дала мнѣ почтительно дорогу. Всѣ присутствующіе могли убѣдиться, насколько были основательны предположенія генерала Комарова, указывающія на враждебные противъ насъ замыслы бухарскаго правительства.

25-го марта утромъ я пріѣхалъ въ Самаркандъ.

Во время пребыванія въ этомъ городѣ я осмотрѣлъ открытую въ 1887 году гренажную станцію. Къ сожалѣнію, я не нашелъ ее настолько устроенной, какъ ожидалъ. Завѣдующій ею врачъ былъ командированъ въ Керки для сопровожденія 9 ли-

нейнаго батальона, и завѣдованіе ею было передано въ совершенно неумѣлыя руки. Сдѣлавъ должное внушеніе губернатору, я приказалъ врача немедленно вернуть въ Самаркандъ. Примѣръ этотъ доказываетъ, какъ часто самыя полезныя мѣры не встрѣчаютъ сочувствія въ комъ слѣдуетъ. Никакой надобности не было въ командированіи врача въ Керки, гдѣ былъ въ нихъ избытокъ.

Въ Ташкентѣ, куда пріѣхалъ 29 марта, мнѣ была сдѣлана самая сочувственная встрѣча. Какъ русское, такъ и туземное населеніе радовалось искренно моему возвращенію.

Первая принятая мною мѣра была пріостановка дальнѣйшаго передвиженія войскъ къ Афганской границѣ; благодаря этому ассигнованный на передвиженіе войскъ кредитъ въ 100.000 руб. былъ далеко не исчерпанъ, и образовался значительный остатокъ. Вслѣдъ за этимъ я сдѣлалъ распоряженіе объ увольненіи въ запасъ нижнихъ чиновъ подлежащаго срока, задержанныхъ на службѣ въ виду политическихъ осложненій.

Тревожное настроеніе прекратилось быстро, и черезъ мѣсяцъ послѣ моего возвращенія въ Туркестанъ уже никто не помышлялъ о возможности войны съ Афганистаномъ. Торговыя сношенія съ Афганистаномъ, возобновились и усилились настолько, что въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ было вывезено въ эту страну на 1.400.000 руб. русскихъ товаровъ.

О всѣхъ сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ и достигнутыхъ результатахъ я сообщилъ военному министру. Мнѣ извѣстно, что письмо мое возбудило въ то время общее удовольствіе. Но скоро оно было забыто. При пріѣздѣ моемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, мнѣ не только никѣмъ не была выражена благодарность, но даже никто не упомянулъ о бывшемъ напряженномъ положеніи дѣлъ. Между тѣмъ, раздайся хоть бы одинъ выстрѣлъ въ Средней Азіи, конечно, министру финансовъ не удались бы столь успѣшно выполненныя въ теченіе лѣта конверсіи нѣкоторыхъ нашихъ займовъ.

Въ 1888 году министромъ государственныхъ имуществъ былъ высланъ въ Ташкентъ, вслѣдствіе моей просьбы, изобрѣтенный г-омъ Черняевымъ приборъ для огневой сушки фруктовъ.

При огромномъ изобиліи фруктовъ въ Туркестанѣ, крайне было желательно замѣнить болѣе усовершенствованнымъ способомъ существовавшій до того времени примитивный способъ сушки. Высланный Черняевскій приборъ мною былъ переданъ въ распоряженіе Ташкентскаго отдѣла Императорскаго обще-

ства садоводства. Предсѣдатель отдѣла, г-нъ Полевицкій, построилъ особый павильонъ, гдѣ были поставлены необходимыя печки для сушки фруктовъ, и я имѣлъ въ маѣ мѣсяцѣ радость присутствовать при первыхъ опытахъ сушки. Опыты удались вполнѣ и дали прекрасные результаты; можно надѣяться, что и частныя лица послѣдуютъ примѣру отдѣла общества садоводства, и такимъ образомъ установится въ Туркестанѣ новая отрасль производства, которой, можно съ увѣренностью предсказать, блестящую будущность. Починъ этого полезнаго дѣла принадлежитъ несомнѣнно мнѣ; не обратись я къ министру государственныхъ имуществъ съ просьбою о высылкѣ Черняевскаго прибора, огневой способъ сушки фруктовъ остался бы безъ примѣненія въ Туркестанскомъ краѣ.

Особое вниманіе мною было обращено на производящіяся въ Ташкентскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области организаціонныя работы по оброчкѣ населенія. Опытъ указалъ что изданная въ 1887 году инструкція податнымъ комиссіямъ, требовала въ смыслѣ ускоренія работъ существенныя измѣненія. Инструкція была пересмотрѣна самымъ тщательнымъ образомъ, и сдѣланы необходимыя исправленія.

Во всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ по учебному вѣдомству, представленномъ въ 1888 году Государю Императору, я ходатайствовалъ объ открытіи въ Самаркандѣ и Маргеланѣ Маріинскихъ женскихъ училищъ. Въ открытіи этихъ училищъ чувствовалась крайняя надобность. Офицеры и чиновники, неимѣющіе необходимыхъ средствъ отправить дочерей въ Ташкентскую женскую гимназію, были лишены возможности дать имъ приличное воспитаніе. Во время моего пребыванія въ Петербургѣ, я пришелъ въ соглашеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія объ условіяхъ, при которыхъ училища могли бы быть открыты, и по возвращеніи въ Ташкентъ сдѣлалъ немедленно по сему предмету представленіе. Въ настоящее время (1890 г.) ходатайство мое уважено, разрѣшено открытіе училищъ. Распоряженіе это встрѣчено несомнѣнно мѣстнымъ русскимъ населеніемъ съ искреннею благодарностью.

Весною же 1889 года былъ разработанъ, по моимъ указаніямъ, проектъ новаго Положенія объ учительской семинаріи. Существовавшее до того времени Положеніе требовало существенныхъ измѣненій. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ проектъ новаго Положенія былъ мною представленъ министру народнаго просвѣщенія.

Помѣщеніе публичной библіотеки было крайне тѣсное. Же-

лая предоставить публикѣ болѣе удобствъ для чтенія, я приказалъ пристроить обширную комнату для читальни.

На замѣну убогихъ шкаповъ для книгъ, новыми приличными шкапами, я пожертвовалъ триста рублей.

19 мая я выѣхалъ изъ Ташкента для обозрѣнія Ферганской области. Поѣздка эта была въ свое время подробно описана въ „Туркестанскихъ вѣдомостяхъ“, и отдѣльно напечатанная брошюра хранится въ моихъ бумагахъ при копіяхъ съ моихъ Всеподданнѣйшихъ отчетовъ. Считая тутъ у мѣста только выразить, что обозрѣніе Ферганской области въ 1889 году доставило мнѣ громадное удовольствіе, и воспоминаніе объ этой поѣздкѣ не изгладится никогда изъ моей памяти. Результаты моего управленія, достигнутые въ Ферганской области, доказываютъ, что можетъ быть достигнуто, въ сравнительно короткое время, постоянными и настойчивыми заботами о нуждахъ населенія.

Тамъ, гдѣ въ 1884 году, при первомъ моемъ объѣздѣ, мнѣ неоднократно приходилось обращаться къ вооруженной силѣ, чтобы разгонять толпы народа, обращавшейся ко мнѣ въ дерзкой формѣ съ разными неисполнимыми просьбами; тамъ, гдѣ въ 1885 году бродили вооруженныя шайки, призывающія населеніе къ открытому возстанію противъ русской власти, и приходилось отправлять отряды войскъ для разсѣянія этихъ шаекъ, въ 1889 году я восторженно былъ встрѣченъ населеніемъ. Въ поданныхъ мнѣ многочисленныхъ адресахъ населеніе меня благодарило за мое ходатайство о переоброчкѣ области; за постройку Самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги, благодаря которому облегчился сбытъ произведеній; за мои попеченія о развитіи хлопководства; за учрежденіе гренажныхъ станцій; за исправленіе ирригаціонной системы; наконецъ, за открытіе во многихъ городахъ амбулаторныхъ лѣчебницъ для туземныхъ женщинъ. Въ г. Маргеланѣ, при представленіи мнѣ почетныхъ туземцевъ всей области, собравшихся въ этомъ городѣ для привѣтствія меня, старшій казій стараго Маргелана, отличавшійся прежде своими анти-русскими тенденціями, обратился ко мнѣ съ рѣчью, въ которой благодарилъ меня отъ имени всего населенія, за мои о немъ заботы. „Попеченіями Вашими о насъ“, закончилъ онъ свою рѣчь, „Вы записали навсегда Ваше имя въ исторію Ферганской области“.

Все видѣнное въ области произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе. Пути сообщенія улучшились замѣтно, благосостояніе населенія увеличилось. Въ особенности поразили и обра-

довали меня успѣхи по хлопководству; культура хлопчатника изъ американскихъ сѣмянъ началась только съ 1887 года, и уже въ 1888 году было собрано не менѣе 800.000 п. хлопка. Считая стоимость пуда въ 6 рублей, область выручила около 5 милліоновъ рублей; такіе результаты не могли, конечно, не отразиться на благосостояніи населенія.

Въ 1884 году вовсе не было русскаго города въ Кокандѣ; чиновники и офицеры жили, какъ я уже прежде упомянулъ, въ туземномъ городѣ, подвергаясь всякимъ лишеніямъ. Въ 1889 году я нашелъ прекрасный русскій городъ, лучшій изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ въ Туркестанскомъ краѣ.

Въ новомъ Маргеланѣ мною было указано мѣсто для постройки новой православной церкви; по ассигнованіи 10.000 руб. на начало постройки, осенью было приступлено къ работамъ. Бывшая церковь, построенная въ 1886 году изъ сырца, была настолько ветха, что грозила полнымъ разрушеніемъ.

Не могу не вспомнить съ благодарностью о военномъ губернаторѣ Ферганской области, генералъ-маіорѣ Корольковѣ. Его умѣлости и усердію должны быть, во многомъ, приписаны достигнутые превосходные результаты. Будучи выдающимся ботаникомъ, онъ своими полезными указаніями содѣйствовалъ въ значительной степени подъему культуры въ области.

Я провелъ 10 дней въ Ферганѣ. Выраженная мнѣ населеніемъ сердечная благодарность лучшая для меня награда за все время управленія краемъ.

30 мая я вернулся въ Ташкентъ. Послѣ трехнедѣльнаго тамъ пребыванія, я выѣхалъ 21 іюня въ Высочайше мнѣ разрѣшенный 4 мѣсячный отпускъ въ Европейскую Россію. Желая уклониться, во время переѣзда черезъ Бухарское ханство, отъ всякихъ встрѣчъ и сопряженнаго съ ними подношенія подарковъ, я поручилъ политическому агенту въ Бухарѣ передать бухарскому правительству, что ѣду лѣчиться въ Россію, чувствую себя нездоровымъ и утомленнымъ, и прошу поэтому, чтобы никто изъ бухарскихъ сановниковъ не былъ командированъ для встрѣчи и сопровожденія меня во время переѣзда черезъ ханство. Эмиръ Бухарскій, нехотя, подчинился этому требованію.

Весьма труденъ былъ мой переѣздъ черезъ Сыръ-Дарью и Заравшанъ вслѣдствіе полноводья, въ особенности черезъ послѣднюю изъ этихъ рѣкъ. Могу сказать, что переѣхалъ Заравшанъ съ опасностью жизни. Путешествіе изъ Самарканда до Узунъ-Ада я сдѣлалъ по Закаспійской желѣзной дорогѣ со всѣми

удобствами. Не могу того же сказать о переѣздѣ изъ Узунъ-Ада въ Астрахань по Каспійскому морю. Общество „Кавказъ и Меркурій“, обязанное, согласно заключенному съ правительствомъ условію, содержать между вышеназванными двумя пунктами почтовое сообщеніе, отправило изъ Узунъ-Ада, вмѣсто пассажирскаго парохода, шкуну „Жандръ“, нагруженную хлопкомъ и вовсе не приспособленную для пассажировъ. На этой шкунѣ я и сдѣлалъ переѣздъ въ Астрахань. Погода стояла бурная. Легко себѣ представить, насколько это путешествіе было пріятно.

Изъ Астрахани я поднялся по Волгѣ до Царицына, а оттуда дальше уже по желѣзной дорогѣ.

3 іюля я пріѣхалъ въ Петербургъ.

12 іюля я представился Государю Императору въ Петергофѣ.

Его Величество принялъ меня очень милостиво, и, послѣ обычныхъ разспросовъ о положеніи края, спросилъ меня, гдѣ я предполагаю провести лѣто. Узнавъ, что я ѣду лѣчиться въ Виши, Государь пожелалъ мнѣ успѣшное лѣченіе и сказалъ: „По возвращеніи въ Петербургъ, Вы уже въ Туркестанскій край не вернетесь“. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, я доложилъ Его Величеству, не будетъ ли въ такомъ случаѣ удобнѣе теперь же уволить меня отъ должности генералъ-губернатора. „Край“, сказалъ я, находясь продолжительное время въ управленіи временнаго генералъ-губернатора, всегда отъ этого страдаетъ“. Дѣлая такое заявленіе, я конечно руководствовался исключительно пользою службы; лично бы я пострадалъ, лишившись уже лѣтомъ генералъ-губернаторскаго жалованья, 2.000 руб. въ мѣсяцъ.

Результатомъ аудіенціи я остался вполнѣ доволенъ. Мнѣ не пришлось возобновить просьбу объ увольненіи отъ должности генералъ-губернатора. Государь самъ мнѣ объ этомъ сказалъ. Вмѣстѣ съ этимъ, мнѣ казалось несомнѣннымъ, что Его Величество имѣетъ для меня въ виду какое-либо другое соотвѣтствующее назначеніе.

20 іюля я выѣхалъ за границу, откуда вернулся 3 сентября въ мое имѣніе близъ станціи Преображенской.

Тутъ наступилъ самый тягостный періодъ всей моей усердной, и за послѣднія пять $^1/_2$ лѣтъ, я думаю, и плодотворной тридцати-пяти-лѣтней службы.

Государя не было въ Петербургѣ; онъ находился въ Копенгагенѣ.

10 сентября я поѣхалъ въ Петербургъ къ военному мини-

стру, чтобы узнать, послѣдовало ли распоряженіе о назначеніи новаго туркестанскаго генералъ-губернатора, и на что я могу разсчитывать.

Генералъ-адъютантъ Ванновскій принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ и объяснилъ мнѣ, что Государь поручилъ ему, передъ своимъ отъѣздомъ въ Данію, пріискать лицо на постъ генералъ-губернатора, но что онъ пока ни на комъ остановиться не можетъ. „Не можете ли вы мнѣ на кого указать", спросилъ меня военный министръ. Я назвалъ трехъ генераловъ: сенатора князя Григорія Сергѣевича Голицына, военнаго губернатора Терской области и наказнаго атамана Терскаго казачьяго войска Смѣкалова, и военнаго губернатора Уральской области и наказнаго атамана казачьяго войска Шипова. На это генералъ-адъютантъ Ванновскій мнѣ отвѣтилъ, что князь Голицынъ не согласиться принять постъ генералъ-губернатора, оба же другіе не соотвѣтствуютъ, по его мнѣнію, этому назначенію, что онъ поищетъ другое лицо, и когда найдетъ соотвѣтствующаго кандидата, то напишетъ объ этомъ Государю въ Данію.

Въ заключеніе военный министръ сказалъ, что относительно меня не получилъ пока никакого приказанія отъ Государя, но что вѣроятно Его Величество имѣетъ для меня въ виду назначеніе. „Весь городъ говоритъ", присовокупилъ генералъ-адъютантъ Ванновскій, „что вы назначаетесь на должность Главноуправляющаго Собственною Его Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи; зная довѣріе къ вамъ Государя и расположеніе къ вамъ Императрицы, я считаю этотъ слухъ весьма правдоподобнымъ".

Въ первыхъ числахъ октября Государь Императоръ вернулся въ Гатчину.

28 октября вечеромъ мнѣ былъ присланъ начальникомъ главнаго штаба Высочайшій приказъ о моемъ назначеніи членомъ Военнаго Совѣта. Изъ этого приказа же я узналъ, что туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ назначенъ начальникъ штаба Одесскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ баронъ Вревскій.

Назначеніе это было для меня совершенная неожиданность. На бывшемъ 12 октября свиданіи съ военнымъ министромъ, генералъ-адъютантъ Ванновскій сказалъ мнѣ, что имѣется въ виду лицо, вполнѣ соотвѣтствующее посту генералъ-губернатора, но кто это лицо, не назвалъ.

Я совершенно не зналъ генерала барона Вревскаго. Никто

о немъ прежде не слышалъ, и онъ имѣлъ репутацію самаго заурядnаго офицера генеральнаго штаба.

Въ первый пріемный день, послѣ моего назначенія, я поѣхалъ въ Гатчину представиться Государю Императору.

Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно моего заграничнаго путешествія, Государь спросилъ меня, знаю ли я барона Вревскаго Я отвѣтилъ Его Величеству, что помню барона 35 лѣтъ тому назадъ молодымъ офицеромъ Кирасирскаго полка, а съ тѣхъ поръ не встрѣчался съ нимъ.

На другой день я явился военному министру, который мнѣ не сказалъ ничего особеннаго. Вслѣдъ за этимъ, сдѣлавъ визитъ всѣмъ членамъ Военнаго Совѣта, я сталъ ѣздить въ засѣданія Совѣта.

Содержаніе мнѣ было назначено въ томъ же размѣрѣ, какъ и генералу Колпаковскому, по 12.000 руб. въ годъ.

Считаю тутъ у мѣста сказать, что никѣмъ не было сдѣлано и слабой попытки удержать меня на постѣ туркестанскаго генералъ-губернатора.

Въ половинѣ декабря, передъ однимъ изъ засѣданій Военнаго Совѣта я былъ приглашенъ въ кабинетъ военнаго министра. „Я передъ вами виноватъ“, сказалъ мнѣ генералъ Ванновскій, „при оставленіи вами края, я упустилъ напомнить Государю объ удостоеніи васъ благодарственнымъ рескриптомъ за управленіе краемъ. Теперь ошибка исправлена, проектъ рескрипта написанъ и уже утвержденъ Государемъ.

„Но вы получите его только 1 января, послѣ оставленія вами должности генералъ-губернатора уже прошелъ значительный срокъ, посему Его Величество находитъ болѣе удобнымъ послать вамъ рескриптъ въ новый годъ“.

Дѣйствительно 1 января 1890 года я получилъ Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Николай Оттоновичъ. По прежней службѣ вашей въ войскахъ гвардіи, я имѣлъ возможность непосредственно оцѣнить ваши способности и служебное усердіе, и потому въ 1884 году рѣшилъ призвать васъ къ высшему государственному управленію, ввѣривъ вамъ отвѣтственный постъ туркестанскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа. Въ теченіе пяти лѣтъ ваши благоразумныя и твердыя распоряженія, способствовавшія упроченію гражданскаго и экономическаго развитія отдаленнаго края, поддержанію вполнѣ согласныхъ съ видами моей политики мирныхъ отношеній къ сосѣднимъ владѣтелямъ и племенамъ

Средней Азіи и хорошему состоянію ввѣренныхъ вамъ войскъ, постоянно заслуживали Мое одобреніе. Снисходя, съ большимъ сожалѣніемъ, къ просьбѣ вашей объ увольненіи отъ занимаемой должности по разстроенному здоровью, Я назначилъ васъ членомъ Военнаго Совѣта, дабы участіемъ вашимъ въ обсужденіи дѣлъ, ввѣренныхъ заботамъ этого высшаго учрежденія, вы могли продолжать вашу полезную службу. Вмѣстѣ съ симъ Я считаю справедливымъ выразить вамъ искреннюю благодарность за вполнѣ успѣшные труды по управленію туркестанскимъ генералъ-губернаторствомъ и по командованію войсками Туркестанскаго военнаго округа".

Пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

31 декабря 1889 г.
С.-Петербургъ.

3 января, въ первый пріемный день, я поѣхалъ благодарить Государя Императора за Высочайшій рескриптъ.

Его Величество принялъ меня довольно милостиво и сказалъ, что я заслужилъ вполнѣ выраженную въ рескриптѣ благодарность. Къ этому Государь присовокупилъ, что сожалѣетъ, что благодарность эта мнѣ объявлена не своевременно, но что ему никто не напомнилъ о рескриптѣ, когда я оставилъ край.

На этомъ я прекращаю сіи записки. Не описывать же участіе мое въ засѣданіяхъ Военнаго Совѣта.

9 апрѣля 1890 года.

31-го августа 1890 г.

Въ половинѣ іюля мнѣ было объявлено черезъ Командующаго Императорскою главною квартирою Высочайшее повелѣніе состоять при императорѣ германскомъ Вильгельмѣ II во время пребыванія Его Величества въ Россіи. То же назначеніе получили Свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Голенищевъ-Кутузовъ и флигель-адъютантъ ротмистръ графъ Бенкендорфъ.

4-го августа въ 7 часовъ вечера мы выѣхали на императорскомъ поѣздѣ изъ Петербурга въ Ревель навстрѣчу Императору. Въ Нарвѣ присоединился къ намъ Главнокомандующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа Великій

Князь Владиміръ Александровичъ, получившій также Высочайшее повелѣніе встрѣтить Императора въ Ревелѣ.

5-го августа въ 8 часовъ утра, когда ожидался пріѣздъ Императора, собрались на пристани Великій Князь, лица свиты, назначенныя при Его Величествѣ, и начальствующія лица города Ревеля. Тутъ же былъ построенъ почетный караулъ отъ Выборгскаго пѣхотнаго императора Вильгельма II полка. Эстляндскаго губернатора князя Шаховскаго и предводителя дворянства барона Майделя, выѣхавшихъ наканунѣ навстрѣчу нашему Государю въ Нарву, не было. Перваго замѣнялъ вице-губернаторъ Василевскій. Представителей отъ дворянства при встрѣчѣ не было. Этотъ образъ дѣйствія былъ очевидно вызванъ опасеніемъ, чтобы при современномъ положеніи дѣлъ въ губерніи встрѣча дворянами императора германскаго не была принята за анти-правительственную демонстрацію.

Задержанный противными вѣтрами пароходъ „Гогенцоллернъ“ показался на рейдѣ только около 12-ти часовъ. Немедленно было приступлено къ выгрузкѣ императорскаго багажа, и въ часъ императоръ сошелъ на берегъ; поздоровавшись самымъ сердечнымъ образомъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, Его Величество подошелъ ко мнѣ и выразилъ удовольствіе, что я назначенъ состоять при немъ. „Я очень много слышалъ о Васъ“, сказалъ императоръ, „и очень радъ ближе съ Вами познакомиться“. Поздоровавшись затѣмъ съ графами Кутузовымъ и Бенкендорфомъ и сказавъ имъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, императоръ подошелъ къ почетному караулу. На лѣвомъ флангѣ караула стояли гражданскія власти города Ревеля, въ числѣ ихъ вице-губернаторъ Василевскій и городской голова баронъ Майдель. Первый изъ нихъ былъ мною представленъ императору, второй Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Его Величество молча поклонился г-ну Василевскому, барону же Майделю подалъ руку и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Было ли это сдѣлано преднамѣренно или простая случайность, я не знаю, но присутствующими при встрѣчѣ корреспондентами разныхъ газетъ фактъ этотъ былъ подмѣченъ и затѣмъ подчеркнутъ въ появившихся въ газетахъ корреспонденціяхъ.

Посторонней публики при встрѣчѣ было много; держали они себя почтительно, никакихъ особыхъ овацій не было. Отпустивъ почетный караулъ, императоръ сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ подготовленный для него желѣзнодорожный поѣздъ, на которомъ отправился въ Ревельскій вокзалъ, гдѣ послѣ короткой оста-

новки пересѣлъ въ императорскій поѣздъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Нарву. Вслѣдствіе того, что „Гогенцоллернъ“ опоздалъ на три часа прибытіемъ въ Ревель, мы не могли пріѣхать къ 6-ти часамъ въ Нарву, какъ предполагалось, и передъ выѣздомъ изъ Ревеля была послана телеграмма Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ Государю Императору, а мною командующему главною императорскою квартирою генералъ-адъютанту Рихтеру о томъ, что императоръ прибудетъ въ Нарву вмѣсто 6-ти, въ $8^{1}/_{2}$ часовъ вечера.

Немедленно по отъѣздѣ изъ Ревеля былъ сервированъ въ вагонъ-салонѣ завтракъ, при чемъ, согласно желанію Великаго Князя, я взялъ на себя обязанность гофмаршала. Завтракъ прошелъ самымъ оживленнымъ образомъ, и сразу установились прекрасныя отношенія между лицами свиты нашего Государя и германскаго императора. Въ свитѣ его величества находились: государственный канцлеръ генералъ Каприви, начальникъ военнаго кабинета генералъ-адъютантъ Ганнеке, оберъ-гофмаршалъ графъ Эйленбургъ, начальники гражданскаго кабинета и морского кабинета, генералъ-адъютантъ Виттинъ, свиты его величества генералъ-маіоръ графъ Веделъ, два флигель-адъютанта. Тутъ же на поѣздѣ находились: германскій посолъ генералъ Швейницъ и военный уполномоченный полковникъ Вильомъ.

По отзывамъ лицъ, присутствовавшихъ при свиданіи двухъ императоровъ въ 1888 году въ Петергофѣ, свита императора Вильгельма въ 1890 году была составлена несравненно лучше. Въ 1888 году особенно непріятное впечатлѣніе произвелъ графъ Гербертъ Бисмаркъ, дававшій тонъ всей свитѣ и нахальствомъ своимъ оттолкнувшій всѣхъ отъ себя. Не совсѣмъ удаченъ былъ также выборъ лицъ русской свиты, назначенныхъ состоять при императорѣ Вильгельмѣ: генералъ-адъютантъ Глинка, по старости лѣтъ, не соотвѣтствовалъ своему назначенію, и флигель-адъютантъ полковникъ графъ Шуваловъ позволялъ себѣ разныя насмѣшки надъ лицами свиты императора Вильгельма. Вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ, установились, какъ разсказывали очевидцы, самыя холодныя и натянутыя отношенія между лицами свиты обоихъ императоровъ. Ничего подобнаго не было въ 1890 году.

Въ особенности благопріятное впечатлѣніе произвелъ на насъ всѣхъ генералъ Каприви. Прямодушіе и лойяльность главныя черты характера новаго государственнаго канцлера; вмѣстѣ съ этимъ онъ поражалъ всѣхъ своею необычайною скромностью. Нашему Государю, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, онъ чрез-

вычайно понравился. Вотъ человѣкъ, который внушаетъ къ себѣ довѣріе, выразился о немъ Его Величество, послѣ данной ему въ Петергофѣ въ день отъѣзда императора Вильгельма аудіенціи.

Ровно въ $8^{1}/_{2}$ часовъ вечера императоръ Вильгельмъ пріѣхалъ въ Нарву, гдѣ былъ встрѣченъ Государемъ Императоромъ, всѣми Великими Князьями и лицами свиты. На платформѣ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Государь Императоръ поздоровался съ императоромъ Вильгельмомъ, какъ показалось мнѣ и другимъ лицамъ, довольно холодно и сухо. Объясняли это тѣмъ, что будто бы Государь былъ недоволенъ, что императоръ германскій опоздалъ на два съ половиною часа своимъ пріѣздомъ на Нарву. Но едва-ли это было такъ. При продолжительномъ морскомъ путешествіи невозможно точно разсчитать время пріѣзда, при этомъ Государь былъ своевременно извѣщенъ, что императоръ Вильгельмъ прибудетъ въ Нарву только въ $8^{1}/_{2}$ часовъ. Вѣроятно, причина сухости первой встрѣчи была иная.

Въ 9 часовъ былъ сервированъ въ палаткѣ близъ помѣщенія, гдѣ жили оба императора, обѣденный столъ на 150 человѣкъ. Тостовъ не было никакихъ.

6-го августа Ихъ Величества присутствовали на церковномъ парадѣ л.-гв. Преображенскаго полка. Послѣ этого былъ завтракъ, на которомъ Его Величество провозгласилъ тостъ за здоровье императора германскаго, а вслѣдъ за нимъ тостъ за здоровье императора австрійскаго, празднующаго 6-го августа день своего рожденія. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ тостомъ за здоровье Императора Александра.

Въ тотъ же день въ $11^{1}/_{2}$ часовъ вечера былъ ужинъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку у Великаго Князя Сергѣя Александровича. На ужинѣ присутствовали принцъ Генрихъ Прусскій, великій герцогъ Дармштадтскій съ сыномъ, великій герцогъ Павелъ Мекленбургскій и всѣ наши Великіе Князья. Въ два часа ночью, пользуясь отъѣздомъ Великаго Князя Владиміра Александровича, и я уѣхалъ. Остальные гости оставались до четырехъ часовъ и уѣхали изъ полка, какъ мнѣ потомъ разсказали, болѣе чѣмъ навеселѣ.

7-го и 8-го августа происходили маневры. Находясь безотлучно при императорѣ Вильгельмѣ, я имѣлъ полную возможность наблюдать за обоими императорами. Съ каждымъ днемъ взаимное ихъ обращеніе дѣлалось дружественнѣе. Императоръ

Вильгельмъ относился къ нашему Государю съ изысканною предупредительностью и вниманіемъ.

Нашъ Государь отвѣчалъ ему тѣмъ же. За ходомъ маневровъ императоръ Вильгельмъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ. Прекраснымъ видомъ войскъ и ихъ выносливостью онъ очень восхищался; дѣлаемые начальниками промахи и ошибки не ускользали отъ его опытнаго глаза, но замѣчаній своихъ онъ не выражалъ.

Во время моего состоянія при немъ, я съ нимъ имѣлъ продолжительные разговоры и возможность его хорошо изучить. Своимъ глубокимъ умомъ, любезностью, откровенностью и пріятнымъ обращеніемъ онъ очень привлекаетъ къ себѣ. Энергія и рѣшительность основныя черты его характера; разъ намѣченную цѣль онъ твердо преслѣдуетъ и для достиженія ея не остановится ни передъ какими препятствіями. Это человѣкъ, который еще много заставитъ о себѣ говорить. Но онъ нервенъ, впечатлителенъ и порывистъ, хотя эти свойства, какъ выразился въ моемъ присутствіи о немъ нашъ Государь, за послѣдніе два года замѣтно ослабли.

Военнымъ дѣломъ онъ горячо интересуется. Въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ, онъ разсказалъ мнѣ, какимъ образомъ смотритъ войска. По пріѣздѣ онъ дѣлаетъ парадъ войскамъ, на другой день производитъ односторонній маневръ, при чемъ обозначеннымъ противникомъ командуетъ генералъ-адъютантъ Виттинъ, который, какъ выразился императоръ въ совершенствѣ ведетъ это дѣло, начальство же надъ корпусами обыкновенно принимаетъ императоръ, затѣмъ въ теченіе трехъ дней происходятъ двухсторонніе маневры, при чемъ опять же императоръ лично принимаетъ начальство надъ корпусомъ, который попалъ въ критическое положеніе. Командованіе войсками, сказалъ императоръ, дѣло сложное и требуетъ практики; вотъ почему я при всякомъ удобномъ случаѣ въ этомъ упражняюсь. „Мои смотры“, добавилъ императоръ, „имѣютъ рѣшающее значеніе въ дальнѣйшей карьерѣ высшихъ начальниковъ. Корпусные командиры и начальники дивизіи, не умѣющіе маневрировать войсками, отстраняются мною отъ должностей“.

Мнѣ кажется, что такой образъ дѣйствій черезчуръ крутъ и несомнѣнно во многихъ случаяхъ не цѣлесообразенъ. Маневры не война; военно-начальникъ, неудачно распорядившійся на маневрахъ, часто съ честью и успѣшно поведетъ войска въ бой. На войнѣ требуются качества, которыя на маневрахъ проявиться не могутъ.

Бывшія за послѣднее время частыя перемѣны въ составѣ старшихъ начальниковъ германской арміи указываютъ на то, что вышеизложенные принципы строго примѣняются императоромъ Вильгельмомъ.

9-го августа войскамъ былъ данъ отдыхъ. Въ этотъ день утромъ оба императора осматривали въ Нарвѣ суконную фабрику Штиглица, самую большую въ мірѣ. Нашъ Государь ознакомился во всей подробности съ производствомъ суконъ, фабричное дѣло его живо интересовало. Про императора Вильгельма я этого сказать не могу. Онъ ограничился самымъ поверхностнымъ осмотромъ и провелъ большую часть времени въ разговорѣ со мною. Тутъ же на фабрикѣ онъ заказалъ 600 метровъ лучшаго драпа (13 рублей за метръ); заказъ этотъ назначался на постройку плащей для нижнихъ чиновъ 1-й роты 1-го Гвардейскаго полка. Когда я объ этомъ разсказалъ генералу Каприви, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что императору придется деньги уплатить изъ собственной шкатулки; на такой расходъ казенныхъ денегъ не имѣется.

Послѣ завтрака оба императора со свитою переѣхали изъ Нарвы въ имѣніе Гомонтово, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ на 9-е число. Ихъ Величества помѣстились въ помѣщичьемъ домѣ, большая же часть свиты, въ томъ числѣ и я, въ палаткахъ. Къ сожалѣнію, весь день шелъ проливной дождь; ночлегъ въ палаткахъ представлялъ мало пріятностей. Нельзя было не осудить штаба Петербургскаго округа, выбравшаго для маневровъ въ присутствіи императора германскаго такой районъ, гдѣ не было дворцовъ, и пришлось лишать присутствующихъ всякихъ удобствъ.

Въ Нарвѣ, на принадлежащей т. сов. Половцеву фабрикѣ (бывшей Штиглица,) свита хотя и была помѣщена подъ крышей, но помѣщеніе было далеко не роскошное.

10-го утромъ при сильномъ дождѣ оба императора выѣхали на маневры. Не доѣзжая до деревни Чирковицы, Государь по предложенію Великаго Князя Владиміра Александровича повернулъ по проселочной дорогѣ направо, чтобы слѣдить за движеніемъ обходной колонны восточнаго корпуса. Дорога, размоченная большими дождями, оказалась ужасной; съ трудомъ можно было по ней проѣхать. Войска уже совершили обходное движеніе, дѣйствій не было. Государь остановился, настроеніе его было сумрачное. „Все это выдумалъ Бобриковъ“, сказалъ онъ съ сердцемъ; близъ него находящіеся генералъ-адъютантъ

Воронцовъ, графъ Шуваловъ и я слышали эти, столь немилостивыя для начальника штаба, слова.

Тутъ же было доложено императору Вильгельму, что Выборгскій имени его полкъ находится не въ далекомъ отъ стоянки Государя разстояніи. Испросивъ разрѣшеніе Его Величества поѣхать къ своему полку, онъ направился полнымъ галопомъ къ нему; за нимъ направилась германская свита и мы, русскіе, состоящіе при немъ. Полкъ оказался въ разстояніи не менѣе трехъ верстъ; все это пространство было пройдено полнымъ галопомъ, можно сказать карьеромъ. Лошадь моя страшно горячилась, и я удержалъ ее съ трудомъ, когда императоръ подъѣхалъ къ Выборгскому полку.

Объѣхавъ полкъ и поздоровавшись съ нимъ, его величество сначала намѣревался вернуться къ Государю, куда и направилась вся сопровождавшая его свита, за исключеніемъ меня и дежурнаго при немъ флигель-адъютанта (маіоръ Цисковицъ), но затѣмъ, измѣнивъ свое намѣреніе, онъ сталъ въ главу колонны, въ составъ которой входилъ Выборгскій полкъ. Колонна эта направлялась для рѣшительной атаки главныхъ силъ западнаго отряда къ селу Чирковицы, по отвратительной лѣсной проселочной дорогѣ. Во время этого движенія, была выдвинута начальникомъ колонны 1-ая резервная артиллерійская бригада для обстрѣливанія непріятельской позиціи.

Несмотря на отчаянную дорогу, бригада двигалась рысью съ посаженною на передки прислугою. Императоръ пришелъ въ восторгъ отъ лихости, съ которою было исполнено это движеніе. „Моя артиллерія не прошла бы такъ молодецки по подобной дорогѣ“, сказалъ онъ мнѣ. Въ той же степени заслужилъ его одобреніе бодрый видъ пѣхоты. „Несмотря на семь дней, проведенныхъ на бивуакахъ подъ постояннымъ дождемъ, солдаты смотрятъ отлично, и я не вижу ни одного недовольнаго лица“, выразился его величество.

Не думаю, чтобы императоръ восхищался въ той же степени дѣйствіями начальниковъ отрядовъ и нѣкоторыхъ изъ начальниковъ частей. Во 2-ой и въ особенности въ 3-ій день маневровъ было сдѣлано много ошибокъ, которыя бросались въ глаза и не могли пройти незамѣченными. Тѣмъ не менѣе его величество воздержался что-либо осудить.

Когда артиллерія вышла изъ лѣса и открыла огонь, императоръ остановился и просилъ меня ему доложить, когда на опушкѣ появится Выборгскій полкъ, слѣдующій вслѣдъ за 1-ю резервною артиллерійскою бригадою. Его желаніе очевидно было

встать передъ полкомъ и лично вести его въ атаку. Я немедленно сообщилъ начальнику колонны, барону Врангелю, а вслѣдъ за тѣмъ и командиру восточнаго корпуса генералу Данилову, что императоръ ожидаетъ появленіе своего полка. Къ сожалѣнію, полкъ своевременно не явился и показался на опушкѣ лѣса только тогда, когда Государемъ Императоромъ былъ данъ общій отбой и маневръ оконченъ. „Бѣдные солдаты, несомнѣнно они торопились", сказалъ императоръ, „имъ не удалось еще разъ видѣть своего шефа".

Немедленно по окончаніи маневровъ былъ сервированъ въ станціонномъ домѣ Чирковицы завтракъ, во время котораго Государь приказалъ пригласить всѣхъ начальниковъ частей въ ту комнату, въ которой онъ съ императоромъ Вильгельмомъ и членами Августѣйшей семьи сидѣлъ за столомъ. Поднявъ бокалъ и обратясь къ присутствующимъ, онъ провозгласилъ по-французски тостъ за здоровье германской арміи и ея доблестнаго вождя. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ по-русски тостомъ за здоровье Императора Александра и русской арміи.

Маневры были закончены, и всѣ уѣхали въ Петергофъ, куда прибыли въ 8 часовъ вечера.

Въ 9 часовъ императоръ Вильгельмъ былъ у Государя въ Александріи на фамильномъ обѣдѣ, для германской же свиты былъ сервированъ въ Большомъ дворцѣ гофмаршальскій столъ, куда и я былъ приглашенъ.

11-го августа утромъ императоръ сдѣлалъ визитъ Великимъ Князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, завтракалъ у Государя въ Александріи, а затѣмъ катался съ Императорскою семьею по Петергофу.

Въ 7 ½ часовъ вечера состоялся парадный обѣдъ въ Большомъ Петергофскомъ дворцѣ, на который были приглашены всѣ министры и нѣкоторыя изъ лицъ свиты, убранство стола было великолѣпно, и обѣдъ не могъ не произвести сильное впечатлѣніе на иностранцевъ, въ особенности послѣ сравнительно убогой обстановки въ Нарвѣ и Гомонтовѣ. За обѣдомъ Государь Императоръ провозгласилъ по-французски тостъ за здоровье императора германскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пью за здоровье императора Вильгельма. Ура". Императоръ германскій отвѣтилъ по-русски тостомъ за здоровье Императора Александра.

Отъѣздъ императора былъ назначенъ въ 10 часовъ вечера.

До пристани проводили его величество Государь Императоръ, всѣ Великіе Князья, лица свиты Государя и офицеры Выборгскаго полка. Тутъ императоръ сѣлъ на пароходъ „Александрію“, на которомъ направился на малый Кронштадтскій рейдъ, гдѣ его ожидалъ „Гогенцоллернъ“. Провожали его величество до Кронштадта германскій посолъ, генералъ Швейницъ, и состоящіе при немъ: я, графъ Голенищевъ-Кутузовъ и графъ Бенкендорфъ.

Германская свита пошла въ каюту переодѣваться, туда же направились генералъ Швейницъ, графъ Кутузовъ и Бенкендорфъ; я остался на палубѣ одинъ съ императоромъ. Его величество заговорилъ вновь о бывшихъ маневрахъ и повторилъ выраженное мнѣніе о достоинствахъ русской арміи.

Затѣмъ разговоръ принялъ политическій характеръ и былъ настолько интересенъ, что я постараюсь его дословно записать.

Императоръ выразилъ, что дружба между Германіею и Россіею традиціонна, что онъ себѣ представить не можетъ, чтобы когда-либо могла возникнуть война между сими державами, что не существуетъ никакихъ условій, которыя могли бы ее вызвать. Германскій народъ, сказалъ онъ, иногда раздражаютъ статьи въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ, проповѣдывающія вражду въ Германіи, но что, послѣ послѣдняго свиданія съ Императоромъ Александромъ, онъ лично вполнѣ успокоился, впредь не будетъ придавать значенія подобнымъ статьямъ, и нынѣ вполнѣ увѣренъ въ устойчивости дружбы съ Россіею [1]).

О расширеніи Германіи онъ не помышляетъ и намѣренъ посвятить все свое время внутреннимъ реформамъ, въ которыхъ Германія нуждается.

Опасность для всей Европы, сказалъ императоръ, заключается въ анархистахъ и соціалистахъ, неустанно работающихъ и имѣющихъ главный очагъ въ Франціи, откуда они распространяютъ свое вредное ученіе. Частыя его поѣздки по Европѣ, о которыхъ столько говорятъ, вызваны желаніемъ ближе сойтись съ монархами и убѣдить ихъ тѣснѣе сплотиться для дружныхъ дѣйствій противъ этого общаго врага.

Онъ, императоръ,—убѣжденный монархистъ, всегда твердо будетъ стоять за этотъ принципъ, что онъ убѣдился, что Им-

---

[1]) Какъ нагло фальшиво кажутся эти слова въ настоящее время (1916 г.), когда они напечатаны. *Ред.*

ператоръ Александръ человѣкъ такого же закала, и вполнѣ раздѣляетъ его взгляды.

Германскій народъ ненавидитъ французовъ, и онъ съ нимъ въ этомъ вполнѣ солидаренъ. Германцы не могутъ по настоящее время простить французамъ 1806-й годъ. Одна Бранденбургская провинція была обложена Наполеономъ I контрибуціею въ 6 1/2 милліардовъ франковъ. До сихъ поръ населеніе выплачиваетъ долги, сдѣланные ихъ предками для уплаты этой колоссальной контрибуціи.

Французскую женщину онъ уважаетъ; конечно, и между мужчинами есть достойные люди, но они своего голоса подать не смѣютъ; общая же масса мерзость и гадость. Недавно онъ поздравилъ одного французскаго генерала телеграммою, по случаю назначенія его корпуснымъ командиромъ. Генералъ этотъ, желая вѣроятно избѣгнуть подозрѣнія ярыхъ республиканцевъ, не посмѣлъ ему отвѣтить. Таковые они всѣ.

Въ послѣднее время, добавилъ императоръ, установились между Франціею и Германіею, благодаря вліянію предсѣдателя комитета министровъ Фрейсине, вполнѣ достойнаго человѣка, нѣсколько лучшія отношенія, но на долго ли. Фрейсине истратилъ громадныя суммы на преобразованіе арміи и подорвалъ этимъ экономическое благосостояніе страны, и поэтому едва-ли удержится долго у кормила правленія.

Франція, сказалъ императоръ, причина тревожнаго состоянія всей Европы, и оно не прекратится, пока она будетъ существовать. Онъ надѣется, что настанетъ время, когда русская и германская арміи вступятъ одновременно въ Парижъ и положатъ конецъ настоящему невыносимому положенію дѣлъ.

Все вышеизложенное было высказано императоромъ съ крайнимъ оживленіемъ.

Въ заключеніе его величество передалъ мнѣ, что въ Петергофѣ государственный канцлеръ Каприви былъ принятъ нашимъ Государемъ въ особой аудіенціи и произвелъ на него вполнѣ благопріятное впечатлѣніе, чему онъ искренно радуется. Это человѣкъ разумный, твердый и прямодушный, добавилъ императоръ.

„Дай Богъ этому человѣку и впредь пользоваться довѣріемъ своего государя и быть полезнымъ совѣтникомъ своего впечатлительнаго и пылкаго юнаго монарха“, добавлю я.

Въ 11 часовъ вечера „Александрія“ прибыла на Кронштадтскій рейдъ, и императоръ Вильгельмъ, милостиво простившись съ своею русскою свитою, переѣхалъ на „Гогенцоллернъ“.

Мы двинулись обратно въ Петергофъ.

Прощаясь съ посломъ Швейницомъ, я спросилъ его, доволенъ ли онъ результатомъ свиданія двухъ императоровъ.

— Въ полной мѣрѣ, отвѣтилъ онъ, и вы этому во многомъ содѣйствовали.

Если въ любезномъ отвѣтѣ почтеннаго генерала была доля правды, то время нахожденія моего при императорѣ Вильгельмѣ было время не потерянное. Миръ нуженъ Россіи, а пока сохранятся дружескія отношенія между ею и Германіею, не быть войнѣ.

11 февраля 1891 г.

14-го января 1891 года мнѣ было объявлено командующимъ императорскою главною квартирою генералъ-адъютантомъ Рихтеромъ Высочайшее повелѣніе состоять при эрцъ-герцогѣ австрійскомъ Францѣ-Фердинандѣ Эсте во время предстоящаго пребыванія его императорскаго королевскаго высочества въ Россіи.

22-го января я отправился въ сопровожденіи флигель-адъютанта Пашкова навстрѣчу его высочества въ Варшаву, гдѣ и представился ему въ Праго-Вислянскомъ вокзалѣ. Эрцъ-герцога сопровождали: генералъ-лейтенантъ графъ Икскюль, полковникъ графъ Вурмбрандъ, управляющій его дворомъ, князь Шварценбергъ и князь Гогенлое.

Эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ молодой человѣкъ 27 лѣтъ, сынъ эрцъ-герцога Карла-Лудвига, брата императора, ожидаемый наслѣдникъ австрійскаго престола.

Не стану подробно описывать время пребыванія эрцъ-герцога въ Петербургѣ и Москвѣ; это былъ непрерывный рядъ празднествъ, обѣдовъ, баловъ, смотровъ войскъ и осмотровъ всѣхъ достопримѣчательностей обѣихъ столицъ.

Государь Императоръ оказывалъ ему все время большое вниманіе; своею простотою, добродушіемъ и прямотою онъ произвелъ на Его Величество, Государыню и всю Царскую фамилію весьма благопріятное впечатлѣніе и съумѣлъ завоевать общую симпатію.

Въ первый же день пріѣзда Государь пожаловалъ ему Андреевскую ленту и назначилъ его шефомъ Бугскаго драгунскаго полка, назначеніе это обрадовало несказанно эрцъ-герцога.

Никакое политическое порученіе на него не было возложено, тѣмъ не менѣе фактъ пріѣзда его въ Петербургъ указывалъ ясно на желаніе императора австрійскаго искать сближенія съ русскимъ правительствомъ. Эрцъ-герцогъ оцѣнилъ въ высшей степени оказанное ему Государемъ вниманіе, все видѣнное имъ въ

Россіи произвело на него чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе, и выѣхалъ онъ изъ нашего отечества настоящимъ руссофиломъ. Я увѣренъ, что посѣщеніе имъ Россіи и оказанный ему почетный пріемъ облегчитъ наши дальнѣйшія отношенія къ Австріи. То же мнѣніе выражалъ мнѣ неоднократно сопровождавшій эрцъ-герцога генералъ-лейтенантъ графъ Икскюль, другъ графа Кальноки и австрійскаго посла въ Петербургѣ графа Волькенштейна.

Я находился безотлучно при эрцъ-герцогѣ во время его 16-ти-дневнаго пребыванія въ предѣлахъ Россіи, и онъ удостаивалъ меня все время самымъ изысканнымъ вниманіемъ и оказывалъ постоянное довѣріе. Меня въ особенности поразилъ его отзывъ объ императорѣ Вильгельмѣ II. „Этотъ человѣкъ“, сказалъ онъ мнѣ, „хочетъ самовластно управлять всею Европою, забывая, что есть и другіе монархи, столь же могущественные, какъ и онъ, къ тому же несравненно опытные въ веденіи государственныхъ дѣлъ“. „Относительно меня, прибавилъ онъ, „императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ большую безтактность. Въ 1888 году онъ меня пригласилъ на охоту въ Ганноверъ, совершенно упустивъ изъ виду, что едва-ли мнѣ могло быть пріятно встрѣтиться съ нимъ въ этомъ городѣ. Король Ганноверскій, лишенный его дѣдомъ престола, былъ всегда вѣрнымъ другомъ Австріи, и въ настоящее время находящаяся въ изгнаніи, королева Ганноверская пользуется гостепріимствомъ императора Франца-Іосифа и искренною симпатіею австрійскаго императорскаго дома. Пребываніе въ Ганноверѣ оставило во мнѣ настолько непріятное воспоминаніе, что когда въ слѣдующемъ году императоръ Вильгельмъ меня вновь пригласилъ на охоту, я отклонилъ это приглашеніе подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, и съ тѣхъ поръ не видался съ нимъ“.

Въ той же мѣрѣ рѣзко эрцъ-герцогъ осуждалъ непостоянство императора Вильгельма II, только-что отчислившаго графа Вальдерзе отъ должности начальника генеральнаго штаба и уволившаго генерала Лещинскаго (корпуснаго командира) въ отставку.

„При подобной системѣ“,—сказалъ эрцъ-герцогъ, „императоръ рискуетъ потерять самыхъ полезныхъ и вѣрныхъ слугъ“.

Желая мнѣ выразить свою благодарность за мои попеченія и заботы о немъ, эрцъ-герцогъ сдѣлалъ наканунѣ своего отъѣзда визитъ моей женѣ. Она и графиня Волькенштейнъ были единственныя дамы, которыхъ онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ въ Петербургѣ.

Я сопровождалъ эрцъ-герцога до Варшавы, гдѣ простился съ нимъ 7-го февраля самымъ сердечнымъ образомъ.

На другой день по возвращеніи въ Петербургъ, я представился Государю и отдалъ ему отчетъ о моей командировкѣ. Его Величество удостоилъ меня самаго милостиваго пріема.

27 марта 1891 г.

Пользуясь свободнымъ временемъ, продолжаю мои записки.

21-го ноября 1891 г.

Сегодня состоялось мое назначеніе членомъ Государственнаго совѣта.

О назначеніи этомъ я узналъ слѣдующимъ образомъ: Пріѣхавъ въ Инженерный манежъ, чтобы присутствовать на церковномъ парадѣ л.-гв. Семеновскаго полка, я встрѣтилъ военнаго министра, который мнѣ сказалъ, что онъ по порученію Е. И. В. предсѣдателя Государственнаго Совѣта, во время бывшаго своего 19-го ноября доклада, предупредилъ Государя Императора, что Великій Князь Михаилъ Николаевичъ будетъ ходатайствовать о моемъ назначеніи членомъ Государственнаго Совѣта. „Его Величество“, присовокупилъ генералъ-адъютантъ Ванновскій, „повидимому соглашается на это назначеніе; онъ по-прежнему къ вамъ расположенъ и цѣнитъ вашу службу. Я спрошу сейчасъ Великаго Князя Михаила Николаевича, соизволилъ ли Государь на ваше назначеніе“.

Вслѣдъ за этимъ подошелъ ко мнѣ Великій Князь и объявилъ мнѣ, что Государь Императоръ назначилъ меня членомъ Государственнаго совѣта. „Когда Его Величество подойдетъ къ лицамъ, имѣющимъ представиться ему сегодня“, присовокупилъ Великій Князь, то подойтите къ нему, и принесите Ему вашу благодарность за назначеніе“.

Я такъ и сдѣлалъ. Государь сказалъ мнѣ, что онъ увѣренъ, что я въ званіи члена Государственнаго Совѣта, буду настолько же полезенъ, какъ во всѣхъ должностяхъ, которыя я прежде занималъ. Къ этому Его Величество прибавилъ, что онъ назначилъ меня въ Департаментъ экономіи.

И такъ, опала съ меня снята!

26-го ноября 1891 г.

Вчера, 25-го ноября, я явился въ первый разъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта.

Большинство членовъ, въ томъ числѣ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, встрѣтили меня словами, что сердечно рады моему назначенію членомъ Государственнаго Совѣта, и давно ожидали это назначеніе.

Предсѣдательствующіе въ департаментахъ экономіи и законовъ, А. А. Абаза и Е. А. Перетцъ выразили мнѣ, что рѣдко вновь назначенный членъ Государственнаго Совѣта былъ встрѣченъ съ такимъ общимъ сочувствіемъ, какъ я.

Не мало удовольствія сдѣлалъ мнѣ этотъ сочувственный пріемъ.

10-го января 1894 г.

Сегодня въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта военный министръ генералъ-адъютантъ Ванновскій при встрѣчѣ со мною отнесся ко мнѣ крайне невѣжливо, еле-отвѣтивъ на мой поклонъ. Я этому очень удивился, такъ какъ въ послѣднее время установились между нами вполнѣ приличныя отношенія. Причина этой внезапной перемѣны въ обращеніи тутъ же выяснилась. Министръ путей сообщенія Кривошеинъ (другъ министра внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново), взявъ меня въ сторону, разсказалъ мнѣ, что по всей вѣроятности мнѣ въ скоромъ времени предстоитъ быть назначеннымъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ и Командующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа. Онъ сообщилъ мнѣ, что военнымъ министромъ представлены Государю Императору на этотъ, вслѣдствіе тяжкой болѣзни генералъ-адъютанта Гурко, открывающійся постъ, три кандидата: генералъ-адъютантъ Обручевъ, графъ Шуваловъ и князь Имеретинскій, и что Его Величество всѣхъ этихъ кандидатовъ отвергъ. „Несомнѣнно, Государь Императоръ имѣетъ Васъ въ виду“, прибавилъ А. К. Кривошеинъ. (Вѣроятно эти свѣдѣнія имъ были почерпнуты отъ И. Н. Дурново). Я отвѣтилъ ему, что увѣренъ, что не буду назначенъ, и считалъ бы это назначеніе большимъ для себя несчастіемъ; постъ варшавскаго генер.-губерн. и команд. войсками крайне трудный, въ особенности при явной ко мнѣ непріязни военнаго министра.

3-го мая 1895 года по возвращенія изъ продолжительнаго заграничнаго отпуска я имѣлъ счастье представиться Государю Императору Николаю Александровичу.

Возвращаясь изъ Царскаго Села въ Петербургъ, я ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ ген.-адм. графомъ Шуваловымъ, незадолго передъ этимъ назначеннымъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что когда увольненіе ген.-ад. Гурко отъ должности генералъ-губернатора было рѣшено, Его Величеству были представлены два кандидата на этотъ постъ, онъ и я. „Будь ты здоровъ“,—сказалъ Шуваловъ, ты былъ бы назначенъ“. Насколько заявленіе графа вѣрно, не знаю.

(Окончаніе).

Къ исторіи „Литературной Газеты“ барона А. А. Дельвига.

(Изъ архивныхъ разысканій).

„Литературная Газета“ бар. А. А. Дельвига существовала въ теченіе 1830-го и половины 1831-го гг. [1]) и была органомъ группы выдающихся русскихъ писателей, считавшихъ литературное поприще своимъ призваніемъ—и призваніемъ много обязывающимъ. Группировались они около Пушкина и барона Дельвига, и художественный вкусъ двухъ поэтовъ-друзей былъ—за рѣдкими исключеніями—непререкаемымъ мѣриломъ значительности того или иного произведенія. Сознавая всю безпринципность такихъ „литературныхъ предпринимателей“, какъ Булгаринъ и Гречъ, и чувствуя нравственную обязанность бороться съ ихъ взглядами и литературными оцѣнками, проникавшими въ широкую публику,—Пушкинъ и его друзья все болѣе проникались убѣжденіемъ, что безъ собственнаго органа борьба эта не дѣйствительна. Началъ было ее Н. А. Полевой въ своемъ „Московскомъ Телеграфѣ“ (съ 1825 г.), лучшемъ журналѣ того времени,—но продолжалось это недолго: оскорбленный нѣсколько презрительнымъ и насмѣшливымъ отношеніемъ къ себѣ „литературныхъ аристократовъ“,—вызваннымъ нападками журнала на Карамзина, рѣзкой критикой произведеній лучшихъ писателей того времени и поверх-

[1]) Впослѣдствіи, съ 1840 г. А. А. Краевскій началъ вновь издавать, „Литературную Газету“, служившую продолженіемъ „Литературныхъ прибавленій къ „Русскому Инвалиду“.

ностною энциклопедичностью самого издателя, — къ концу 1820-хъ гг. и Полевой занялъ дружественную позицію по отношенію къ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Сыну Отечества“. Много надеждъ возбудилъ сначала и „Московскій Вѣстникъ“ (съ 1827 г.) М. П. Погодина. Пушкинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ организаціи журнала, горячо заботился и о поддержаніи изданія, отдавая въ него цѣлый рядъ своихъ произведеній и усиленно привлекая къ сотрудничеству лучшихъ писателей того времени. Но и въ этомъ случаѣ надежды быстро разсѣялись и наступило разочарованіе: въ журналѣ хотѣли видѣть органъ группы писателей, считавшихъ своею обязанностью распространять правильныя и безпристрастныя воззрѣнія на литературу, Погодинъ же допустилъ рѣзкіе выпады Арцыбышева противъ Карамзина и вообще не хотѣлъ считаться съ мнѣніями нѣкоторыхъ ближайшихъ сотрудниковъ. Имя Пушкина и его друзей все рѣже стало появляться на страницахъ „Московскаго Вѣстника“,—и безъ того мало популярнаго,—и журналъ замѣтно клонился къ упадку—съ тѣмъ, чтобы въ 1830 г. погибнуть окончательно [1]). Но параллельно зарождались новые планы, и чѣмъ болѣе хирѣлъ „Московскій Вѣстникъ“, тѣмъ сильнѣе Пушкинъ и его друзья сознавали необходимость созданія собственнаго органа, въ которомъ можно было бы безъ помѣхъ и планомѣрно бороться съ пристрастными, предвзятыми и намѣренно-ложными взглядами „литературныхъ предпринимателей“, къ числу коихъ полемическій задоръ заставлялъ уже присоединить и Н. А. Полевого. Въ концѣ 1829-го г. мысль о такомъ органѣ созрѣла, были предприняты соотвѣтствующіе шаги и, при помощи Жуковскаго [2]), также сочувствовавшаго этой идеѣ, разрѣшеніе на изданіе „Литературной Газеты“ было получено. Весьма трудно было рѣшить вопросъ, кому поручить исполненіе редакторскихъ обязанностей: Пушкину, кн. П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу и др. мѣшали различныя жизненныя условія, и, въ концѣ-концовъ, за редакторство пришлось взяться бар. Дельвигу, хотя онъ менѣе всѣхъ по своему характеру былъ способенъ къ этому дѣлу; въ помощники же ему

---

[1]) Послѣднія книжки „Моск. Вѣстника“ за 1830 г. вышли въ 1831 г.

[2]) *Бар. А. И. Дельвигъ:* „Мои воспоминанія“—I т. (Москва, 1912 г.), 99 стр.—Воспоминанія эти удивительно точны и правдивы, представляя, повидимому, позднѣйшую переработку дневника: см. различныя сопоставленія свидѣтельствъ бар. А. И. Дельвига съ другими источниками въ примѣчаніяхъ М. Л. Гофмана къ „Дневнику А. Н. Вульфа“ („Пушкинъ и его современники“, XXI—XXII вып.—1915 г.).

дали О. М. Сомова,—недавняго сотрудника изданій Булгарина и Греча,—но къ тому времени бывшаго уже злѣйшимъ ихъ врагомъ. Дѣло было организовано, и 1-го января 1830-го г. первый номеръ „Литературной Газеты“ вышелъ въ свѣтъ [1]).

Новое изданіе появилось въ тяжелое время,—время расцвѣта николаевскаго режима и усиленной дѣятельности тайныхъ и явныхъ пружинъ созданнаго Бенкендорфомъ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. На литературу, особенно періодическую, было обращено усиленное вниманіе, и Бенкендорфъ открыто третировалъ издателей журналовъ, не церемонясь съ ними: такъ, напр., въ январѣ 1830-го г. онъ посадилъ на гауптвахту редактора „Славянина“ А. Ѳ. Воейкова, за напечатаніе въ 1-мъ № журнала стихотворенія: „Цензоръ“ [2]). Не церемонился онъ, впослѣдствіи, и съ бар. Дельвигомъ при объясненіи съ нимъ по поводу напечатанныхъ въ „Литературной Газетѣ“ стиховъ Казимира Делавиня.—Внушенія и выговоры цензорамъ слѣдовали одни за другими,—и вызываемое этимъ рвеніе заходило нерѣдко такъ далеко, что Главное управленіе цензуры прямо отказывалось понимать доводы цензоровъ о необходимости запрещенія того или иного произведенія, той или иной фразы. Даже Главное управленіе цензуры получало выговоры, хотя во главѣ его стоялъ министръ народнаго просвѣщенія: такъ, напр., по настоянію Бенкендорфа оно получило высочайшій выговоръ за пропускъ статьи: „Общій статистическій взглядъ на Петербургъ“, напечатанной въ 120 и 121-мъ №№ „Сѣвернаго Меркурія“ за 1830-й г. и представлявшей сатирическое изображеніе русскаго чиновничества [3]). Въ статьяхъ и литературныхъ произведеніяхъ запрещено было употреблять цѣлый рядъ словъ, и, напр., въ корректурахъ „Литературной Газеты“, чтобы не задерживать выхода номера, приходилось слово „республика“ замѣнять словомъ „общество“, а вмѣсто: „мятежникъ“—писать: „злодѣй“ [4]).

Кромѣ бар. Дельвига и Сомова—въ изданіи „Литературной Газеты“ ближайшее участіе принимали Пушкинъ и кн. Вяземскій, а обязанности секретаря редакціи исполнялъ В. Н.

---

[1]) Выходила газета чрезъ 5 дней и цензуровалась въ корректурахъ, за исключеніемъ первыхъ номеровъ.

[2]) Стихотвореніе было подписано: „К. В—ій“ и принадлежало перу кн. Вяземскаго; Воейковъ же заявилъ, что не помнитъ, кто доставилъ стихотвореніе: см. „Записки и дневникъ А. В. Никитенко“ (СПБ., 1904 г.) I т. 199—200 стр.

[3]) „Русская Старина“ 1901 г. IX кн., 663 стр.

[4]) „Мои воспоминанія“ бар. А. И. Дельвига—I т., 99 стр.

Щастный [1]); помѣщали же въ газетѣ свои произведенія: Боратынскій, Катенинъ, Гоголь, Языковъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, кн. А. И. Одоевскій, А. А. Перовскій (Погорѣльскій), И. А. Крыловъ, И. И. Козловъ, П. А. Плетневъ, А. С. Хомяковъ, Н. В. Станкевичъ, Д. В. Давыдовъ, А. И. Подолинскій, Ѳ. Н. Глинка и др. Несмотря, однако, на столь блестящій составъ сотрудниковъ,—ни внѣшняя, ни внутренняя исторія газеты почти совсѣмъ не изучена [2]); только вопросъ объ анонимныхъ статьяхъ Пушкина болѣе или менѣе разработанъ [3]). О цензурной же исторіи „Литературной Газеты“ лишь В. В. Стасовъ далъ весьма скудныя свѣдѣнія въ своей анонимной статьѣ: „Цензура въ царствованіе Николая I“ (см. „Русскую Старину“ 1901 г.—IX кн.), да и то лишь о немногихъ эпизодахъ [4]). Между тѣмъ, почти съ первыхъ номеровъ газеты, цензоры не рѣшались пропускать то одно, то другое произведеніе, и вниманіе цензоровъ, а иногда и Бенкендорфа, привлекали произведенія Пушкина [5]), кн. Вяземскаго, Катенина, В. И. Туманскаго, кн. А. И. Одоевскаго, Сомова и др.—Настоящимъ очеркомъ мы и имѣемъ въ виду дать свѣдѣнія о цензурныхъ судьбахъ журальнаго предпріятія Пушкина и его друзей.

---

[1]) *П. Н. Полевой:* „Листки изъ архива Литературной газеты“ („Историческій Вѣстникъ“ 1886 г., ноябрь).

[2]) Единственная попытка была сдѣлана В. П. Гаевскимъ въ его работѣ о Дельвигѣ („Современникъ“ 1854 г.—47 т. Критика).

[3]) Н. О. Лернеръ тщательно проанализировалъ содержаніе „Литературной Газеты“ и доказалъ принадлежность Пушкину ряда замѣтокъ и статей, которыя и вошли въ собр. соч. Пушкина подъ ред. С. А. Венгерова. Въ XXIII—XXIV выпускѣ изд. „Пушкинъ и его современники“ (Пг. 1916 г.) М. Л. Гофманъ убѣдительно доказываетъ принадлежность Пушкину еще одной статьи въ 10 № „Литературной Газеты“ 1830 г.—рецензіи на поэму Ѳ. Н. Глинки: „Карелія“. Въ 9 № „Журнала журналовъ“ 1916 г. Н. О. Лернеръ доказываетъ также, что Пушкину же принадлежитъ отзывъ о трагедіи Н. В. Станкевича: „Василій Шуйскій“, помѣщенный въ 38 № „Лит. Газеты“ за 1830 г.

[4]) Принадлежность статьи В. В. Стасову указалъ М. К. Лемке въ своей книгѣ: „Николаевскіе жандармы“—54 стр.

[5]) Въ замѣткѣ Пушкина по поводу его же объявленія о выходѣ въ свѣтъ „Иліады“ въ переводѣ Гнѣдича, напечатанной въ 12 № „Литературной Газеты“, Щегловъ и цензурный комитетъ не хотѣли пропускать фразы о недружелюбныхъ отношеніяхъ Гнѣдича и бар. Дельвига, но Главное управленіе цензуры пропустило ее. Кромѣ того Бенкендорфомъ было возбуждено дѣло изъ-за анонимной замѣтки Пушкина въ 45 № „Литературной Газеты“: „Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи...—Найденныя нами дѣла объ этихъ замѣткахъ будутъ напечатаны въ изданіи: „Пушкинъ и его современники“.

Въ 5 № „Литературной Газеты“ отъ 21-го января была помѣщена статья: „О поэзіи Еврейской“, представлявшая отрывокъ изъ „Размышленій и разборовъ“ [1]) П. А. Катенина, извѣстнаго критика и поэта, убѣжденнаго поклонника и знатока классической литературы. Статья эта привлекла, очевидно, вниманіе какого-либо духовнаго лица,—счевшаго необходимымъ обратить вниманіе начальства на ея характеръ,—т. к. лишь 1-го марта министръ народнаго просвѣщенія обратился къ непосредственному начальнику Спб. цензурнаго комитета—попечителю округа Бороздину со слѣдующимъ неоффиціальнымъ письмомъ:

„Милостивый государь Константинъ Матвѣевичь!—Въ № 5 Литературной газеты“ помѣщена статья „О поэзіи Еврейской“, въ которой разсуждается о книгахъ священнаго писанія, какъ о піитическихъ и разбираются онѣ хотя съ похвалою въ семъ отношеніи, но какъ сочиненія обыкновенныя, человѣческія, что ослабляетъ должное и истинно христіанской душѣ свойственное уваженіе къ святости слова Божія. По сему я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить Спб. цензурному комитету, чтобы впредь всѣ статьи, заключающія въ себѣ разсужденія о книгахъ священнаго писанія, не были пропускаемы къ напечатанію безъ предварительнаго сообщенія ихъ цензурѣ духовной.—Съ соверш. почт.—кн. Карлъ Ливенъ“ [2]).

Письмо министра было прочитано Бороздинымъ въ засѣданіи комитета 4-го марта и „принято къ свѣдѣнію и исполненію“.—Но еще ранѣе вниманіе цензора Щеглова уже привлекали произведенія, назначенныя въ „Литературную Газету“. Такъ, въ засѣданіи комитета 4-го февраля разсматривалось стихотвореніе Дениса Давыдова: „Зайцевскому, поэту-моряку“, въ которомъ Щегловъ не хотѣлъ пропускать два стиха:

„О будьте вы оба [3]) отечества щитъ, Перунъ вѣковѣчной Державы“...

Щегловъ находилъ, что стихи эти имѣютъ „смыслъ

---

[1]) „Размышленія и разборы“ были начаты еще въ началѣ 1827 г. и первоначально предназначались въ „Сѣверные Цвѣты“: см. „Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину“ со вступительной статьей и примѣчаніями А. А. Чебышева (СПБ., 1911 г.—оттискъ изъ „Русской Старины“), стр. 146 и 161—письма отъ 7-го іюля и отъ 18-го дек. 1829 г.

[2]) Архивъ Петроградскаго университета. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 37. Дѣло по предложенію г. министра народнаго просвѣщенія о помѣщенной въ № 5-мъ „Литературной Газеты“ статьѣ о поэзіи Еврейской. Нач. 3 марта 1830 г.—конч. 4-го марта.

[3]) Зайцевскій и Козарскій,—герой войны съ турками въ 1829 г.

весьма преувеличенный“, однако, „не нашелъ себя въ правѣ запрещать подобную гиперболу, какъ вольность, позволенную поэзіи, и потому опредѣлилъ допустить къ напечатанію“ [1]; 10-го февраля стихотвореніе появилось безъ пропусковъ въ 9 № „Литературной Газеты“.

Въ томъ же засѣданіи комитета 4-го февраля былъ разсмотрѣнъ представленный Щегловымъ „Критическій разборъ письма г. Усова и лекціи г. проф. Соколова“ [2], вмѣстѣ съ письмомъ автора разбора—„доктора изящныхъ наукъ“ В. Масловича [3]—къ издателямъ „Литературной Газеты“. Комитетъ не рѣшилъ дѣло, и попечитель округа препроводилъ 7-го февраля разборъ и письмо Масловича въ Главное управленіе цензуры. Въ отношеніи за № 52 онъ указывалъ причины нерѣшительности комитета: „г. Цензоръ объявилъ, что упомянутое письмо состоитъ изъ частнаго разговора [Масловича] съ издателемъ „Сѣверной Пчелы“ при томъ случаѣ, когда онъ ему представлялъ свой разборъ для помѣщенія въ сей газетѣ. Самое же сочиненіе, кромѣ охужденія преподаванія профессора, какъ и принятаго имъ намѣренія читать свои лекціи безденежно, заключаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, отмѣченныхъ карандашемъ, неприличные, по его мнѣнію, отзывы относительно преподаванія наукъ въ русскихъ университетахъ... Засѣданіе комитета, удостовѣрясь въ подлинности сего засвидѣтельствованія, не могло принять на себя одобреніе сочиненія сего къ напечатанію по причинамъ, изложеннымъ отъ г. цензора, и потому опредѣлило представить на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“... [4]. Управленіе разсмотрѣло 19 февр. соч. Ма-

[1]) Ibid.—№ 20. „Дѣло о рукописяхъ или статьяхъ, допущенныхъ къ напечатанію засѣданіями комитета по докладу г. цензора Щеглова“. Нач. 4 февр.—конч. 11 ноября.

[2]) „Письмо въ Нижній Новгородъ“ Степана Усова было напечатано въ 6 № „Сѣверной Пчелы“ отъ 14-го янв. 1830 г. и заключало въ себѣ восторженный отзывъ о первой лекціи „физико-геогностическаго курса“, который безплатно читался проф. Соколовымъ въ „минеральномъ кабинетѣ Горнаго кадетскаго корпуса“.

[3]) Вас. Григ. Масловичъ (1793—1841), харьковскій баснописецъ, изд. журнала: „Харьковскій Демокритъ“ (1816 г.) и авт. біографіи А. Н. Нахимова—харьковскаго поэта. Біографич. свѣдѣнія о Масловичѣ даны Н. В. Масловичемъ въ „Русской Старинѣ“ 1892 г., іюль—139 стр. Тамъ же помѣщено нѣсколько его басенъ.

[4]) Архивъ Министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. X—№ 146875. „Дѣло по представленію попечителя Спб. уч. округа о статьѣ: Критическій разборъ письма г. Усова и лекціи г. Соколова“. Нач. 11 февр.—конч. 26 февр.—Краткія свѣдѣнія о дѣлѣ даны въ упомянутой статьѣ В. В. Стасова („Русская Старина“ 1901 г.—IX кн., 649 стр.).

словича, а 26 февр. министръ народнаго просвѣщенія сообщалъ попечителю округа Бороздину, что оно „признало помянутый разборъ позволительнымъ въ цѣлости, нашедъ, что письмо не можетъ быть пропущено къ напечатанію“... [1]). Цензурный комитетъ выслушалъ предписаніе министра въ засѣданіи 28-го февр. и опредѣлилъ „удержать означенное письмо при дѣлахъ комитета, а разборъ передать для подписи одобренія г. цензору Щеглову“ [2]). Въ „Литературной Газетѣ“ разборъ однако не появился, а былъ напечатанъ въ 14 № „Московскаго Телеграфа“ за 1830 г. (ценз. помѣта отъ 21-го августа), 190—201 стр., за подписью: „Докт. Масловичъ“. Наивное же письмо „доктора изящныхъ наукъ“ сохранилось при дѣлѣ цензурнаго комитета; текстъ его слѣдующій:

„Поводомъ къ сей критикѣ было письмо г. Усова, напечатанное въ „Сѣверной Пчелѣ“, куда и критика сія адресована была для напечатанія; но г. издатель не принялъ оной!—Генваря 23-го дня по утру пошелъ я самъ къ г. Гречу и подалъ ему бумагу, которую сочинялъ я болѣе двухъ дней. Онъ, будучи занятъ чрезвычайно своими дѣлами, взглянулъ на мою бумагу бѣгомъ и, отдавая мнѣ оную назадъ, сказалъ: „нельзя ее напечатать въ „Сѣв. Пчелѣ“, ибо она писана бранчивымъ тономъ“! Помилуйте, Николай Ивановичь, разсмотрите повнятнѣе! Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго признака брани! Онъ взглянулъ еще нѣсколько секундъ на бумагу и сказалъ: „нѣтъ, тонъ слишкомъ суровъ! Слава Богу, что у насъ начинаютъ заводиться таковые просвѣтители! а вы уже вздумали ихъ критиковать! г. Соколовъ разгнѣвается и будущій годъ не станетъ преподавать своего чтенія безденежно“. Да это бы хорошо, отвѣчалъ я,—по крайней мѣрѣ простая публика не вводилась бы въ заблужденіе ложными мнѣніями о физическихъ наукахъ. Загляните еще разъ въ тетрадку!—и вы увидите, что изъ всей лекціи г. Соколова нѣтъ ни одного положенія справедливаго! „Какъ!—воскликнулъ онъ, поднявъ очки къ кверху,—я самъ знаю величайшую пользу публичныхъ чтеній! Лѣтъ тому 30 назадъ, когда мнѣ было отъ роду 15 лѣтъ, посѣщалъ я Академическія лекціи покойныхъ академиковъ: Озерецковскаго и Севергина, и довольно узналъ изъ зоологіи и минералогіи“. Какъ я слабъ въ сихъ наукахъ,

[1]) Архивъ Петрогр. унив. „Дѣла Спб. ценз. комитета 1830 г.—№ 22. „Дѣло по представленію г. цензора Щеглова о статьѣ подъ заглавіемъ: „Критич. разборъ письма г. Усова и лекціи профессора Соколова“. Нач. 4 февр.—конч. 28 февр.

[2]) Ibid.

то не могъ ничего возразить г. Гречу, а сказалъ ему, что я хотѣлъ сдѣлать честь вашему журналу своею критикою, но если вамъ не угодно, то я надѣюсь, что она помѣщена будетъ въ „Литературную Газету“. „Извольте помѣщать, отвѣчалъ г. Гречь,— этой газеты никто и въ руки не беретъ; и ваша критика останется безгласной“!—Пришедши къ моимъ пріятелямъ-землякамъ, разсказалъ я имъ о моемъ сношеніи съ г. Гречемъ; и они дивились наипаче зоологическому его знанію!—Въ одномъ № „С. Пчелы“ написано: „Наша пчела будетъ употреблять жало свое на уничтоженіе трутней, пауковъ и другихъ безполезныхъ насѣкомыхъ“. Итакъ издатели „С. Пчелы“ имѣютъ совершенно ложное понятіе о пчелѣ! Они думаютъ—по деревенскому толку,— что трутни безполезны для рабочихъ пчелъ,—ѣдятъ только ихъ медъ и ничего не дѣлаютъ; а посему пчелы не терпятъ ихъ въ своемъ ульѣ и убиваютъ.—Вотъ мнѣніе достойное просвѣщенныхъ журналистовъ! Имъ неизвѣстно, что трутни суть самцы одной самки-матки, которая безъ нихъ не могла бы класть своихъ яичекъ и выводить роя пчелъ, но они, такъ какъ и большая часть изъ насѣкомыхъ самцовъ, послѣ совокупленія съ самкою умираютъ.—Чувствуя справедливость и пользу моей критики, я обращаюсь къ издателямъ „Литературной Газеты“ и прошу принять оную въ свое изданіе! Но ежели, подобно г. Гречу, отринутъ и они (чего я не ожидаю) усердное мое приношеніе, то я попрошу моихъ пріятелей-земляковъ перевести критическій сей разборъ на нѣмецкій и французскій языки и пошлю оный къ иностраннымъ газетчикамъ, для публикованія во всей Европѣ—В. М.“.

Запрещая письмо такого невиннаго содержанія, цензурное вѣдомство должно было, конечно, не менѣе строго отнестись и ко второй части анонимной статьи кн. П. А. Вяземскаго: „О московскихъ журналахъ“, заключавшей въ себѣ дѣйствительно рѣзкіе выпады противъ Н. А. Полевого и его „Московскаго Телеграфа“. Первая часть статьи, помѣщенная въ 8 № „Литературной Газеты“ отъ 5-го февраля, была посвящена разбору вышедшихъ въ 1830 г. книжекъ „Дамскаго Журнала“ и „Москов. Вѣстника“, но въ концѣ ея кн. Вяземскій началъ уже нападеніе на Н. А. Полевого, замѣчая, что запозданіе выхода „Московскаго Телеграфа“ весьма странно, также какъ и посвященіе „Исторіи русскаго народа“ Нибуру [1]). Вторая же часть

[1]) Начало статьи, появившееся въ „Литературной Газетѣ“, почему-то не вошло въ „полное“ собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, хотя принадлеж-

статьи, хотя и заключала въ себѣ разборъ „Московскаго Телеграфа“, „Вѣстника Европы“—Каченовскаго и „Атенея“—Павлова,—однако въ сущности была почти цѣликомъ направлена противъ Полевого. Рѣзкость тона статьи, конечно, сразу же привлекла вниманіе цензора и предрѣшила ея судьбу.—По разсмотрѣніи цензурнымъ комитетомъ въ засѣданіи 18-го февр.—она была препровождена 25 февр. въ Главное управленіе цензуры, при чёмъ попечитель округа сообщалъ въ отношеніи за № 88, что „Щегловъ представилъ оную на разсужденіе комитета, не рѣшаясь самъ по себѣ допустить къ напечатанію потому, что многія изъ предлагаемыхъ сужденій не столько относятся къ журналамъ, сколько къ самимъ издателямъ оныхъ. Засѣданіе комитета, соображая отмѣченныя въ рукописи мѣста, признало съ своей стороны, что, по свойству каждаго сочиненія полемическаго, сужденія о произведеніи какомъ-либо необходимо сливаются съ сужденіями о самомъ авторѣ; и поелику разность между оными состоитъ нерѣдко въ одномъ обращеніи словъ къ лицу, или предмету, то подобныя критики неоднократно до сего времени пропускаемы были цензурою: въ настоящемъ же случаѣ, когда полемика журналовъ обратила на себя вниманіе правительства, засѣданіе комитета признало нужнымъ испросить на упомянутую статью разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“ [1]).—Статья была разсмотрѣна въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры 26-го февр., а 5-го марта министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ попечителю округа, что „нѣкоторыя мѣста надлежитъ исключить изъ оной, но, по неудобству произвести таковое исключеніе, [Главное упр. ценз.] признало за лучшее

ность статьи кн. Вяземскому была указана С. И. Пономаревымъ въ его „Указателѣ соч. кн. Вяземскаго“ („Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наукъ“—XX т. (1880 г.) 87 стр.). Кромѣ того самъ кн. Вяземскій въ экземплярѣ „Литературной Газеты“, посланномъ имъ А. И. Тургеневу, написалъ противъ статьи: „О Московскихъ журналахъ“: „моя“ (см. *А. А. Ѳоминъ*: „Къ вопросу объ авторахъ неподписанныхъ статей въ „Литературной Газетѣ“ 1830 г.“—въ „Русскомъ Библіофилѣ“ 1914 г.—апрѣль, 49 стр.—и отдѣльно: „Памяти Пушкина“—СПБ., 1914 г.,—15 стр.). Вторая же часть статьи, запрещенная цензурой, была напечатана во II т. собр. соч. кн. Вяземскаго, 121—132 стр., но безъ всякаго упоминанія о судьбѣ статьи и о появленіи въ печати начала ея.

[1]) Архивъ Министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1830 г.—карт. X, № 146883. „Дѣло по представленію попечителя СПБ. уч. округа о статьѣ подъ названіемъ: „О московскихъ журналахъ“. Нач. 26 февр.— конч. 5 марта.

не давать дозволенія на напечатаніе оной“ [1]).—Цензурный комитетъ выслушалъ 7-го марта это предписаніе и постановилъ „удержать означенную рукопись при дѣлахъ комитета“ [2]). Рукопись статьи, увидѣвшей свѣтъ лишь черезъ 50 съ лишнимъ лѣтъ, сохранилась при дѣлѣ, и цензорскія помѣтки въ ней даютъ возможность установить, что именно вызвало запрещеніе [3]).

Карандашъ цензора отмѣтилъ прежде всего почти всѣ мѣста, заключающія въ себѣ выпады противъ Полевого, какъ историка.—Извѣстно, какъ многочисленны, рѣзки и часто несправедливы были нападки на „Исторію русскаго народа“. „Литературная Газета“—почти съ первыхъ номеровъ ея—взяла рѣзко-отрицательный тонъ по отношенію къ Полевому, и началъ эту войну въ 4 № Пушкинъ—своей первой статьей строгаго разбора „Исторіи рускаго народа“ [4]). Кн. Вяземскій особенно враждебно относился къ Полевому и больше другихъ имѣлъ къ тому основаній. Онъ былъ главнымъ вдохновителемъ „Моск. Телеграфа“ въ первые годы существованія журнала, и Полевой всегда обращался къ нему за совѣтами, давалъ на просмотръ свои работы и безпрекословно вносилъ въ нихъ указываемыя измѣненія [5]); но чѣмъ болѣе опредѣлялся успѣхъ журнала, чѣмъ тверже становилась почва подъ ногами Полевого, тѣмъ менѣе ощущалъ онъ потребность въ постороннемъ руководителѣ; все болѣе и болѣе удаляясь отъ кн. Вяземскаго, онъ сталъ допускать въ „Московскомъ Телеграфѣ“ рѣзкую критику „Исторіи“ Карамзина, пропзведеній Пушкина, бар. Дельвига и его самого; критика Н. А. Полевого на XII-й посмертный томъ „Исторіи“ Карамзина, изданный въ 1829 г. друзьями покойнаго исторіографа—Д. Н. Блу-

[1]) Архивъ Петроградскаго унив. Дѣла СПБ. ценз. комитета 1830 г.—№ 32. „Дѣло по докладу г. цензора Щеглова о назначенной для помѣщенія въ „Литературной Газетѣ“ статьѣ: „О московскихъ журналахъ“ и потомъ запрещенной Главнымъ упр. цензуры къ напечатанію“. Нач. 18 февр.—кон. 7-го марта.

[2]) Ibid.

[3]) Въ собр. соч. кн. Вяземскаго статья напечатана—вѣроятно съ оригинала—вполнѣ сходно съ копіей, отданной въ цензуру и сохранившейся при дѣлѣ.

[4]) Вторая статья разбора была помѣщена въ 12 № „Литературной Газеты“, а въ бумагахъ Пушкина сохранилась программа и третьей статьи (см. собр. соч. подъ ред. С. А. Венгерова—IV т., 542—545 стр.).—И кромѣ этого Пушкинъ не разъ высказывалъ свое рѣзко-отрицательное отношеніе къ труду Полевого-историка.

[5]) См. „Записки Кс. Полеваго“ (СПБ., 1888 г.), 104—109, 116, 126—127 и 166 стр.

довымъ и К. С. Сербиновичемъ, послужила поводомъ къ окончательному разрыву съ кн. Вяземскимъ, страстнымъ поклонникомъ „Исторіи Государства Россійскаго“ [1]): къ 1830 г. отношенія между ними были уже открыто враждебными.—Въ мѣстахъ своей статьи, отчеркнутыхъ цензоромъ, кн. Вяземскій дѣйствительно не щадитъ Полевого. Такъ, говоря о нападкахъ на издателя „Московскаго Телеграфа“ за приложеніе къ журналу картинокъ модъ, онъ замѣчаетъ, что обвиненія могутъ еще болѣе усилиться теперь, „когда вспомнишь, что русскій законодатель портнихъ и модистокъ есть въ одно время и историкъ русскаго народа“... „Обѣщаніе довести исторію до нашего времени есть та же *разкрашенная вывѣска* [2])... Современная исторія нигдѣ не доступна, особливо же у насъ... Историкъ, который добровольно берется перефразировать „Московскія Вѣдомости“, писать о томъ, о чемъ писать невозможно, и выдавать свою книгопродавческую работу за исторію, тотъ накидываетъ большое подозрѣніе на свой историческій характеръ и на свою историческую добросовѣстность. Отказываясь вѣрить ему въ одномъ, трудно довѣрять ему и тамъ, гдѣ онъ могъ бы свободно излагать свое мнѣніе. Несбыточныя обѣщанія изобличаютъ по крайней мѣрѣ неосновательность ума, если не хвастовство и не шарлатанство; но и одной неосновательности довольно, чтобы отбить вѣру и уваженіе“ [3])... Указывая далѣе, что рѣзкія критическія нападки на Карамзина въ „Вѣстникѣ Европы“ и въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ подготовили и появленіе „Исторіи русскаго народа“,—кн. Вяземскій считаетъ, что „г. Полевой поступилъ неблагодарно: слѣдовало ему посвятить твореніе свое не Нибуру, а *Каченовскому и Арцыбышеву*. Они удобрили ниву, на которой онъ собираетъ жатву: они вложили въ него мысль и усердіе обработать ее. Въ политическомъ мірѣ анархія ведетъ къ деспотизму: въ литературномъ мірѣ низпроверженіе законовъ изящности, анархическое своевольство есть также вступленіе къ лжецарствію невѣжества“ [4])...

---

[1]) Ibid., 291—293 стр.

[2]) Курсивъ вездѣ кн. Вяземскаго.

[3]) Слова эти почти буквально повторены кн. Вяземскимъ въ его анонимной статьѣ: „О нашихъ модо-литературныхъ журналахъ“ („Лит. Газета“ 1830 г.—35 №—ценз. помѣта отъ 19 іюня,—282 стр.).

[4]) Повторено въ статьѣ: „Объясненіе нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ“, статья II-ая („Лит. Газета“ 1830 г., 31 № — ц. п. отъ 30 мая,—251 стр.; см. также „Собр. сочиненій“ кн. П. А. Вяземскаго, II т. 147 стр.).

Отмѣтилъ цензоръ и характеристики „Московскаго Телеграфа“ и его издателя.—Считая отдѣлъ переводной литературы въ журналѣ образцовымъ, кн. Вяземскій полагаетъ, однако, что „въ составъ уложенія критики отечественной не входятъ ни добросовѣстность, ни вкусъ, который также есть совѣсть эстетическая. Приговоры, произносимые издателемъ, отзываются всегда пристрастіями, лицепріятіями *экстреннаго суда*, руководствующагося не внутреннимъ убѣжденіемъ, не коренными законами, а одною силою обстоятельствъ и личныхъ отношеній. Это настоящій революціонный трибуналъ: опалы, торжества, казни, апоѳеозы, дѣйствія и противодѣйствія смѣняются и примѣняются съ безпрерывнымъ противорѣчіемъ, съ примѣрною забывчивостью къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, однимъ и тѣмъ же дѣламъ, смотря по времени и постороннимъ принадлежностямъ. Правда и то, что жертвы сего трибунала могутъ сказать ему: „ Les gens que vous tuez se portent assez bien!“.. Указавъ затѣмъ на отсутствіе у издателя вкуса, который можетъ быть лишь врожденъ человѣку, кн. Вяземскій даетъ убійственную и въ цѣломъ, конечно, несправедливую характеристику Полевого: „Знающимъ г-на Полеваго извѣстно по изустнымъ и письменнымъ свидѣтельствамъ, что фундаментальное невѣдѣніе его въ первыхъ литераторскихъ познаніяхъ доходитъ до границъ баснословнаго невѣроятія: образованіе его совершенно практическое и оно ровесникъ „Московскому Телеграфу“, которому не болѣе шести лѣтъ. По этому воззрѣнію г. Полевой относительно къ нему самому приноситъ честь русскому имени, и мы охотно, безъ малѣйшаго эпиграмматическаго подразумѣнія, подтвердимъ слова умнаго человѣка, который назвалъ его: представителемъ русской промышленности. Но изъ того, что онъ неимовѣрно многому научился для себя, не слѣдуетъ, чтобы онъ зналъ многое въ отношеніи къ литературѣ нашей. Жаль, что, не постигнувъ выгоды положенія своего, не умѣлъ и не хотѣлъ онъ благоразумнѣйшею умѣренностью, разсчетливымъ ограниченіемъ дѣйствій своихъ въ мѣрномъ кругу сосредоточить силы и дарованія свои. Теперь, если г. Полевой и принадлежитъ какой-нибудь школѣ, то развѣ Суворовской, которая не терпѣла *не могузнайки*. И въ самомъ дѣлѣ нѣтъ въ умственномъ и ученомъ мірѣ ни одного запроса, отъ коего запнулся бы онъ. Читателямъ нашимъ вѣроятно не покажется неумѣстнымъ, что мы нѣсколько разпространились въ характеристикѣ г. Полеваго. По способностямъ и погрѣшностямъ своимъ, по многимъ дѣйствіямъ благонамѣреннымъ и по злоупотребленіямъ своимъ,

по ролѣ, которую онъ играетъ въ современной эпохѣ словесности нашей, онъ любопытный предметъ изслѣдованія, изученія и указаній. Смѣемъ надѣяться, что мы въ обрисовкѣ своей не отступили отъ безпристрастія и добросовѣстности; желали бы мы надѣяться, что безкорыстныя, откровенныя указанія наши послужатъ въ пользу“...

Кромѣ этихъ характеристикъ вниманіе цензора привлекли еще двѣ фразы статьи: въ первой изъ нихъ, говоря о помѣщенномъ въ 1 № „Вѣстника Европы“ анонимномъ отрывкѣ изъ „Опыта о романтической поэзіи“ Н. И. Надеждина, кн. Вяземскій выражаетъ удивленіе, „что журналистъ [т. е. Каченовскій], предлагающій читателямъ своимъ сочиненія, писанныя подобнымъ языкомъ, сочиненія, гдѣ слова и выраженія низкія и высокопарныя, витійство семинарійское и краснобайство площадное воютъ разногласно, могъ когда-нибудь почитаемъ быть судіею и знатокомъ въ руской словесности“; вторую фразу кн. Вяземскій бросаетъ при разборѣ „Атенея“, разсуждая о разницѣ между полемикой и критикой: „Впрочемъ, говоритъ онъ, и полемика полемикѣ и споръ спору рознь. Между равно благовоспитанными, образованными людьми нерѣдко и въ спорѣ бываетъ обмѣнъ насмѣшекъ, колкостей, но изъ того не слѣдуетъ, что споръ въ гостиной между благовоспитанными людьми есть одно и тоже, что споръ въ сѣняхъ между лакеями, или на улицѣ между черни“ [1]). Фраза эта весьма характерна для „литературныхъ аристократовъ“ пушкинскаго круга [2]) и напоминаетъ извѣстную шутку о „трехъ исторіяхъ“ (въ 10 № „Лит. Газеты“ за 1830 г.), приписываемую Пушкину.

---

[1]) Ту же мысль кн. Вяземскій повторяетъ и развиваетъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ о Полемикѣ“ („Лит. Газета“ 1830 г., 18 №—ц. п. отъ 26-го марта, 143 стр.).

[2]) Терминъ „Литературная аристократія“ приходится брать въ кавычки потому, что Полевымъ и Булгаринымъ ему была придана насмѣшливая окраска; Пушкинъ и его друзья возставали поэтому противъ примѣненія термина къ нимъ; кн. Вяземскій писалъ, напр., 23 янв. 1831 г. М. А. Максимовичу: „Охота вамъ держаться терминологіи враліей и вслѣдъ за ними твердить о литературной аристократіи, объ аристократіи [Литературной] Газеты“ („Сборн. отд. русскаго языка и слов. Академіи Наукъ“ XX т. (1880 г.) № 5, 156 стр.). Подробно касается вопроса о „литературной“ аристократіи кн. Вяземскій въ первой части своей статьи: „Объясненіе нѣкоторыхъ современныхъ вопросовъ литературныхъ“ („Лит. Газ.“ 1830 г., 23 №—ц. п. отъ 20 апр.—и во II т. собр. соч. кн. Вяземскаго, 156—165 стр.).

Вниманіе „усерднаго“ цензора привлекло, между прочимъ, и одно анонимное стихотвореніе декабриста кн. А. И. Одоевскаго, бывшаго тогда въ ссылкѣ—въ Читѣ. Вопреки утвержденію біографовъ поэта, указывавшихъ, что съ 1825 по 1838 г. въ печати не появлялось ни одно произведеніе князя [1]),—въ „Литературной Газетѣ“ было напечатано нѣсколько его стихотвореній, но, конечно, безъ подписи. Безъ подписи было и стихотвореніе: „Плѣнникъ, элегія—В. И. Ланской“ [2]) („Что вы печальны, дѣти сновъ“...), представленное въ цензуру въ мартѣ 1830 г. Въ засѣданіи цензурнаго комитета 28 марта „Щегловъ представилъ оную [статью] на разрѣшеніе комитета, находя весьма темною по содержанію, такъ что трудно усмотрѣть дѣйствительное намѣреніе сочинителя. При семъ г. цензоръ, надворный совѣтникъ Гаевскій объявилъ, что онъ, съ своей стороны, полагаетъ неприличнымъ такую статью печатать въ газетѣ, обращающейся во всеобщемъ употребленіи: но г. предсѣдатель [Бороздинъ] и гг. цензоры Бутырскій и Щегловъ [sic!] большинствомъ голосовъ рѣшили допустить къ напечатанію, какъ не заключающую въ себѣ явнаго смысла, противнаго правиламъ устава о цензурѣ“ [3]). Появилось, однако, стихотвореніе лишь въ 52 № „Литературной Газеты“ отъ 13-го сентября 1830 г. и безъ посвященія В. И. Ланской [4]).

Особенно бдительное вниманіе должна была проявлять цензура по отношенію къ статьямъ и литературнымъ произведе-

---

[1]) См., напр., біографич. очеркъ при собр. соч. кн. А. И. Одоевскаго (СПБ., 1893 г.,—приложеніе къ журналу „Сѣверъ“), составленный М. Н. Мазаевымъ, XI стр.

[2]) Варвара Ив. Ланская (род. ок. 1800 г., † въ 1844 г.), дочь кн. Ив. Ив. Одоевскаго, двоюроднаго брата отца поэта. Ея переписка съ О. М. Свистуновой, ярко рисующая грибоѣдовскіе прототипы московскаго общества, напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ 1874—1875 г.г.

[3]) Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. ценз. комитета 1830 г. — № 20. „Дѣло“ о статьяхъ, пропущенныхъ комитетомъ по докладамъ Щеглова.

[4]) Напечатано это стихотвореніе и въ собраніяхъ соч. кн. А. И. Одоевскаго—1883 и 1893 гг., но съ другимъ заглавіемъ: „Элегія“ (дата „Чита—1830 г.“) и съ нѣкоторыми варіантами: такъ—во второмъ стихѣ читается: „летучей жизни...“, а въ „Литературной Газетѣ“: „безцвѣтной жизни...“; въ 76 стихѣ: „чуждый міръ...“, въ „Лит. Газетѣ“ же: „чудный міръ...“; кромѣ того въ „Литературной Газетѣ“ нѣтъ заключительной строфы:

„Въ лазурь небесъ восходитъ зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастаетъ вѣка;
Но со ступени на ступень
Вѣка возводятъ человѣка“.

ніямъ, такъ или иначе касавшимся политическихъ событій, разыгрывавшихся на Западѣ. Іюльская революція во Франціи, вызвавшая замѣну одной династіи другою, и введеніе иной формы правленія, испугала правительство и у насъ, вызвавъ рядъ репрессій и предупредительныхъ мѣръ. Дѣлалось все возможное, чтобы отклики парижскихъ событій и послѣдовавшихъ народныхъ волненій въ разныхъ концахъ Европы не проникали въ Россію,—и прежде всего, конечно, было обращено вниманіе на печать. Уже 4-го августа генералъ-адъютантъ кн. Ливенъ оффиціально сообщилъ своему брату,—министру народнаго просвѣщенія, что по высочайшему повелѣнію всякія извѣстія о Франціи могутъ быть заимствованы лишь изъ нѣмецкой газеты: „Preussische Staats Zeitung“, всѣ нужныя свѣдѣнія изъ которой будутъ помѣщаться въ оффиціальномъ изданіи: „Journal de St.-Pétersbourg“ [1]). Министръ народнаго просвѣщенія кн. Ливенъ 4-го же августа сдѣлалъ соотвѣтствующее предписаніе цензурнымъ комитетамъ, а 27-го августа напоминалъ попечителю Спб. учебнаго округа Бороздину, что политическія свѣдѣнія могутъ печататься только въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Сынѣ Отечества“ [2]).

Между тѣмъ въ концѣ 61-го № „Литературной Газеты“ отъ 28 октября 1830 г. была помѣщена слѣдующая замѣтка: „Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля:

„France, dis-moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funebre monument:
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître“ [3]).

---

[1]) „Русская Старина“ 1901 г.—IX кн., 662 стр.—Братъ министра народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ князь Ливенъ былъ, между прочимъ, женатъ на сестрѣ Бенкендорфа (ibid.—656 стр.), знаменитой женщинѣ-дипломаткѣ.

[2]) Архивъ Петроградскаго Унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 72. „Дѣло по представленію г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы цензурный комитетъ дозволялъ печатать въ повременныхъ изданіяхъ о Франціи только тѣ политическія статьи, кои помѣщены будутъ въ журналѣ de St.-Petersbourg politique et litteraire.—Здѣсь же о доставленіи всѣмъ цензорамъ по экземпляру журнала“.

[3]) Т. е.: „Франція, скажи мнѣ ихъ имена? Я ихъ не вижу на этомъ печальномъ памятникѣ. Они такъ скоро побѣдили, что ты была свободна раньше, чѣмъ успѣла ихъ узнать“.

Пропущено было это четверостишіе цензоромъ Семеновымъ,— незадолго, лишь, передъ тѣмъ поступившимъ на службу [1]), и на страницы „Литературной Газеты“ попало совершенно случайно,—только для того, чтобы заполнить остававшееся пустое мѣсто въ номерѣ: сообщено же оно было бар. Дельвигу кѣмъ-то изъ его знакомыхъ въ письмѣ изъ Парижа [2]). Уже 30-го октября Бенкендорфъ писалъ министру нар. просв. кн. Ливену за № 4222-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ! По лежащей на мнѣ прямой обязанности нахожусь принужденнымъ обратить вниманіе Вашей Свѣтлости на нѣкоторыя неумѣстныя статьи, помѣщенныя въ выходящихъ здѣсь періодическихъ изданіяхъ и на небрежность цензуры.—1) Въ 61-мъ нумерѣ „Литературной Газеты“, прилагаемомъ при семъ, помѣщены, ни къ какой статьѣ, четыре стиха Казимира де-ла Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27-го, 28-го и 29-го іюля. Прошу покорнѣйше Вашу Свѣтлость почтить меня увѣдомленіемъ, для доклада Государю Императору, кто именно прислалъ сіи стихи къ напечатанію и какими правилами руководствовался цензоръ, позволивъ напечатать въ русской газетѣ, *на французскомъ языкѣ*, стихи, коихъ содержаніе, мягко сказать, неприлично и можетъ служить поводомъ къ различнымъ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ. 2) Въ французскомъ журналѣ: „Le Furet“ помѣщаются часто статьи совершенно неумѣстныя, какъ, напримѣръ, въ прилагаемомъ при семъ [86] нумерѣ, статья: „Le Prince Royal de France à l'auberge“. Не благоугодно-ли будетъ Вашей Свѣтлости приказать, чтобы на сіе обращено было особенное вниманіе цензуры.— 3) г. Цензору Семенову должно быть извѣстно, что по приказанію моему сообщаются издателямъ „Сѣверной Пчелы“, для помѣщенія въ ихъ газетѣ, разныя офиціяльныя свѣдѣнія и статьи. Между тѣмъ г. Семеновъ, къ крайнему моему удивленію, позволилъ напечатать въ „Литературной газетѣ“ замѣчанія о мнимой будто бы ложности сихъ извѣстій [3]). Сіе

---

[1]) Онъ занялъ мѣсто Сербиновича, назначеннаго въ іюлѣ мѣсяцѣ начальникомъ 3-го отдѣленія департамента народнаго проовѣщенія (см. дѣла ценз. комитета—№№ 62 и 69); цензуровать же „Литературную Газету“ Семеновъ началъ съ 46 № ея—отъ 14-го августа.

[2]) *Бар. А. И. Дельвигъ*: „Мои воспоминанія“ I т., 111 стр.

[3]) Въ 59 № „Литературной Газеты“ отъ 18-го октября была помѣщена рецензія на книжку проф. Н. П. Щеглова: „Краткое наставленіе о употребленіи хлористыхъ соединеній, для предохраненія... отъ заразитель-

кажется мнѣ неприличнымъ, ибо ослабляетъ довѣріе публики къ извѣстіямъ, кои правительство находитъ нужнымъ сообщать къ ея успокоенію.—Въ ожиданіи благосклоннаго Вашего отвѣта, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ... А. Бенкендорфъ“ [1]).

Кн. Ливенъ въ отношеніи отъ 31-го октября—за № 399-мъ—сообщилъ содержаніе письма Бенкендорфа попечителю округа и просилъ его во 1) потребовать объясненія отъ издателя „Литературной Газеты“ и отъ цензора Семенова, во 2) сдѣлать распоряженіе по поводу неумѣстныхъ статей „Le Furet“ и въ 3) „поставить на видъ Семенову неприличіе дозволенія“ замѣтки „Литературной Газеты“, указывавшей на недостовѣрность оффи-

---

ныхъ и зловонныхъ веществъ“ (Спб., 1830 г.), восхвалявшая Щеглова за безплатное распространеніе этой книги и за безплатную же раздачу хлористыхъ соединеній, приготовленныхъ имъ въ лабораторіи университета; въ послѣсловіи къ рецензіи приводился отрывокъ письма изъ Астрахани отъ 18 сент., гдѣ сообщалось, что въ замѣткѣ „Сѣверной Пчелы“ (отъ 28 авг.—103 №) о холерной эпидеміи въ Поволжьѣ сильно преувеличены размѣры эпидеміи въ Астрахани: доказывалъ это авторъ письма точными данными „официальныхъ бумагъ“. Въ заключеніи,—послѣ отрывка изъ письма,—замѣчалось: „жаль, что непростительно пугаютъ робкихъ слушателей и читателей преувеличенными ужасами; тогда какъ въ настоящемъ самыя предписанія врачей совѣтуютъ всѣмъ спокойствіе духа и остерегаютъ отъ страха и унынія“.—Издатели „Сѣверной Пчелы“ отвѣчали „увѣдомленіемъ“ (въ 126 № отъ 21 октября), гдѣ, нападая, по своему обыкновенію, на „брань и нелитературныя выходки... такъ называемой „Литературной Газеты“, извѣщали, что „они не помѣщаютъ въ своей газетѣ никакихъ *частныхъ* увѣдомленій о ходѣ и распространеніи холеры, а печатаютъ одни тѣ извѣстія, которыя сообщаются имъ *официяльно* высшимъ правительствомъ, извлеченныя изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ“... Попутно высказывалось сомнѣніе въ самомъ существованіи письма, цитированнаго въ „Литературной Газетѣ“. Закончилась полемика замѣткой въ 60 № „Литературной Газеты“ отъ 23 окт., гдѣ издатель ея приглашалъ „издателей „С. Пчелы“ собственными глазами убѣдиться въ достовѣрности и официальности сего письма“.

[1]) Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. XIV,—№ 146974. „Дѣло по отношенію ген.-адъют. Бенкендорфа о четырехъ стихахъ, помѣщенныхъ въ „Литературной Газетѣ“, соч. Казимира де-ла Винь. Тутъ же о запрещеніи изданія „Литературной Газеты“ и о позволеніи продолжать оную г. Сомову“. Нач. 31 окт., конч. 15 дек.—О содержаніи заключающихся въ дѣлѣ объясненій Семенова и бар. Дельвига и переписки Бенкендорфа съ кн. Ливеномъ даетъ скудныя свѣдѣнія В. В. Стасовъ, но не указываетъ источника ихъ („Русская Старина“ 1901 г. IX кн., 662 стр.). См. также *Д. Кобеко*: „Императ. Царскосельскій Лицей“ (Спб., 1911 г.), 318—320 стр.

ціальныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ „Сѣверной Пчелой“ [1]). Попечитель въ тотъ же день писалъ барону Дельвигу, за № 239-мъ:

„Милостивый государь мой Антонъ Антоновичь! г. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, въ отношеніи къ г. министру народнаго просвѣщенія отъ сего 30 октября, изъяснивъ, что въ № 61 „Литературной Газеты“ помѣщены ни къ какой статѣ четыре стиха Казимира де-ла Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27, 28 и 29 іюля, проситъ объ увѣдомленіи для доклада Государю Императору, кто именно прислалъ сіи стихи къ напечатанію и какими правилами руководствовался цензоръ, позволивъ напечатать въ русской газетѣ стихи на французскомъ языкѣ, коихъ содержаніе (мягко сказать) неприлично и можетъ служить поводомъ къ различнымъ неблаговиднымъ толкамъ и сужденіямъ. Въ слѣдствіе сего я васъ покорнѣйше прошу, милостивый государь мой, доставить въ скорѣйшемъ времени по сему случаю объясненіе для донесенія г. министру народнаго просвѣщенія. Съ истиннымъ почтеніемъ... К. Бороздинъ“ [2]).

Бар. Дельвигъ отвѣчалъ того же „октября 31-го дня 1830 года“:

„Милостивый Государь Константинъ Матвѣевичь! На почтеннѣйшее отношеніе Вашего Превосходительства за № 239 симъ имѣю честь отвѣтствовать, что четыре стиха извѣстнаго Французскаго Поэта Казимира де-ла Виня, напечатанные въ № 61 издаваемой мною „Литературной Газеты“ и подавшіе поводъ къ запросу г. Генералъ-Адъютанта Бенкендорфа, доставлены мнѣ отъ неизвѣстнаго, какъ произведеніе поэзіи, имѣющее достоинство новости. А какъ „Литературная Газета“ имѣетъ въ виду сообщать единственно новости чисто-литературныя, безъ всякаго ихъ примѣненія къ обстоятельствамъ или отношеніямъ какимъ бы то ни было; что читатели могли замѣтить изъ доселѣ вышедшихъ №№ оной; то я и представилъ сіе четверостишіе на разсмотрѣніе цензуры, закон-

---

[1]) Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 69. „Дѣло о службѣ сторонняго цензора Спб. ценз. комитета колл. асс. Василія Семенова“. Нач. 28 іюля 1830 г., конч. 26 апр. 1836 г.

[2]) Ibid.—№ 98. „Дѣло по предписанію г. министра нар. просв. о пропущенныхъ къ напечатанію г. цензоромъ Семеновымъ 4-хъ стиховъ на франц. языкѣ Казимира де-ла Виня въ 61 № „Литературной Газеты“ и журнала „La Furet“ статьи въ № 86“. Нач. 31 окт., конч. 14 дек.

нымъ порядкомъ, бывъ убѣжденъ, что въ немъ ничего нѣтъ противнаго Цензурному Уставу.—Доводя сіе до свѣдѣнія Вашего Превосходительства съ соверш. почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою—Баронъ А. Дельвигъ“ [1]).

Въ тотъ же день оффиціальнымъ отношеніемъ за № 240 Бороздинъ потребовалъ объясненій и отъ цензора Семенова, прислaвшаго слѣдующее „донесеніе“:

„По поводу отношенія г. Ген.-адъют. Бенкендорфа къ Его Свѣтлости г. министру нар. просв. отъ 30-го окт. сего года о дозволенныхъ мною къ напечатанію въ № 61 „Литературной Газеты“ четырехъ франц. стиховъ, долгомъ поставляю донести Вашему Превосходительству, что въ сихъ стихахъ, сочиненныхъ Казимиромъ де-ла Винемъ, по чистой совѣсти не нашелъ я ничего противнаго законамъ отечественнымъ и правиламъ цензурнымъ, и сіе тѣмъ болѣе, что смерть людей, на памятникъ коихъ предположено сдѣлать сію надпись, сопряжена съ новымъ правительствомъ Франціи, которое, сколько извѣстно по оффиціальнымъ статьямъ вѣдомостей, признано Россіею и прочими державами Европы. Притомъ я никакъ не предполагалъ и не предполагаю, чтобы сіи стихи могли сколько-нибудь [быть] примѣнены къ Россіи, которая, блаженствуя подъ скиптромъ мудраго Монарха, находится въ совершенно другихъ отношеніяхъ, нежели Франція. Что же касается до самаго дозволенія печатать въ русскомъ журналѣ стихи на иностранныхъ языкахъ: то въ таковомъ дозволеніи я никакъ не смѣлъ отказать издателю, ибо ни однимъ § устава о цензурѣ сіе не воспрещается. Въ заключеніе долгомъ поставляю увѣрить Ваше Превосходительство, что, руководствуясь въ исполненіи моей должности правилами, въ уставѣ цензуры изложенными, и внушеніями сердца, благоговѣющаго предъ престоломъ Монарха Великаго, не разъ мнѣ благодѣтельствовавшаго, и исполненнаго любви и признательности къ правительству, меня воспитавшему, я никогда не дозволю себѣ какихъ-либо мыслей и чувствъ, не согласныхъ съ сими побужденіями, руководящими меня на поприщѣ жизни гражданской и общественной.—Цензоръ Василій Семеновъ,

---

[1]) Ibid—копія. Подлинники объясненій Семенова и бар. Дельвига были препровождены къ Бенкендорфу, — копіи же имѣются и при дѣлѣ Главнаго управленія цензуры—№ 146974. Полный текстъ письма бар. А. А. Дельвига печатается впервые.

31 октября 1830 г.“ [1]). Бороздинъ препроводилъ 1-го ноября подлинники объясненій къ министру, а тотъ 1-го же переслалъ ихъ Бенкендорфу при письмѣ за № 400-мъ.

„Милостивый государь Александръ Христофоровичь! Въ слѣдствіе отношенія Вашего Высокопревосходительства отъ 30-го минувшаго октября—№ 4222-й,—я предписывалъ г. попечителю Спб. учебн. округа истребовать объясненія отъ издателя „Литературной Газеты“, кто именно прислалъ ему франц. стихи Казимира де-ла-Виня, напечатанные въ № 61 сей газеты, и отъ цензора Семенова, какими правилами руководствовался, позволивъ напечатать сіи франц. стихи въ русской газетѣ. Получивъ нынѣ отъ г. попечителя вышесказанныя объясненія, имѣю честь въ подлинникахъ препроводить при семъ оныя къ Вашему Высокопревосходительству, и почитаю долгомъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что я поставилъ также на видъ цензурѣ неприличіе дозволенія къ напечатанію въ журналѣ: „Le Furet“ статьи, означенной въ вышеупомянутомъ отношеніи Вашего Высокопревосходительства. Что касается до позволеннаго цензоромъ Семеновымъ въ „Литературной Газетѣ“ возраженія относительно свѣдѣній, сообщаемыхъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, то, вслѣдствіе сдѣланнаго мною о семъ замѣчанія, г. цензоръ Семеновъ объяснилъ, что кромѣ частнаго показанія издателя „Пчелы“, на которомъ цензоръ не могъ основаться, онъ не имѣлъ доселѣ ни чрезъ какое офиціальное предписаніе начальства свѣдѣній, что вышеозначенныя статьи сообщаются по приказанію Вашего Высокопревосходительства; чему я тѣмъ болѣе долженъ дать вѣру, что таковое распоряженіе и мнѣ было неизвѣстно.—Возвращая при семъ листки франц. журнала „Furet“ № 86 и „Литературной Газеты“ № 61, честь имѣю быть... князь Карлъ Ливенъ“ [2]).

Въ засѣданіи 3-го ноября Главное управленіе цензуры выслушало и приняло къ свѣдѣнію сообщеніе кн. Ливена „о нѣкоторыхъ упущеніяхъ цензуры“, замѣченныхъ Бенкендорфомъ [3])

---

[1]) В. Н. Семеновъ былъ почти товарищемъ бар. Дельвига и Пушкина по лицею (II-го курса—выпуска 1820 г.; см. *Кобеко*: „И. Царскосельскій Лицей“, 120 и 506 стр.).—Бар. А. И. Дельвигъ разсказываетъ (I т. 112 стр.), что Семеновъ извинялся [передъ бар. А. А. Дельвигомъ?] въ пропускѣ четверостишія тѣмъ, что, хорошо зная о направленіи Дельвига, который никогда не подведетъ цензора подъ отвѣтственность, не обратилъ вниманія на то, что четверостишіе относилось къ послѣдней французской революціи, а не къ революціи прошедшаго столѣтія“.

[2]) Цензурное дѣло архива министерства нар. просв.—№ 146974: копія.

[3]) Ibid.

а на слѣдующій день въ засѣданіи цензурнаго комитета Бороздинъ ознакомилъ членовъ его съ ходомъ дѣла и „предложилъ комитету имѣть наблюденіе и осмотрительность, дабы, согласно съ предписаніемъ Его Свѣтлости, какъ вообще неумѣстныхъ какихъ-либо статей, такъ и въ особенности ослабляющихъ довѣріе публики къ оффиціальнымъ извѣстіямъ, отнюдь допускаемо къ напечатанію не было“ [1]). Въ томъ же засѣданіи цензурнаго комитета 4-го ноября—цензоръ Семеновъ, не ожидая выясненія результатовъ возбужденнаго дѣла, просилъ, „дабы въ облегченіе его при разсматриваніи разныхъ повременныхъ сочиненій, благоволено было поручить кому-нибудь другому изъ г. г. цензоровъ разсматриваніе „Литературной Газеты“: рѣшено было опять поручить это Щеглову [2]).

Бенкендорфъ не удовлетворился, конечно, объясненіемъ бар. Дельвига,—тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ въ концѣ августа, онъ уже вызывалъ его къ себѣ, чтобы сдѣлать строгій выговоръ за помѣщенную въ 45 № „Литературной Газеты“ анонимную замѣтку Пушкина: „Новыя выходки противу такъ называемой литературной нашей аристократіи“... И на этотъ разъ бар. А. А. Дельвигъ получилъ „приглашеніе“ явиться въ III-е отдѣленіе. Объ этомъ свиданіи его съ Бенкендорфомъ,—равно, какъ и о первомъ,—разсказываетъ двоюродный братъ поэта—бар. А. И. Дельвигъ, очень близкій тогда къ нему и даже принимавшій фактическое участіе въ хлопотахъ по изданію „Литературной Газеты“ [3]):

„Въ ноябрѣ Бенкендорфъ снова потребовалъ къ себѣ Дельвига, который введенъ былъ къ нему въ кабинетъ въ присутствіи жандармовъ. Бенкендорфъ самымъ грубымъ образомъ обратился къ Дельвигу съ вопросомъ: „Что ты опять печатаешь недозволенное“?—Выраженіе „ты“ вмѣсто общеупотребительнаго „вы“ не могло съ самаго начала этой сцены не подѣйствовать весьма непріятно на Дельвига. Послѣдній отвѣчалъ, что о сдѣланномъ

---

[1]) Архивъ Министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1830 г., карт. XIV—№ 146973. „Дѣло по представленіямъ комитетовъ цензуры внутренней съ препровожденіемъ реэстровъ одобреннымъ рукописямъ и книгамъ и выписокъ изъ журналовъ ихъ засѣданій“. Нач. 8-го окт. 1830 г.—конч. 16-го февр. 1831 года.

[2]) Архивъ Петрогр. унив. Дѣла Спб. цензурнаго комитета 1830 г.—№ 55. „Дѣло о разсматриваніи г.г. цензорами разныхъ журналовъ и повременныхъ сочиненій въ 1830 г.“ Нач. 13-го мая—конч. 4-го ноября.

[3]) Онъ читалъ, напр., иногда корректуры газеты вмѣсто заболѣвшаго брата: см. его воспоминанія—I т., 99 стр.

распоряженіи не печатать ничего, относящагося до послѣдней французской революціи, онъ не зналъ и что въ напечатанномъ четверостишіи, за которое онъ подвергся гнѣву, нѣтъ ничего недозволительнаго для печати. Бенкендорфъ объяснилъ, что онъ газеты, издаваемой Дельвигомъ, не читаетъ; и когда послѣдній, въ доказательство своихъ словъ, вынувъ изъ кармана номеръ газеты, хотѣлъ прочесть четверостишіе, Бенкендорфъ его до этого не допустилъ, сказавъ, что ему все равно, что бы не было напечатано, и что онъ троихъ друзей: Дельвига, Пушкина и Вяземскаго уже упрячетъ если не теперь, то вскорѣ, въ Сибирь. Тогда Дельвигъ спросилъ, въ чемъ же онъ и двое другихъ, названныхъ Бенкендорфомъ, могли провиниться до такой степени, что должны вскорѣ подвергнуться ссылкѣ, и кто можетъ дѣлать такіе ложные доносы. Бенкендорфъ отвѣчалъ, что Дельвигъ собираетъ у себя молодыхъ людей, при чемъ происходятъ разговоры, которые возстановляютъ ихъ противъ правительства, и что на Дельвига донесъ человѣкъ, хорошо ему знакомый. Когда Дельвигъ возразилъ, что собирающееся у него общество говоритъ только о литературѣ, что большая часть бывающихъ у него посѣтителей или старѣе его, или однихъ съ нимъ лѣтъ, такъ какъ ему всего 32 года отъ роду, и что онъ между знакомыми своими не находитъ никого, кто бы могъ рѣшиться на ложные доносы, Бенкендорфъ сказалъ, что доноситъ Булгаринъ и если онъ знакомъ съ Бенкендорфомъ, то можетъ и подавно быть знакомъ съ Дельвигомъ. На возраженіе послѣдняго, что Булгаринъ у него никогда не бываетъ, а потому онъ его не считаетъ своимъ знакомымъ и полагаетъ, что Бенкендорфъ считаетъ Булгарина своимъ агентомъ, а не знакомымъ, Бенкендорфъ раскричался и выгналъ Дельвига словами: „Вонъ, вонъ, я упрячу тебя съ твоими друзьями въ Сибирь“ [1])...

Слѣдствіемъ этой сцены было письмо Бенкендорфа къ кн. Ливену отъ 8 ноября—за № 4328-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ! Получивъ при отношеніи Вашей Свѣтлости объясненіе издателя „Литературной Газеты“, касательно до помѣщенныхъ въ 61 нумерѣ сей газеты стиховъ Казимира де-ла Виня, я долженъ признаться предъ Вами, милостивый государь, что нахожу сіе объясненіе не только недостаточнымъ, но даже непростительнымъ для человѣка, коему сдѣлано довѣріе издавать журналъ.

---

[1]) „Мои воспоминанія“—I т., 111—112 стр.

Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ семъ моемъ заключеніи.—Можно ли назвать „чисто-литературною“ новостію, „безъ всякаго примѣненія къ обстоятельствамъ“, стихи, при напечатаніи коихъ издатель самъ помѣстилъ слѣдующее замѣчаніе: „Вотъ новые четыре стиха Казимира де-ла Виня, *на памятникъ* [1]), который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть *жертвамъ 27, 28 и 29 іюля*“ [1]).—Предоставляю сіе собственному суду Вашей Свѣтлости.—Между тѣмъ, не осмѣлился я еще довести о семъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія Государя Императора, ибо Его Величество непремѣнно желаетъ знать, кто именно представилъ сіи стихи къ напечатанію? По сему уваженію, обращаюсь вновь съ покорнѣйшею просьбою къ Вамъ, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ о Вашемъ заключеніи, дабы я уже согласно съ онымъ могъ всеподданнѣйше донести Его Императорскому Величеству.—Съ совершеннымъ почтеніемъ... А. Бенкендорфъ“ [2]).

Давленіе въ сторону репрессіи было слишкомъ очевидно, и кн. Ливену пришлось первому высказать мысль о закрытіи „Литературной Газеты“—въ отвѣтномъ письмѣ отъ того же 8 ноября, за № 404-мъ:

„Милостивый государь Александръ Христофоровичъ! На отношеніе Вашего Высокопревосходительства отъ 8-го сего ноября, № 4328-й, имѣю честь отвѣтствовать, что, по полученіи перваго отношенія Вашего отъ 30-го минувшаго октября, я, согласно оному, потребовалъ объясненія въ разсужденіи извѣстныхъ стиховъ де-ла Виня, какъ отъ издателя „Литературной Газеты“, такъ и отъ цензора, разсматривавшаго оную; и какъ дѣло о семъ дошло уже до Вашего Высокопревосходительства и Вы имѣли намѣреніе доложить о семъ Государю Императору, то я не полагалъ отъ себя никакого заключенія и счелъ обязанностію моею ограничиться только доставленіемъ оныхъ отзывовъ въ подлинникѣ, ожидая, какъ Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ рѣшить сіе дѣло.—Съ моей стороны я совершенно согласенъ съ заключеніемъ Вашего Высокопревосходительства, что помянутые стихи, по содержанію оныхъ, не слѣдовало печатать въ „Литературной Газетѣ“, тѣмъ болѣе, что на основаніи устава о цензурѣ журналистъ не можетъ

---

[1]) Курсивъ Бенкендорфа.

[2]) Дѣло архива Министерства нар. просв.—№ 146974.

включать въ составъ своего изданія статьи и свѣдѣнія, относящіяся къ политикѣ, иначе, какъ по полученіи на то особаго Высочайшаго соизволенія. Посему объясненіе г. издателя „Литературной Газеты“ ни мало не оправдываетъ его и представляетъ неудовлетворительное извиненіе. Такъ какъ Ваше Высокопревосходительство изволите требовать моего по сему предмету мнѣнія, то я полагаю, что за нарушеніе вышеозначеннаго правила надлежитъ воспретить г. Издателю продолжать изданіе „Литературной Газеты“.—Цензоръ, дозволившій напечатаніе упомянутыхъ стиховъ, конечно, не можетъ быть оправданъ; но какъ доселѣ, сколько я зналъ его по службѣ, онъ всегда старался исполнять свои обязанности въ точности: то пропускъ помянутыхъ стиховъ я не могу приписать ничему иному, какъ необдуманной поспѣшности. Сообщая сіе мнѣніе мое, съ совершеннымъ почтеніемъ... князь Карлъ Ливенъ“ [1]).

Получивъ, наконецъ, желаемое „мнѣніе“ министра, Бенкендорфъ представилъ его Государю, а результаты сообщалъ 13-го ноября въ письмѣ за № 4393-мъ:

„Милостивый государь, князь Карлъ Андреевичъ! Почтеннѣйшее отношеніе Вашей Свѣтлости о цензорѣ Семеновѣ и издателѣ „Литературной Газеты“ баронѣ Дельвигѣ, по случаю напечатанныхъ въ сей газетѣ стиховъ Казимира де-ла Виня, доводилъ я всеподданнѣйше до свѣдѣнія Государя Императора; и Его Величество, согласно съ заключеніемъ Вашей Свѣтлости, Высочайше повелѣть изволилъ: „Семенову сдѣлать строгій выговоръ, а Дельвигу запретить изданіе газеты“. Извѣщая о семъ Высочайшемъ повелѣніи Васъ, милостивый государь, для должнаго исполненія, имѣю честь быть... А. Бенкендорфъ“ [2]).

На слѣдующій день кн. Ливенъ сообщилъ о Высочайшей резолюціи попечителю округа [3]), который 15-го ноября писалъ „г. коллежскому ассесору барону Дельвигу“ за № 255-мъ:

„г. Министръ народнаго просвѣщенія извѣстилъ меня, отъ 14-го текущаго ноября за № 1197, что г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ объявилъ ему Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о запрещеніи издавать Вамъ „Литературную Газету“.—Сообщая Вамъ о таковой Высочайшей волѣ Государя Императора, покорнѣйше прошу увѣдомить меня о полученіи сего сообщенія. При чемъ нужнымъ почитаю при-

[1]) Ibid.—копія.
[2]) Ibid.
[3]) Дѣло ценз. комитета о службѣ Семенова—№ 69.

соединить, что я, съ своей стороны, увѣдомилъ объ оном ъ такъ же г. цензора, разсматривавшаго вашу газету, дабы номера, слѣдующіе къ изданію послѣ сего числа, пропускаемы имъ не были.—Попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа К. Бороздинъ“ [1]).

Бар. Дельвигъ отвѣчалъ:

„Милостивый Государь Константинъ Матвѣевичъ.—Объявленное мнѣ Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе о запрещеніи мнѣ издавать „Литературную Газету“ я получилъ, и о семъ честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, пребывая къ вамъ съ истиннымъ почтеніемъ и глубочайшею преданностію, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Баронъ А. Дельвигъ. 15-го ноября 1830 года“ [2]).

Въ тотъ же день попечитель сообщилъ кн. Ливену, что бар. Дельвигъ и Семеновъ извѣщены, а изданіе „Литературной Газеты“ пріостановлено [3]),—въ засѣданіи же цензурнаго комитета 18-го ноября ознакомилъ съ результатами возбужденнаго дѣла членовъ комитета. Главное управленіе цензуры въ засѣданіи своемъ 25-го ноября также выслушало сообщеніе Бенкендорфа о Высочайшей резолюціи и приняло ее къ свѣдѣнію, „поелику надлежащее исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія уже сдѣлано въ свое время“ [4]).

Между тѣмъ, бар. Дельвигъ, глубоко оскорбленный безцеремонной грубостью Бенкендорфа и возмущенный несправедливымъ запрещеніемъ изданія „Литературной Газеты“, рѣшилъ подать жалобу Государю; только послѣ долгихъ уговоровъ отказался онъ отъ своей мысли: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Блудовъ [5]) нѣсколько разъ пріѣзжалъ отговаривать его, говоря, что „можно жаловаться Государю на всѣхъ, даже на самого Государя, но не на Бенкендорфа“, и что подобная жалоба повредетъ Дельвига только къ большимъ непріятностямъ, а онъ, имѣя жену и дочь, обязанъ ихъ избѣгать. Блудовъ при

---

[1]) Дѣло ценз. комитета—№ 98, копія.

[2]) Ibid.—автографъ бар. А. А. Дельвига.

[3]) Архивъ Министерства нар. просв.—дѣло № 146974.

[4]) Ibid.—дѣло № 146973.

[5]) Гр. Дм. Никол. Блудовъ (1785—1864)—извѣстный государств. дѣятель и основатель литературнаго общества: „Арзамасъ“,—впослѣдствіи—предсѣдатель Госуд. Совѣта и президентъ Академіи Наукъ; принималъ участіе въ работахъ по подготовкѣ освобожденія крестьянъ и стоялъ за безплатное надѣленіе ихъ землею.

этомъ бралъ на себя объяснить все Бенкендорфу и довести его до того, что онъ пріѣдетъ извиниться передъ Дельвигомъ и что дозволено будетъ продолжать изданіе „Литературной Газеты“ [1]). Скоро, дѣйствительно, отъ Бенкендорфа явился чиновникъ III-го отдѣленія, сообщившій, что самъ Бенкендорфъ не могъ пріѣхать по нездоровью, а прислалъ его извиниться въ своей горячности при объясненіи съ Дельвигомъ. Бенкендорфъ сообщалъ также, что изданіе „Литературной Газеты“ будетъ разрѣшено, но только подъ редакціей Сомова, т. к. уже состоялось Высочайшее повелѣніе о запрещеніи бар. Дельвигу продолжать изданіе [2]). Бар. Дельвигъ передалъ тогда оффиціально свои права на изданіе Сомову слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый Государь Орестъ Михайловичь! По распоряженію Высшаго Начальства, сообщено мнѣ запрещеніе издавать „Литерат. Газету“; но какъ запрещеніе сіе относится лично ко мнѣ, а не къ изданію помянутой газеты отъ другихъ лицъ, то я, сообразно изъявленному Вами желанію, предоставляю Вамъ право испрашивать позволеніе на изданіе оной Газеты отъ Вашего имени. Вмѣстѣ съ симъ, передаю Вамъ всѣ сдѣлки по оному изданію, счеты съ типографіей и бумажною фабрикой Дѣйствительной Статской Совѣтницы Кайдановой, требованія Газетной Экспедиціи С-Петербургскаго Почтамта, съ именами подписчиковъ на сей и на будущій 1831-й годъ; во всѣхъ же понесенныхъ мною издержкахъ, признаю себя вполнѣ отъ Васъ удовлетвореннымъ.—Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой—Баронъ Дельвигъ.—1830 года, 19 ноября“ [3]).

Сомовъ представилъ это письмо попечителю округа Борздину вмѣстѣ съ своимъ прошеніемъ:

„По предоставленному мнѣ отъ Надворнаго Совѣтника [4]) Барона Дельвига праву, желаю я продолжать изданіе „Литерат. Газеты“ отъ моего имени; почему всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство позволить мнѣ продолжать изданіе оной Газеты, утвердивъ за мною права и обязанности отвѣтствую-

---

[1]) *Бар. А. И. Дельвигъ*: „Мои воспоминанія“—I т., 115 стр.

[2]) Ibid.—116 стр.

[3]) Автографъ этого письма, печатаемаго впервые, сохранился въ дѣлѣ архива Министерства нар. просв.—№ 146974.

[4]) Бар. А. А. Дельвигъ служилъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ (съ 1829 г.—въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій) и, повидимому, именно въ это время получилъ чинъ „надворнаго совѣтника“.

щаго издателя.—Дворянинъ Орестъ Сомовъ.—Ноября 24 дня 1830-го года“ [1]).

Бороздинъ 24-го же препроводилъ прошеніе Сомова и письмо барона Дельвига къ министру народнаго просвѣщенія при отношеніи за №262-мъ: изложивъ просьбу Сомова и указавъ, что, по его мнѣнію, Высочайшее повелѣніе дѣйствительно относится къ бывшему издателю, а не къ самой газетѣ, онъ спрашивалъ, „благоугодно ли будетъ предписать комитету о выдачѣ г. Сомову просимаго имъ дозволенія“? [2]) Представленіе это, содержаніе коего Бороздинъ сообщилъ членамъ цензурнаго комитета въ засѣданіи 25-го ноября [3]), 25-го же разсматривалось въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры [4]),—но лишь 1-го декабря, повидимому послѣ переговоровъ съ Бенкендорфомъ, кн. Ливенъ отвѣчалъ попечителю округа, за № 431-мъ, что „Главное управленіе цензуры, принявъ въ уваженіе, что прекращеніе изданія „Литературной Газеты“ оставило бы неудовлетворенными подписчиковъ на оную, согласилось на дозволеніе дворянину О. Сомову продолжать сіе повременное изданіе“ [5]). Въ засѣданіи цензурнаго комитета 9-го декабря предписаніе министра было выслушано [6]), а 12 дек. Бороздинъ писалъ, за № 285-мъ, въ Главное управленіе цензуры, что комитетъ постановилъ „выдать позволеніе г. Сомову“ [7]). Въ письмѣ отъ 14-го дек., № 289, цензоръ Бутырскій сообщилъ и Сомову о согласіи Главнаго управленія цензуры на продолженіе имъ изданія „Литературной Газеты“ и о предоставленіи цензурованія ея Щеглову [8]).

Наконецъ, въ засѣданіи своемъ 15-го декабря, Главное управленіе цензуры выслушало сообщеніе попечителя о „выдачѣ позволенія Сомову“, приняло его къ свѣдѣнію и этимъ кончило дѣло [9]).

---

[1]) Прошеніе—автографъ Сомова: сохранилось въ дѣлѣ архива Министерства нар. просв. № 146974.

[2]) Ibid.

[3]) Дѣло ценз. комитета № 98.

[4]) Дѣло архива Мин. нар. просв.—№ 146974.

[5]) Дѣло ц. ком.—№ 98.

[6]) Ibid.

[7]) Дѣло арх. М. н. пр.—№ 146974.

[8]) Дѣло ц. ком. № 98—копія.

[9]) Дѣло арх. М. н. пр.—146974.—Дѣло о стихахъ Казимира Делавиня вызвало одинъ изъ цензурныхъ „анекдотовъ“: въ началѣ 1831 г. Главное управленіе цензуры запретило по представленію ценз. комитета статью (стих.?): „Обелискъ“; мотивировалось запрещеніе въ представленіи коми-

Эпизодъ съ злополучнымъ четверостишіемъ не только вызвалъ запозданіе послѣднихъ №№ „Литературной Газеты“ за 1830-й г. [1]), но подѣйствовалъ и на здоровье бар. Дельвига: потрясенный грубой выходкой Бенкендорфа, „онъ, всегда хворый и постоянно принимающій лѣкарства, заболѣлъ сильнѣе прежняго, такъ что пользовавшій его докторъ запретилъ ему выходить изъ дома. Нравственное состояніе Дельвига было самое грустное. Онъ впалъ въ апатію, не хотѣлъ никого видѣть, кромѣ самыхъ близкихъ, и принималъ постороннихъ лицъ весьма рѣдко“. Появились въ домѣ даже карты, не допускавшіяся ранѣе [2]). Вскорѣ присоединилась еще простуда, и 14-го января 1831-го года бар. А. А. Дельвига не стало.

Выписки изъ журналовъ засѣданій Спб. цензурнаго комитета, сохранившіяся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, даютъ возможность возстановить исчезнувшее дѣло цензурнаго комитета, освѣщающее любопытный фактъ изъ жизни О. М. Сомова, неизвѣстный его біографамъ [3]). Нѣсколько загадочная личность этого малоросса еще мало освѣщена, а между тѣмъ онъ игралъ въ свое время довольно значительную роль въ русской журналистикѣ. Его малороссійскія повѣсти (напр.,

---

тета тѣмъ, что „можетъ быть сочинитель разумѣетъ подъ онымъ какой-либо обелискъ во Франціи, въ память послѣднихъ переворотовъ: въ такомъ случаѣ статья подлежитъ запрещенію на томъ же основаніи, на какомъ начальство признало непозволительными стихи Казимира де-ла Виня“. Такая „дальновидность“ цензоровъ была слѣдствіемъ Высочайшей резолюціи, объявленной комитету министровъ 10-го января 1831 г.: „Министру нар. просв. велѣть подтвердить цензорамъ быть осторожнѣе, ибо съ нѣкоторыхъ поръ во всѣхъ журналахъ, не исключая даже „Академическихъ Вѣдомостей“, проскакиваютъ неприличныя и даже часто весьма дерзкія статьи. Впредь министръ нар. просв. за сіе отвѣчаетъ“ („Русская Стар.“ 1903 г. II кн., 307—310 стр.).

[1]) №№ 65—69 опаздывали на 3 недѣли, а 70—72 вышли уже послѣ появленія первыхъ номеровъ „Литературной Газеты“ за 1831 г.

[2]) *Бар. А. И. Дельвигъ*: „Мои воспоминанія“ I т. 116 стр.; „Воспоминанія и критич. очерки“ Анненкова—III т., 233 стр. и дневникъ Никитенко СПБ., 1904 г. 2-ое изд., I т.—207 стр. (запись отъ 28 янв. 1831 г.).

[3]) Наиболѣе богата фактическимъ матеріаломъ,—къ сожалѣнію, мало изслѣдованнымъ,—работа С. Н. Браиловскаго: „Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ.—Орестъ Михайловичъ Сомовъ“ („Русскій Филологич. Вѣстникъ“ 1909 г. и отдѣльно: Варшава, 1909 г., 1—151 стр.). Библіографію о Сомовѣ см. въ замѣткѣ В. И. Маслова: „Къ біографіи Сомова“ („Чтенія въ общ. Нестора лѣтописца“—XXII кн., 1—2 вып.—и отдѣльно: „Библіографич. замѣтки“—Кіевъ, 1913 г.).

„Гайдамаки“) читались съ удовольствіемъ, а стиль его произведеній и переводовъ не разъ ставился въ примѣръ многимъ его современникамъ. Повидимому, не безъ его вліянія появились въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и въ „Литературной Газетѣ“ первыя печатныя строки Гоголя [1]).—Вѣчно необезпеченный, Сомовъ сотрудничаетъ въ изданіяхъ Булгарина и Греча, пишетъ критическія статьи противъ бар. Дельвига и т. п., но въ то же время находится въ близкихъ отношеніяхъ съ вождями декабрьскаго движенія—К. О. Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ), и послѣдній даже живетъ вмѣстѣ съ нимъ [2]); къ концу 1820-хъ г.г. онъ окончательно разрываетъ отношенія съ Булгаринымъ, сближается съ бар. Дельвигомъ и его друзьями и всѣхъ заставляетъ полюбить „добрѣйшаго Ореста Михайловича“; въ 1831 г. онъ начинаетъ сотрудничать въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“ А. Ѳ. Воейкова (подъ псевд. „Никита Луговой“), хотя тотъ же Воейковъ постоянно нападалъ на него въ своемъ „Славянинѣ“, особенно въ 1830 г. Такое отсутствіе опредѣленныхъ воззрѣній біографъ Сомова объясняетъ его „природной мягкостью, слабохарактерностью и нуждой въ деньгахъ“ [3]). Матеріальные разсчеты не разъ портили отношенія Сомова съ его знакомыми, напр.—съ Пушкинымъ, при изданіи „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ на 1832-й г.; приводимая выписка изъ журнала засѣданія Спб. цензурнаго комитета 9-го января 1831 г. также раскрываетъ послѣдствія одной его неудачной сдѣлки: „Слушали,—гласитъ эта выписка, — прошеніе дворянина Ореста Сомова отъ 7-го генваря текущаго года, въ которомъ изъяснено, что въ № 69 „Литературной Газеты“ онъ помѣстилъ начало сочиненной имъ повѣсти: „Исполинскія горы“ и къ удивленію его нашелъ отрывокъ сей же повѣсти въ 1-мъ № „Петербургскаго Вѣстника“, издаваемаго г. Аладьинымъ [4]); а какъ онъ не давалъ г. Аладьину права на печатаніе или перепечатаніе статьи сей, въ какомъ бы то ни было журналѣ, то

---

[1]) См. „Библіографич. замѣтки“ В. И. Маслова, отд. изданіе, 17—18 стр.

[2]) *С. Н. Браиловскій*: „О. М. Сомовъ“, отд. изданіе—76 стр.

[3]) Ibid.—144 стр.

[4]) „Санктпетербургскій Вѣстникъ“ Е. В. Аладьина, еженедѣльный „журналъ словесности, театра, новостей и музыки“, выходилъ лишь въ теченіе первой половины 1831 г. Повѣсть: „Исполинскія горы“ напечатана въ первыхъ 3-хъ номерахъ его, что не указано Браиловскимъ въ его перечнѣ произведеній Сомова.

и просить цензурный комитетъ запретить издателю „Петербургскаго Вѣстника“ г. Аладьину печатать или перепечатывать въ своемъ журналѣ продолженіе помянутой статьи; ибо, въ силу Высочайше утвержденныхъ—устава о цензурѣ и положенія о правахъ сочинителей, въ 22 день апрѣля 1828 г. состоявшагося, никто не имѣетъ права печатать или перепечатывать чужого сочиненія, не предъявивъ законныхъ документовъ, коими право сіе предоставляется ему отъ сочинителя.—§ 4 положенія о правахъ сочинителей гласитъ: „Условія, заключенныя между сочинителями и издателями или книгопродавцами, записываются въ маклерской книгѣ на обыкновенныхъ правилахъ“. Въ слѣдствіе сего, какъ г. Аладьинъ не могъ предъявить подобнаго условія съ нимъ—г. Сомовымъ, яко сочинителемъ помянутой статьи, то и права перепечатанія въ своемъ журналѣ статей его не можетъ имѣть; а долженъ быть признанъ, по смыслу § 9 вышеупомянутаго положенія, за контрофактора; почему г. Сомовъ предупреждаетъ цензурный комитетъ, что если онъ—г. Аладьинъ—будетъ продолжать печатаніе сей или другихъ статей его въ своемъ журналѣ, безъ письменнаго его на то согласія, то онъ принужденъ будетъ просить о поступленіи съ нимъ на основаніи § 16 того же положенія о правахъ сочинителей. При семъ Его Превосходительство [Бороздинъ] извѣстилъ комитетъ, что, по распоряженію его, означенное прошеніе г. Сомова препровождено было 8 сего генваря для прочтенія разсматривающему „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ цензору Гаевскому. Вслѣдствіе чего цензоръ того же числа извѣстилъ Его Превосходительство, что издатель „С.-Пет. Вѣстника“—г. Аладьинъ объявлялъ ему, что повѣсть „Исполинскія горы“ пріобрѣтена имъ отъ г. Сомова покупкою; для соображенія чего онъ препроводилъ также письмо къ нему отъ г. Сомова, писанное 8 генваря и полученное имъ—г. цензоромъ—только вечеромъ 7 генваря; поелику же окончаніе означенной повѣсти въ корректурѣ пропущено имъ 7 генваря утромъ, то онъ и не видитъ, съ своей стороны, возможности остановить печатаніе сего листа. Въ заключеніе г. цензоръ полагалъ предоставить г.г. Сомову и Аладьину вѣдаться формою суда, ибо ни цензору, ни комитету не возможно повѣрять сдѣлокъ между авторами и издателями. Засѣданіе комитета усмотрѣло изъ копіи письма г. Сомова къ Аладьину, присланной первымъ къ г. цензору Гаевскому и симъ послѣднимъ представленной комитету, а также изъ подлинной записки г. Сомова къ Аладьину, что условія о статьѣ „Исполинскія горы“ между ними дѣйствительно

были; но поелику комитетъ не можетъ входить въ изслѣдованіе, исполнены ли надлежащимъ образомъ сіи условія, то положено: объявить г. Сомову, коль скоро онъ явится въ канцелярію, что комитетъ предоставляетъ ему отыскивать претензію свою гражданскимъ судомъ, но остановить въ настоящее время печатанія оной не можетъ; ибо рукопись статьи, подписанная самимъ г. Сомовымъ, была одобрена г. цензоромъ гораздо прежде сдѣланнаго комитету и г. цензору извѣщенія о послѣдовавшемъ между ними—г.г. Сомовымъ и Аладьинымъ—несогласіи“ [1]).

Кто былъ виноватъ въ этомъ несогласіи—трудно рѣшить, но во всякомъ случаѣ выражать удивленіе по поводу появленія своей повѣсти въ журналѣ Аладьина Сомову не слѣдовало, т. к. 1-й № „Санктпетербургскаго Вѣстника“ былъ подписанъ цензоромъ еще 9-го декабря 1830 г., а 69-й № „Литературной Газеты“—лишь 29-го декабря! Поэтому ни о какой перепечаткѣ и рѣчи не могло быть [2]). Аладьинъ, повидимому, чувствовалъ свою правоту въ этой размолвкѣ, т. к. помѣстилъ во 2-мъ № своего журнала (68 стр.) слѣдующую замѣтку „отъ издателя“: „Для пользы русской литературы—мы умалчиваемъ о причинѣ, по которой статья О. М. Сомова, подъ названіемъ „Исполинскія горы“, является въ одно и то же время въ „Литературной Газетѣ“ и въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“.

Сомовъ все же отвѣчалъ на это въ своей статьѣ: „Новые русскіе журналы“ („Литерат. Газета“—5 №, 39 стр.); отмѣчая злоупотребленіе терминомъ „изящное“, онъ говоритъ: „Сочинитель сей статьи обязанъ благодарностью г. Аладьину, который, повидимому, призналъ изящною повѣсть его: „Исполинскія горы“, и для того рѣшился ее перепечатать въ своемъ „Вѣстникѣ“. Такое лестное сознаніе конечно должно уничтожить другое притязаніе сочинителя, а именно, что на сіе перепечатаніе не было отъ него получено предварительнаго согласія, въ замѣнъ коего издатель „Спб. Вѣстника“ объявилъ, что рѣшается на помянутое перепечатаніе „для пользы русской литературы“.

---

[1]) Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.—№ 147020. „Дѣло“ съ реестрами одобренныхъ рукописей и книгъ и съ выписками изъ журналовъ засѣданій цензурн. комитетовъ. Нач. 18 февр., конч. 1 іюня.

[2]) Подтверждаютъ это и другія даты: 2 и 3 номера „Спб. Вѣстника“, гдѣ печаталось продолженіе и окончаніе повѣсти Сомова, имѣютъ ценз. помѣты отъ 5 и 8 января 1831-го г., номера же „Литературной Газеты“ (70—72), гдѣ Сомовъ продолжалъ самъ печатать „Исполинскія горы“, имѣютъ ценз. помѣты отъ 13 янв., 22 янв. и 4 февр.!

Другая, весьма лестная для сочинителя повѣсти, оговорка!“ Все это не помѣшало, однако, Аладьину напечатать въ № 8 своего журнала (ценз. пом.—отъ 26 янв.) замѣтку Сомова: „Народныя имена“, также не отмѣченную въ работѣ С. Н. Браиловскаго. Наконецъ, отголоски этого эпизода находимъ въ письмѣ Сомова къ М. Н. Загоскину отъ 15 іюня 1831 г.: „Аладьина не знаю, гдѣ отыскать, пишетъ Сомовъ: онъ долженъ мнѣ, не платитъ уже съ полгода послѣ срока и глазъ не показываетъ“ [1]).

Цензоръ Щегловъ, между тѣмъ, опять скоро обратилъ вниманіе на „Литературную Газету“: въ засѣданіи цензурнаго комитета 23 января онъ представилъ на разсмотрѣніе его рецензію Сомова на повѣсть Ушакова [2]): „Киргизъ-Кайсакъ“ (Москва, 1830 г.); согласно этому представленію — „засѣданіе комитета нашло нужнымъ исключить въ этой статьѣ слѣдующую мысль: „Древность дворянскаго рода ничего общаго не имѣетъ у насъ со знатностью. Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (оффиціальномъ—№ сказано было, что шестисотлѣтніе дворяне не что иное, какъ мѣщане въ дворянствѣ; и справедливо“ [3])... Повѣсть Ушакова,—друга Полевого и Булгарина,—была отраженіемъ споровъ о „шестисотлѣтнемъ дворянствѣ“, въ которыхъ столь близкое участіе принималъ Пушкинъ [4]): главной задачей автора было доказать вредъ, причиняемый сословными предразсудками. Сомовъ въ своей рецензіи, напечатанной въ № 5 „Литературной Газеты“ отъ 21 января 1831 г. (ценз. помѣта—отъ 31 января), указывалъ несправедливость нападокъ автора: „Привязанность къ стариннымъ дворянскимъ грамотамъ, говоритъ онъ, не есть у насъ общепонятный характеръ, но частная странность, какъ любовь къ древнимъ монетамъ или экзоти-

---

[1]) „Русская Старина“ 1902 г., сентябрь—620 стр.

[2]) Вас. Аполлонов. Ушаковъ (1789—1838)—критикъ, переводчикъ и беллетристъ; лучшимъ его произведеніемъ была именно повѣсть „Киргизъ-Кайсакъ“, которую Бѣлинскій назвалъ „удивительнымъ и неожиданнымъ явленіемъ“; въ „Библ. д. Чт.“ 1835 г. была напечатана его повѣсть: „Піюша“—пасквиль на Бѣлинскаго (см. собр. соч. Бѣлинскаго подъ ред. С. А. Венгерова—III т., примѣч.).

[3]) Дѣло архива министерства нар. просв. № 147020. Упоминаемый „журналъ“—„Сѣверная Пчела“.

[4]) Отраженіемъ этихъ споровъ была „Моя родословная“ Пушкина и рядъ его замѣтокъ, большею частью оставшихся ненапечатанными при жизни поэта: см., напр., замѣтку: „Въ одной газетѣ, почти оффиціальной, сказано было, что я мѣщанинъ во дворянствѣ“... (собр. соч. подъ ред. С. А. Венгерова—V т., 6 стр.).

ческимъ растеніямъ. Разсмотрѣніе выгодъ и невыгодъ сего порядка вещей было бы здѣсь неумѣстно. Скажемъ только, что г. Ушаковъ напалъ на предразсудокъ, который у насъ не существуетъ“.

Не хотѣлъ Щегловъ пропустить и басню Измайлова: „Слонъ и Собака“, но цензурный комитетъ въ засѣданіи 10 марта „призналъ ее позволительною, на основаніи устава о цензурѣ, и допустилъ къ напечатанію“ [1]): появилась басня въ № 23 „Литературной Газеты“ отъ 21 апрѣля 1831 г.

Рядъ цензурныхъ мытарствъ претерпѣло также стихотвореніе В. И. Туманскаго: „Сѣтованіе“, напечатанное уже ранѣе въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. [2]). Въ концѣ 1830 г. Туманскій снова хотѣлъ напечатать „Сѣтованіе“ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“, внеся въ текстъ кое-какія измѣненія. Цензурный комитетъ не пропустилъ двѣ строфы стихотворенія, и „Сѣтованіе“ не появилось въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“; въ мартѣ 1831 г. снова была сдѣлана попытка напечатать стихотвореніе цѣликомъ въ „Литературной Газетѣ“, но 24-го марта попечитель округа Бороздинъ писалъ въ Главное управленіе цензуры—за № 63-мъ:

„Въ засѣданіи комитета 17 сего марта [3]) г. цензоръ, колл. сов. Щегловъ представилъ статью для „Литературной Газеты“, подъ заглавіемъ: „Сѣтованіе“—соч. Туманскаго; г. цензоръ изъяснилъ при томъ, что, по журналу 9-го декабря 1830 г. [4]), означенная статья пропущена была комитетомъ, за исключеніемъ двухъ мѣстъ, именно:

1) „Уже кипѣлъ во мнѣ сосудъ душевныхъ силъ [5]),
Меня сокрытый Богъ насильственно стремилъ
На поприще труда и славы“...

---

[1]) Дѣло арх. м. н. пр.—№ 147020.

[2]) VIII ч., № 8.358—361 стр. Дата стихотворенія: „Августъ 1825 г.—Одесса“. Текстъ „Моск. Вѣстника“ перепечатанъ и въ собр. соч. В. И. Туманскаго, подъ ред. С. Н. Браиловскаго (Спб., 1912 г.—изд. Суворина), 150—152 стр.

[3]) Соотвѣтствующая выписка изъ журнала засѣданія—въ дѣлѣ Спб. ценз. комитета, хранящемся въ архивѣ Пушкинскаго Дома.—I б. 28.

[4]) Выписка—ibid. „Сѣтованіе“ разсматривалось тогда вмѣстѣ съ другимъ стихотвореніемъ Туманскаго: „Стансы“ („Ни думъ благихъ, ни пѣсней нѣжныхъ“...) и статьей гр. Д. Толстого: „О поэзіи Ломоносова, Державина и Пушкина“, также назначенными въ „Сѣверные Цвѣты“. „Стансы“ и статья были запрещены, и при дѣлѣ сохранилась рукопись статьи и автографъ стих. Туманскаго. „Стансы“ были напечатаны въ Пушкинскомъ „Современникѣ“ 1836 г.: см. собр. соч. подъ ред. С. Н. Браиловскаго.

[5]) Въ „Моск. Вѣстникѣ“ и въ собр. соч. стихъ этотъ читается иначе: „Уже я чувствовалъ отвагу юныхъ силъ“...

2) „Я какъ орелъ съ вершинъ направлю свой полетъ,
При имени моемъ гонимый отдохнетъ
И дрогнетъ дерзостный гонитель;
Чтобъ злобу поразить, проникну въ самой Адъ
И не приму земныхъ наградъ [1]),
А буду славы побѣдитель“ [2]).

Нынѣ же г. издатель „Литературной Газеты“ доставилъ къ нему—г. цензору—статью сію вновь, прося о допущеніи ея къ напечатанію въ цѣлости, безъ исключеній приведенныхъ выше мѣстъ, какъ, по убѣжденію его, не представляющихъ чего-либо, противнаго уставу о цензурѣ, или объ испрошеніи разрѣшенія на сіе у высшаго начальства. Засѣданіе комитета, оставаясь при томъ мнѣніи, что означенные стихи выражены довольно темно, что весьма легко, давъ онымъ произвольное толкованіе, извлечь такія заключенія, по которымъ цензура и не въ правѣ была бы допустить ихъ къ напечатанію,—положило: согласно съ § 45 устава, представить на разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“ [3]).

Въ засѣданіи 30-го марта стихотвореніе было разсмотрѣно Главнымъ управленіемъ цензуры [4]), а 6-го апрѣля кн. Ливенъ сообщилъ Бороздину за № 149-мъ, что управленіе „согласилось съ мнѣніемъ комитета объ исключеніи помянутыхъ мѣстъ“ [5]). Цензурный комитетъ выслушалъ сообщеніе министра въ засѣданіи 7-го апрѣля и опредѣлилъ: „передать рукопись для исполненія по предписанію г. цензору Щеглову“ [6]). Въ урѣзанномъ видѣ Туманскій не согласился печатать стихотворенія, и оно не появилось въ „Литературной Газетѣ“.

Параллельно съ дѣломъ о стихотвореніи Туманскаго попечителемъ округа было возбуждено дѣло и о предназначенной въ „Литературную Газету“ статьѣ Тихонова: „Замѣчанія на статью, помѣщенную въ „Московскомъ Телеграфѣ“ сего года, въ январѣ мѣсяцѣ, подъ названіемъ: „Обозрѣніе XVIII вѣка“ [7]). Препровождая эту статью въ Главное управленіе цензуры, Бо-

---

[1]) Ibid.: „И насыщу душевный гладъ“...

[2]) Ibid.: „Покоритель“.

[3]) Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.—карт. XVI, № 147033. „Дѣло по представленію попечителя Спб. учебн. округа о стихотвореніи, подъ названіемъ: „Сѣтованіе“, соч. Туманскаго“. Нач. 27 марта—конч. 6 апрѣля.

[4]) Ibid.

[5]) Архивъ Пушкинскаго Дома. Цензурныя дѣла—I б. 28.

[6]) Дѣло архива мин. нар. просв. № 147020.

[7]) „XVIII-й вѣкъ, или историческое значеніе времени съ 1700 по 1800 г.“,—анонимный переводъ съ французскаго: „Моск. Телеграфъ“ 1831 г.—№ 1 (ценз. помѣтка отъ 15 декабря 1830 г.), 3—33 стр.

роздинъ писалъ 31 марта за № 73-мъ: „Обративъ на оную вниманіе, я нужнымъ почелъ предложить сіе сочиненіе для прочтенія всѣмъ членамъ комитета, дабы, при общемъ сужденіи, каждый изъ нихъ имѣлъ объ немъ удовлетворительнѣйшее понятіе. Вслѣдствіе чего, въ засѣданіи 24-го сего марта, комитетъ согласно призналъ упомянутую статью благонамѣренною и позволительною для напечатанія. Если же она заключаетъ въ себѣ указанія или выписки изъ такого сочиненія, которое, по настоящимъ обстоятельствамъ, можетъ быть, не было бы пропущено цензурою, то обстоятельство сіе разрѣшено предписаніемъ Главнаго управленія цензуры отъ 16-го сего марта—за № 98, дабы руководствоваться, въ подобныхъ случаяхъ, правилами § 77, предписанными для иностранной цензуры. Посему, согласно съ означеннымъ §, имѣю честь представить прописанное мнѣніе комитета на разрѣшеніе Главнаго управленія цензуры“ [1]).

Въ 1830 г. Главное управленіе цензуры не разъ охлаждало и парализовало рвеніе цензурнаго комитета, не соглашаясь слѣдовать его „запретительнымъ“ тенденціямъ, но въ 1831 г. роли перемѣнились. Рядъ репрессій свыше,—особенно строгая резолюція Государя, возлагавшая отвѣтственность за „проскакивающія“ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ „неприличныя“ статьи на министра народнаго просвѣщенія [2]),—заставили кн. Ливена быть осторожнѣе.—Главное управленіе цензуры разсмотрѣло статью Тихонова въ засѣданіи своемъ 6-го апрѣля и оказалось предусмотрительнѣе цензурнаго комитета: 27-го апрѣля—за № 173—кн. Ливенъ сообщилъ Бороздину, что управленіе не согласилось пропустить статью, „потому что въ оной разсуждается о предметахъ высокихъ съ такою неясностію, что она можетъ быть поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ“ [3]). Предписаніе министра было выслушано 5-го мая въ засѣданіи цензурнаго комитета, который и опредѣлилъ „удержать рукопись при дѣлахъ комитета“ [4]).—Къ сожалѣнію, соотвѣтствующее дѣло

[1]) Архивъ министерства нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.—карт. XVI: № 147034. „Дѣло по представленію попечителя Спб. уч. округа о статьѣ „Замѣчанія на статью, помѣщенную въ „Моск. Телеграфѣ“, подъ названіемъ: „Обозрѣніе XVIII вѣка“. Нач. 6 апрѣля—конч. 27 апрѣля.—Краткое упоминаніе о дѣлѣ см. у В. В. Стасова: „Русская Старина“ 1903 г., II кн.—310 стр.“.

[2]) „Русская Старина“ 1903 г., II кн.—307 стр.

[3]) Архивъ Минист. нар. просв., дѣло № 147034—копія.

[4]) Ibid.—дѣло съ реэстрами одобренныхъ рукописей и книгъ и съ выписками изъ журналовъ засѣданій цензурныхъ комитетовъ.—№ 147055. Нач. 18 іюля—конч. 7 декабря.

цензурнаго комитета, заключавшее въ себѣ и рукопись запрещенной статьи Тихонова, не сохранилось въ архивѣ Петроградскаго университета.

Послѣднимъ эпизодомъ цензурной исторіи „Литературной Газеты“ было запрещеніе статьи Сомова, написанной по поводу статьи въ 12 № „Сына Отечества“ за 1831 г.: „Бѣлое и черное, или семь пятницъ на недѣлѣ“ [1]). Статья „Сына Отечества“ заключала въ себѣ рядъ цитатъ изъ „Обозрѣній россійской словесности“, помѣщавшихся Сомовымъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1828, 1829, 1830 и 1831 г. г.,—и раздѣлялась на двѣ части; первая была озаглавлена: „Что сказано г. Сомовымъ въ похвалу сочиненій Ѳ. Булгарина, когда почтенный О. М. Сомовъ былъ сотрудникомъ періодическихъ изданій Н. И. Греча и Ѳ. Булгарина“,—а вторая: „Что сказано г. Сомовымъ въ порицаніе сочиненій Ѳ. Булгарина, когда почтенный О. М. Сомовъ пересталъ быть сотрудникомъ періодическихъ изданій Н. И. Греча и Ѳ. Булгарина“. Цитаты изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ Булгаринъ снабдилъ колкими примѣчаніями, особенно напавъ на выраженіе Сомова, что авторъ „Выжигина“ „пишетъ, какъ иностранецъ“: „Не знаю, восклицалъ онъ, по какому праву Ѳ. Б., учившійся русскому языку отъ 6-ти лѣтняго возраста въ Сухопутномъ Корпусѣ, что нынѣ 1-й кадетскій, пожалованъ г. Сомовымъ въ иностранцы? И Фонъ Визинъ, и баронъ Дельвигъ, и проч. и проч. не кореннаго русскаго происхожденія, но *не иностранцы.* Знаменитый Карлъ Нодье сказалъ весьма справедливо, что отечество не есть часть земли, заключенная между такихъ-то рѣкъ и такихъ-то горъ, но есть языкъ. Люди, говорящіе, а тѣмъ болѣе пишущіе однимъ языкомъ—суть соотчичи. Ѳ. Булгаринъ писалъ по русски тогда уже, когда почтенный г. Сомовъ, его критикъ, еще учился грамотѣ русской, и что болѣе, Ѳ. Булгаринъ проливалъ кровь свою за Россію на поляхъ битвы прежде, нежели г. г. критики, называющіе его иностранцемъ, стали проливать чернила! Другой, вѣря на слово критикамъ, въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что Булгаринъ какой-нибудь чухонецъ! Нѣтъ! Онъ истый славянинъ, а не чужеземецъ въ Россіи, матери славянскихъ поколѣній! Прозваніе объясняетъ его происхожденіе! Стыдно, г. г. критики!“ [2]).

Сомовъ понималъ, конечно, справедливость упрековъ въ непостоянствѣ своихъ мнѣній, но невѣроятная наглость Булга-

[1]) Статья подписана: „...ъ“ и принадлежитъ, конечно, Булгарину, подписавшему и примѣчанія къ ней.

[2]) „С. О.“ 1831 г., № 12—317 стр.

рина, сражавшагося, какъ извѣстно, въ 1812 г. *противъ* Россіи, заставила все-таки его написать возраженіе. Щегловъ представилъ 7-го апрѣля статью на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, а 14 апр. Бороздинъ сообщилъ Главному управленію цензуры—за № 78-мъ—мнѣніе комитета, нашедшаго, „что статья сія заключаетъ въ себѣ не литературный разборъ какого-либо сочиненія, но обнародованіе обстоятельствъ, касающихся до частной жизни и службы г. Булгарина; потому засѣданіе комитета полагало неприличнымъ и даже непозволительнымъ напечатаніе оной, по силѣ § 3 пункта 4 устава о цензурѣ: но г. издатель „Литературной Газеты“ прислалъ комитетъ, чрезъ г. цензора, о представленіи статьи сей на благоусмотрѣніе Главнаго управленія цензуры, коль скоро комитетъ нашелъ бы, съ своей стороны, затрудненіе допустить оную къ напечатанію“ [1]).

Главное управленіе цензуры разсмотрѣло статью въ засѣданіи 27-го апрѣля [2]), но лишь 18-го мая кн. Ливенъ оповѣстилъ попечителя округа—за № 186-мъ,—„что, по изложенной цензурнымъ комитетомъ причинѣ, предполагаемая для напечатанія въ „Литературной Газетѣ“ статья [Сомова] не можетъ быть дозволена въ настоящемъ ея видѣ“ [3]). Предписаніе это было выслушано цензурнымъ комитетомъ въ засѣданіи 26-го мая и во исполненіе его постановлено: „объявить г. сочинителю о таковомъ рѣшеніи Главнаго управленія цензуры, рукопись же статьи удержать при дѣлахъ комитета для сравненія, которое можетъ быть нужнымъ въ томъ случаѣ, коль скоро статья сія вновь была бы представлена комитету передѣланною“ [4]). Сомовъ не дѣлалъ, однако, новыхъ попытокъ; неизвѣстно намъ и содержаніе его отповѣди Булгарину, т. к. соотвѣтствующее дѣло цензурнаго комитета тоже не сохранилось.

Таковы цензурныя судьбы „Литературной Газеты“.—Начавъ хирѣть еще въ концѣ 1830 г., „Литературная Газета“ послѣ смерти бар. Дельвига становилась все безжизненнѣе: количество подписчиковъ все уменьшалось,—и на 37-мъ номерѣ [5]), начавшемъ IV-й томъ, изданіе оборвалось. **Н. Замковъ.**

---

[1]) Архивъ Мин. нар. просв. Цензурныя дѣла 1831 г.—карт. XVI, № 147040. „Дѣло по представленію попечителя Спб. уч. округа о статьѣ Сомова на статью, помѣщенную въ „Сынѣ Отечества“, подъ заглавіемъ: „Бѣлое и черное“. Нач. 25 апр.—конч. 18 мая.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.—копія.

[4]) Дѣло архива Министерства нар. просв.—№ 147055.

[5]) Отъ 30 іюня: ценз. помѣта отъ 4 іюля.—Полугодовой комплектъ изъ 36 №№ составлялъ томъ „Литературной Газеты“.

Мои воспоминанія и размышленія [1]).

(Посвящается женѣ, дѣтямъ и внукамъ и внучкамъ).

Лѣто 1849 г. я снова проводилъ въ Таболовѣ и тамъ открылъ цѣлую библіотеку, для которой была отведена отдѣльная комната, какъ въ англійскихъ аристократическихъ замкахъ (library), и которая была размѣщена въ большомъ порядкѣ, въ очень красивыхъ большихъ шкафахъ: ключи отъ этихъ шкафовъ мнѣ удалось выпросить себѣ у старшаго сына Наталіи Алексѣевны, кандидата правъ Александра Степановича Мельгунова, но подъ условіемъ не брать книгъ къ себѣ въ комнату, а читать ихъ въ самой библіотекѣ, что представляло немалыя неудобства, такъ какъ комната эта была совсѣмъ въ сторонѣ, почти всегда заперта, съ невыставленными окнами, со спертымъ воздухомъ, хотя я и настаивалъ, чтобы въ ней отворялись на цѣлый день форточки. Библіотека эта собрана была отцомъ и дѣдомъ Александра Степановича и заключала въ себѣ очень полную коллекцію французскихъ писателей XVII и XVIII вѣковъ въ очень хорошихъ переплетахъ и Revue des deux Mondes съ самаго начала его и до 1845 г. Французскими классиками я мало въ то время интересовался и прочелъ только Confessions de Jean Jacques Rousseau; но Revue des deux Mondes я подробно разсматривалъ и въ немъ особенно увлекся бллстательными статьями Franz Comte de Champagny—les Césars, которыми я впослѣдствіи запасся въ отдѣльномъ изданіи изъ

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

университетской библіотеки (2 тома исторіи Цезарей и 2-же тома Fableau du monde Romain pendant les Césars) и которыя я основательно прочиталъ уже по окончаніи университетскаго курса, справляясь съ источниками, на которые ссылался даровитый, очень религіозно настроенный и преданный католицизму авторъ.

Такимъ образомъ, въ историческомъ моемъ чтеніи ничего систематическаго не было, а было много случайнаго, и только три эпохи стали мнѣ этимъ путемъ ближе извѣстны—1) гуманизма и германской реформаціи, 2) первой французской революціи и 3) римскихъ Цезарей, особенно же Августа.

Наибольшею систематичностью все-таки отличалось мое чтеніе и изученіе сочиненій по части философіи: благодаря руководству М. Н. Каткова, я довольно близко ознакомился съ Платономъ, затѣмъ изучилъ логическій органъ Аристотеля и читалъ его политику, а въ 1848—1849 учебномъ году принялся за изученіе Бенеке. Прежде всего, по рекомендаціи Михаила Никифоровича, я прочиталъ его Grundlegung zur Physik der itten (въ противоположность Кантовской Metaphysik der Sitten) очень увлекательно изложенную въ формѣ писемъ. Не менѣе увлекательнымъ чтеніемъ были его Psychologische Skizzen (2 тома), къ которымъ я перешелъ потомъ и которые я завершилъ тщательнымъ изученіемъ его Lehrbuch der Psychologie.

Тяжкія времена тогда наступали для нашего просвѣщенія: слухи объ этомъ доходили и до насъ, студентовъ. Руками самого же Уварова разрушался болѣе чѣмъ умѣренный и скромный уваровскій классицизмъ и шли толки уже о прекращеніи преподаванія въ университетахъ исторіи философіи и о передачѣ преподаванія психологіи и логики профессору богословія. Въ виду этого ни Леонтьевъ, ни Катковъ не рѣшались усиленно вербовать себѣ послѣдователей по ихъ спеціальности, и Михаилъ Никифоровичъ, рекомендуя мнѣ изученіе психологическихъ сочиненій Бенеке, прямо указывалъ, что это мнѣ во всякомъ случаѣ пригодится и въ жизненномъ обиходѣ вообще, и въ занятіяхъ по исторіи, и въ педагогической дѣятельности, буде я себя ей посвящу. Впослѣдствіи уже, по окончаніи мною университетскаго курса, благодаря М. Н. Каткову, я имѣлъ счастливую возможность изучить 4 новыхъ берлинскихъ курса Шеллинга, которые въ то время еще не были изданы въ свѣтъ. Вообще все, что я изучалъ по части философіи подъ руководствомъ или по указанію М. Н. Каткова, было для меня важнымъ пріобрѣтеніемъ на всю жизнь.

Къ числу тяжкихъ ударовъ, поражавшихъ наше просвѣщеніе въ концѣ сороковыхъ годовъ и въ началѣ 50-хъ, принадлежитъ и закрытіе Московскаго дворянскаго института, изумившее все Московское общество и въ особенности насъ, бывшихъ питомцевъ института: въ объясненіе этого грустнаго событія мы не могли привести ничего кромѣ словъ, незадолго передъ тѣмъ вычитанныхъ нами у Тацита, по поводу изгнанія философовъ изъ Рима: ne quid honesti occurrat (да не встрѣтится что-либо честное, что-либо достойное уваженія). Разсказывалось въ то время по этому поводу нѣчто совсѣмъ невѣротное, между прочимъ, будто бы великолѣпное зданіе института очень понравилось великому князю Михаилу Павловичу, и онъ хотѣлъ обратить его въ свой дворецъ. Другіе прибавляли къ этому, что Императоръ Николай Павловичъ, все еще не забывшій, что при первомъ своемъ посѣщеніи института (тогда еще университетскаго благороднаго пансіона), послѣ восшествія своего на престолъ, онъ на золотой его доскѣ прочелъ имена многихъ декабристовъ—Пестеля, Рылѣева, Муравьева, и теперь при посѣщеніи института весною 1849 г. былъ въ очень дурномъ расположеніи духа и, войдя въ актовый залъ, гдѣ были собраны всѣ ученики, прежде всего замѣтилъ, что у одного изъ учениковъ старшаго класса была оборвана пуговица на мундирѣ, и тотчасъ указалъ директору: „Это что такое? Что это за безпорядокъ“! Директоръ въ смущеніи не понялъ вопроса и ничего не отвѣтилъ. „А это что значитъ“?—будто бы продолжалъ Государь: „маленькіе возлѣ большихъ, большіе среди маленькихъ“. Тогда директоръ вмѣсто того, чтобы просто отвѣтить, что ученики расположены по классамъ, началъ будто бы объяснять, что ученики располагаются въ институтѣ не по росту, а по своимъ успѣхамъ въ наукахъ, и Государь, усмотрѣвъ въ этомъ какъ бы дерзкій намекъ, гнѣвно вскричалъ на весь залъ: „Молчать, дуракъ“! повернулся назадъ и уѣхалъ изъ института. Мы вѣрили тогда этимъ разсказамъ, хотя они состоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ послѣдующими фактами, съ тѣмъ, что директоръ института А. И. Чивилевъ вслѣдъ за тѣмъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго воспитателя дѣтей Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, графа С. Г. Строгонова, и что зданіе института не было обращено въ дворецъ, а перешло сначала къ замѣнившей институтъ 4-й Московской гимназіи, а затѣмъ употреблено было для Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музея. Но и въ томъ видѣ, какъ дѣло изображается въ сборникѣ постановленій по министерству народнаго

просвѣщенія, оно представляется въ высшей степени прискорбнымъ. 21 марта 1849 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ полагалось существенное начало разгрому уваровскихъ гимназій. 30 апрѣля 1849 г. статсъ-секретарь Танѣевъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія два Высочайшія повелѣнія: одно объ ограниченіи числа студентовъ въ каждомъ университетѣ тремя стами, а другое слѣдующаго содержанія: „Съ учрежденіемъ въ Москвѣ второго кадетскаго корпуса Государь Императоръ, признавъ существованіе Московскаго дворянскаго института безполезнымъ, Высочайше повелѣть изволилъ сдѣлать соображеніе о закрытіи его съ передачею дѣтей меньшихъ классовъ въ кадетскій корпусъ и съ оставленіемъ высшихъ классовъ только до окончанія курса сего года, родителямъ же предоставить на волю, если они не согласятся на переводъ ихъ дѣтей въ кадеты, взять ихъ къ себѣ обратно". Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ министръ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровъ отъ 1 іюня 1849 г. всячески старался отстоять существованіе дворянскаго института и заключилъ свой всеподданнѣйшій докладъ словами: „Ежели Ваше Императорское Величество изволите признать необходимымъ закрытіе Московскаго дворянскаго института, въ такомъ случаѣ я осмѣливаюсь испрашивать Всемилостивѣйшаго соизволенія на учрежденіе въ Москвѣ 4-й гимназіи по общему уставу". Государь не измѣнилъ своего рѣшенія закрыть институтъ, но согласился на замѣну его 4-ю гимназіей. Высочайшее на то соизволеніе послѣдовало того же 1 іюня 1849 г., но съ тѣмъ, чтобы къ этой новой гимназіи примѣнены были тѣ мѣры, которыя состоялись въ силу Высочайше утвержденнаго 21 марта 1849 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта и которыя въ сущности упразднялн совсѣмъ классическіе языки, и чтобы ей же было предоставлено зданіе института съ лежащимъ на немъ долгомъ и изъ казны на ея содержаніе отпускалось по 8.330 р. 30 к. Такъ было прекращено плодотворное и славное существованіе учебно-воспитательнаго заведенія, возникшаго въ 1779 г., въ славное царствованіе Императрицы Екатерины II, подъ именемъ университетскаго благороднаго пансіона и потомъ преобразованнаго въ 1833 г. въ Московскій дворянскій институтъ, давшаго русской государственной службѣ, русской наукѣ и литературѣ многихъ замѣчательныхъ дѣятелей и имѣвшаго свои многія и несомнѣнно добрыя преданія.

Директоръ института А. И. Чивилевъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ

и профессоромъ политической экономіи и статистики, которыя въ то время принадлежали къ историко-филологическому факультету, хотя слушались и юристами, и которыя читались совмѣстно двумъ курсамъ III и IV-му: одинъ годъ—политическая экономія, другой годъ—статистика. Въ 1848—1849 учебномъ году я слушалъ статистику, а затѣмъ съ закрытіемъ дворянскаго института Чивилевъ перешелъ на службу въ С.-Петербургъ, и каѳедра политической экономіи и статистики осталась въ продолженіе цѣлаго года вакантною до назначенія на нее И. В. Вернадскаго. Такимъ образомъ мнѣ не пришлось слушать лекцій въ университетѣ по политической экономіи. Я очень объ этомъ сожалѣлъ, постоянно наталкиваясь на политико-экономическіе вопросы при чтеніи книгъ по новой и новѣйшей исторіи, равно какъ и при чтеніи иностранныхъ газетъ. При томъ же говорили, что въ составъ экзамена на IV курсѣ все-таки войдетъ политическая экономія, и несомнѣнно изъ нея производился экзаменъ на степень магистра всеобщей исторіи. Случайно въ числѣ книгъ, не помню чьей библіотеки, распродававшейся у М. Н. Каткова, мнѣ вмѣстѣ съ Шекспиромъ въ переводѣ Шлегеля на нѣмецкомъ языкѣ, съ S quattro poeti italiani и сочиненіями Маккіавелли на итальянскомъ же языкѣ, попались и Guillomin—Dictionnaire d'Economie politique, Rau—Lehrbuch der politischen Economie, Michel Chevalier—Cours d'Economie politique.

Всѣ эти книги продавались съ большою уступкою, и я ихъ пріобрѣлъ, и вскорѣ засѣлъ за политико-экономическія книги, положивъ въ основу сухой, но очень содержательный и точный учебникъ Рау, по которому читалъ свои лекціи Чивилевъ, и пополнялъ его статьями изъ вышеупомянутаго словаря, а затѣмъ прочиталъ и весь курсъ Мишеля Шевалье; изъ Рау я дѣлалъ даже письменное извлеченіе. Путемъ такихъ самостоятельныхъ занятій по отличнымъ книгамъ я пріобрѣлъ, конечно, гораздо болѣе обширныя и болѣе прочныя познанія въ политической экономіи, чѣмъ если бы мнѣ удалось прослушать курсъ Чивилева или Вернадскаго, и эти познанія очень мнѣ пригодились впослѣдствіи.

Начало 1848—1849 учебнаго года ознаменовалось посѣщеніемъ и осмотромъ Московскаго университета со стороны министра графа Уварова. Намъ онъ показался живымъ, но искусственнымъ, поддѣльнымъ, на пружинахъ, и раскрашеннымъ старичкомъ. Намъ, студентамъ, было предложено отъ его имени избрать по какому угодно предмету какую-либо тему, по со-

глашенію съ профессоромъ соотвѣтственной каѳедры и обработать ее въ видѣ лекціи для устнаго ея изложенія передъ министромъ по его назначенію. Для этихъ нашихъ чтеній по историко-филологическому факультету было назначено 20 сентября 1848 г. Охотниковъ нашлось множество. Списокъ ихъ и заглавія приготовленныхъ ими лекцій напечатаны въ X томѣ (стр. 140—143) въ высшей степени интереснаго и важнаго для всей современной общественной, литературной и научной русской исторіи сочиненія Н. П. Барсукова: *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Здѣсь перечислены 19 именъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ два только-что окончившихъ курсъ кандидата Филипповъ и Зедергольмъ: изъ нихъ приготовились читать 7 по русскому языку и словесности (Магницкій, Свербеевъ, Рогозинниковъ, Гарусовъ, Бартеневъ, Сипягинъ, Базилевскій); 2—по русской исторіи (Худяковъ и канд. Филипповъ); 2—по славянскимъ нарѣчіямъ (Магницкій и Бѣляевъ); 4—по классической филологіи (Зедергольмъ, Соколовъ, Возницынъ и Хлоповъ); 1 по философіи (Безсоновъ); 1—по политической экономіи (Горловъ) и 3 по всеобщей исторіи (Рогозинниковъ, Ешевскій и я, Георгіевскій); изъ нихъ двое по двумъ предметамъ (Рогозинниковъ по русской словесности и всеобщей исторіи и Магницкій по русской словесности и славянскимъ нарѣчіямъ). Если не считать двоихъ кандидатовъ, то все-таки нашлось 17 человѣкъ, которые чувствовали себя въ силахъ въ 2—3 дня приготовиться къ устному изложенію передъ ученымъ министромъ, профессорами и студентами факультета и многими посторонними лицами избраннаго ими изъ какой-либо науки вопроса, а и всѣхъ-то студентовъ на нашемъ факультетѣ, не считая I курса, который къ этому экзамену не привлекался, было едва-ли больше 100 человѣкъ; очевидно, что въ то время было много настоящихъ студентовъ по крайней мѣрѣ на нашемъ факультетѣ.

Кому изъ этихъ 19 лицъ читать свою лекцію передъ министромъ, это повидимому было рѣшено имъ самимъ по соглашенію съ деканомъ факультета С. П. Шевыревымъ на основаніи представленнаго имъ списка студентовъ и ихъ лекцій. Русской словесности при этомъ было отдано предпочтеніе: по ней читали двое—Магницкій о Державинѣ и Свербеевъ о Крыловѣ. Отца Свербеева, вѣроятно, зналъ и самъ министръ, такъ какъ онъ занималъ видное и почетное м[illegible]сто въ Московскомъ обществѣ. Другія лекціи были выбраны, вѣроятно, потому, что судя по ихъ темамъ можно было удобнѣе составить себѣ понятіе о

направленіи преподаванія въ университетѣ. Это были Безсоновъ—о современномъ состояніи психологіи, Худяковъ о междуцарствіи въ Московскомъ государствѣ и Горловъ о постепенномъ развитіи народнаго хозяйства. Наибольшею зрѣлостью и обдуманностью, наибольшею послѣдовательностью изложенія отличалась лекція Безсонова: онъ читалъ какъ настоящій професоръ, съ твердою самоувѣренностью, безъ малѣйшей робости или оторопѣлости. Онъ былъ много старше всѣхъ насъ и былъ изъ числа окончившихъ полный курсъ ученія духовной семинаріи. Мы очень имъ гордились по этому случаю и говорили, что онъ поддержалъ честь студентовъ Московскаго университета предъ лицомъ министра. Еще до начала этихъ чтеній было намъ объявлено, кто будетъ читать, и потому не попавшіе въ число избранныхъ могли быть спокойными слушателями своихъ товарищей. Хотя выдающимся лекторомъ оказался собственно одинъ только Безсоновъ, но и другіе исполнили свое дѣло очень сносно.

Избранная мною лекція озаглавлена въ сочиненіи Н. Ил. Барсукова: „О предшественникахъ реформаціи"; въ сохранившихся у меня наброскахъ этой лекціи она носитъ болѣе точное заглавіе: „О значеніи гуманизма въ началѣ новой исторіи". Мнѣ пригодились въ этомъ случаѣ мои работы лѣтомъ 1847 г., объ Ульрихѣ Гуттенѣ. Прежде всего я думалъ коснуться въ своей лекціи противоположности воззрѣній древне-классическаго міра и міра средневѣкового и указать, что увлеченіе классическою древностью сильно подрывало авторитетъ и средневѣковой науки-схоластики и средневѣковыхъ учрежденій—іерархическихъ и феодальныхъ, что въ Италіи гуманизмъ ограничился главнѣйше возрожденіемъ наукъ и искусствъ, преобразивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и политическія воззрѣнія (Макіавелли), а въ Германіи, примкнувъ къ реформаціи, онъ содѣйствовалъ ея торжеству пораженіемъ схоластики и ея приверженцевъ, доминиканцевъ, въ ихъ борьбѣ противъ Рейхлина, и заготовленіемъ средствъ и способовъ для постановки дѣла реформаціи на твердую почву доступнаго для всей массы народа перевода священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта съ ихъ подлинныхъ языковъ, еврейскаго и греческаго, на языкъ нѣмецкій. Съ большею подробностью я предполагалъ остановиться при этомъ на Эразмѣ Роттердамскомъ, на Рейхлинѣ и на борьбѣ его съ схоластикой и инквизиціей по поводу изученія имъ древне-еврейскаго языка у еврея и на содѣйствіе ему Гуттена составленіемъ и напечатаніемъ Epistolae obscurorum virorum. Свой

планъ и нѣкоторыя подробности самаго изложенія я предварительно сообщилъ П. Н. Кудрявцеву, который ихъ вполнѣ одобрилъ и потомъ очень сожалѣлъ, что ни я и никто по всеобщей исторіи не попалъ въ число избранныхъ лекторовъ. Странно, что никто изъ нашихъ профессоровъ не напалъ на мысль предоставить всѣмъ заготовившимъ лекціи изложить ихъ передъ товарищами и профессорами въ особые назначенные для того часы. Быть можетъ, этому воспрепятствовали нижеслѣдующія обстоятельства, которыя излагаетъ Н. П. Барсуковъ въ X томѣ своего превосходнаго труда. (Стр. 144, 145).

Графъ Уваровъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ писалъ о нихъ: „Дабы нѣкоторымъ образомъ доказать юношеству степень и родъ участія, которое высшее начальство принимаетъ въ ихъ успѣхахъ, я допустилъ экзамены особаго рода, упражненія, въ коихъ студенты замѣняли преподавателей и гдѣ каждый по желанію могъ съ каѳедры говорить о предметѣ, имъ избранномъ. Эти бесѣды, коими былъ мною сдѣланъ первый опытъ за 16 лѣтъ въ Московскомъ же университетѣ, имѣли полный успѣхъ: онѣ возбудили живое и благородное соревнованіе между студентами, рѣзко отдѣляя способныхъ отъ слабыхъ и открывая нѣсколько замѣчательныхъ талантовъ; мнѣ же служили, такъ сказать, зеркаломъ, въ коемъ непосредственно отражались и духъ преподаванія профессоровъ, и собственный взглядъ молодыхъ людей на предметы, ихъ занимающіе. Этими вѣрными данными министерство не оставитъ воспользоваться и на будущее время". Каково должно было быть и удивленіе, и огорченіе гр. Уварова, когда онъ прочелъ слѣдующее объ этомъ замѣчаніе Императора Николая Павловича: „Подобныя рѣчи съ каѳедры студентовъ считаю полезными *только и единственно* для тѣхъ изъ нихъ, которые сами готовятся служить по ученой или учебной части; для прочихъ же считаю сіе рѣшительно *вреднымъ* и не могу дозволить продолжать сего, ибо оно вселяетъ въ нихъ привычку и желаніе блистать краснорѣчіемъ, что противно духу нашихъ постановленій и вовсе безполезно".

Первый опытъ въ этомъ родѣ, о коемъ упоминаетъ гр. Уваровъ въ своемъ отчетѣ, былъ имъ произведенъ въ 1832 г., въ качествѣ товарища министра при обозрѣніи Московскаго университета и гимназій. Въ своемъ отчетѣ объ этомъ обозрѣніи, который по его просьбѣ былъ въ подлинникѣ представленъ 4 декабря 1832 г. на Высочайшее воззрѣніе, С. С. Уваровъ, между прочимъ, говорилъ: „Во время моего пребыванія въ

Москвѣ я не только посѣщалъ ежедневно лекціи профессоровъ, но еще передъ отъѣздомъ учредилъ на сей разъ въ каждомъ факультетѣ новый родъ испытанія для студентовъ, заставляя отличнѣйшихъ изъ нихъ отвѣчать съ каѳедры въ видѣ краткихъ лекцій на заданные имъ письменные вопросы, приноровленные къ пройденнымъ ими предметамъ. Дабы лучше обозрѣть цѣль сихъ упражненій, скажу, что включая впечатлѣніе, произведенное робостью молодыхъ людей и новостью сего образа испытанія, къ коему ни они, ни профессора не были ни мало приготовлены, я во многихъ изъ молодыхъ людей нашелъ весьма хорошія познанія и даръ выражать мысли правильно и даже пріятно. Прибавлю, что студенты медицинскаго факультета превзошли прочихъ въ сихъ упражненіяхъ или бесѣдахъ, коихъ примѣненіе могло бы быть повсюду полезно, ибо они служатъ для опытнаго наблюдателя лучшимъ мѣриломъ къ узнанію степени успѣховъ и способности каждаго и даже къ изслѣдованію образа мыслей предстоящаго юношества. Сей новый способъ, сначала напугавшій нѣкоторымъ образомъ не привыкшихъ къ оному студентовъ, возродилъ потомъ такое соревнованіе, что они неотступно и толпою искали у профессоровъ соизволенія явиться мгновенно на каѳедрѣ въ моемъ присутствіи и въ присутствіи многихъ особъ, привлеченныхъ любопытствомъ, какъ-то: князя Д. В. Голицына, графа Румянцева, И. И. Дмитріева, князя С. С. Гагарина и многихъ другихъ, удостаивавшихъ весьма часто въ мою бытность университетскія лекціи своего посѣщенія“ [1]). Тогда сей „новый способъ“ не вызвалъ со стороны Императора Николая Павловича никакого укоризненнаго замѣчанія. „Способъ“ 1832 г. впрочемъ существенно отличался отъ „способа“ 1848 г.: въ 1832 г. это были, повидимому, отвѣты безъ всякой предварительной подготовки на предложенные письменно вопросы-отвѣты, излагаемые студентами связно и безъ перерывовъ съ каѳедры, а въ 1848 г. это были настоящія пробныя лекціи, заранѣе подготовленныя, хотя и въ короткій срокъ времени, на избранную самимъ студентомъ тему. Можетъ ли служить тотъ или другой изъ этихъ способовъ лучшимъ, то-есть, наиболѣе надежнымъ и достовѣрнымъ, „мѣриломъ къ указанію степени успѣховъ и способностей каждаго и даже къ изслѣдованію образа мыслей юношества“, этотъ вопросъ можетъ быть здѣсь оставленъ безъ

[1]) Доп. къ сборн. постан. по Минист. Нар. Пр. Спб. 1867 г., стр. 346 и 347.

дальнѣйшаго разъясненія; но что и тотъ, и другой могутъ быть вполнѣ пригодны при производствѣ экзаменовъ какъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и быть можетъ особенно при окончаніи курса въ тѣхъ и другихъ, это едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію: ни съ педагогической, ни тѣмъ паче съ политической точки зрѣнія ни тотъ, ни другой не заслуживаютъ порицанія. „Новыми" способами едва-ли можно ихъ назвать: издавна и у насъ, и за границей въ большомъ ходу предъ допущеніемъ къ преподованію какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ и даже въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ пробныя лекціи, такъ и пробные уроки на избранную самимъ испытуемымъ тему или на предложенную ему, или на ту и на другую, предъ воображаемыми слушателями или учениками и сообразно съ предполагаемымъ ихъ развитіемъ, познаніями и способностями. Но наиболѣе цѣнны подобныя лекціи, когда онѣ являются не въ качествѣ пробныхъ или служащихъ для испытанія, а въ качествѣ постоянныхъ научно-практическихъ упражненій. Имъ издавна придается большое значеніе и дано очень широкое развитіе въ знаменитой Парижской Ecole normale supérieure: упражненія эти составляютъ наибольшую силу этой школы и чуть ли не одну изъ главныхъ причинъ ея процвѣтанія и того, что она стала гордостью какъ всей Франціи, такъ и лучшихъ ея ученыхъ литераторовъ, которые чрезвычайно дорожатъ возможностью прибавить къ прочимъ своимъ званіямъ и титуламъ еще и указаніе на мѣсто своего высшаго образованія—normalien. Нашъ главный педагогическій институтъ былъ въ свое время устроенъ на подобіе этой Ecole normale supérieure, и весьма вѣроятно, что и этого рода научно-практическія упражненія были въ немъ въ ходу. Въ Германіи они также распространены и въ старшихъ классахъ гимназій, и въ университетахъ, да и у насъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, были распространены въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. Императоръ Николай Павловичъ съ своей стороны признавалъ ихъ полезными *только и единственно* для тѣхъ, кто самъ готовится служить по ученой или учебной части; но къ этому кругу лицъ должно было и въ то время прибавить, кромѣ священно-служителей-проповѣдниковъ, еще секретарей-докладчиковъ по судебной и административной частямъ, а въ настоящее время и всѣхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ и ихъ помощниковъ, всѣхъ земскихъ дѣятелей и дѣятелей по городскому общественному управленію, равно какъ всѣхъ чле-

новъ многоразличныхъ обществъ и комиссій, всѣхъ, кому приходится говорить публично въ качествѣ экспертовъ, и т. д. А противъ „желанія и привычки блистать краснорѣчіемъ“ опытные и разумные руководители этихъ полезныхъ научно-практическихъ упражненій должны быть постоянно насторожѣ и должны предостерегать отъ подобныхъ наклонностей и всячески имъ противодѣйствовать съ чисто-научной, дѣловой и педагогической точки зрѣнія. Я возвращусь еще къ этому предмету, если мнѣ суждено будетъ дойти въ этихъ моихъ воспоминаніяхъ до осмотра мною въ ноябрѣ 1896 г. Ecole Normale supérieure de Paris.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ Гордона во время его пребыванія въ Россіи [1]).

Перваго февраля я немного оправился отъ сильнаго флюса и опухоли на глазахъ, зубахъ, шеѣ и плечахъ, которыми хворалъ съ 20 января и притомъ настолько, что могъ быть, хотя и не безъ затрудненій, на крестинахъ у думнаго дворянина Родіона Михайловича Павлова.

2 числа узнали, что польскіе казаки ропщутъ на неплатежъ имъ жалованья и грозятъ возвратиться за Днѣпръ, въ свои жилища и что по этому поводу были посланы ими уполномоченные къ королю польскому. Въ тотъ же день доставлены пять царскихъ писемъ, относящіяся до различныхъ предметовъ.

3 числа вмѣстѣ съ многими другими я былъ на празднествѣ у боярина.

5 числа писалъ полковникамъ Гамильтону и фонъ-Менгдену, а также Джемсу Линдсею, которому напоминалъ о своей просьбѣ (объ увольненіи изъ страны). Писалъ полковнику Ронаэру съ г. Лемакомъ.

6 числа прибылъ дворянинъ по имени Александръ Якубовскій, живущій въ Неродицѣ (Народищѣ), въ 24 миляхъ отъ Кіева, съ четырьмя возами меда, который онъ хотѣлъ продать въ Кіевѣ. Онъ сообщилъ, что во время его пребыванія въ Уфдимірѣ, гетманъ Гогола или Могила увѣдомилъ тамошняго полковника, что турки и татары, вмѣстѣ съ поставленнымъ татарами казацкимъ атаманомъ Сулимкою подошли съ пушками къ Немирову, съ намѣреніемъ овладѣть этимъ мѣстомъ и что поэтому упомянутый полковникъ долженъ спѣшить на помощь городу.

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1916 г.

Полякъ, по имени Стенька Прохоровъ, былъ найденъ кузнецомъ Абрамомъ, при чемъ оказалось, что онъ прибылъ изъ Бѣлой Церкви, съ намѣреніемъ уговорить казаковъ перейти на сторону поляковъ и служить королю польскому. Схваченный, онъ при допросѣ показалъ, что служилъ солдатомъ въ Бѣлой Церкви и 2 февраля, вмѣстѣ съ двумя другими, бѣжалъ черезъ валъ. Другіе двое, Гришка и Ѳедька, направились къ Переяславлю съ намѣреніемъ украсть лошадей и съ ними поступить въ королевскую армію; это уже они ранѣе продѣлали съ бѣжавшимъ слугою окольничаго князя Ивана Степановича Хотяевскаго. Онъ еще добавилъ, что, за день передъ тѣмъ какъ они ушли, два казака на лыжахъ прибыли отъ гетмана Могилы и сообщили, что сынъ хана крымскаго съ 6.000 татарами, 1.000 янычарами и Сулимкою, при которомъ тысяча казаковъ, а также 16 орудіями подошли къ Немирову, который обыватели города немедленно имъ сдали; что Могила съ большимъ трудомъ укрылся въ замкѣ и что его осаждаетъ тамъ незначительный отрядъ войска; что въ тотъ же день они штурмовали замокъ съ полудни до ночи, но не могли овладѣть имъ и, размѣстившись по квартирамъ въ городѣ у обывателей, рѣшили принудить замокъ къ сдачѣ. Поэтому Могила отправилъ этихъ двухъ казаковъ повѣстить объ этомъ вездѣ польскимъ войскамъ и просить ихъ спѣшить къ нему на помощь. Король Великой Британіи, Карлъ II скончался въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня.

7 числа вышеизложенныя извѣстія были сообщены по почтѣ въ Москву.

8 числа возвратились изъ Москвы кіевскіе просители и доставили полугодовое жалованье мнѣ, офицерамъ и солдатамъ, а также стрѣльцамъ Кіевскаго гарнизона, всего 3.468 р. серебряною и 800 р. мѣдною монетою и вмѣстѣ съ тѣмъ доставили приказаніе выдать каждому солдату и стрѣльцу по одному рублю на покупку бараньяго тулупа и уплатить 30 р. за провозъ муки, которая будетъ прислана изъ Брянска, точно также какъ была доставлена для Московскихъ стрѣльцовъ.

Я получилъ письмо отъ голландскаго резидента съ разными комплиментами и всякими иностранными новостями, а также и отъ графа Грехама, который сообщилъ, что былъ командированъ въ Бѣлгородъ на мѣсто генерала Блица. Другія лица писали мнѣ, что ничего не рѣшено относительно моего отпуска. Изъ письма г. Гуаскони я узналъ, что онъ получилъ отъ капитана Кристи, за мой счетъ, сто рублей и долженъ,

черезъ 10 дней, получить и отъ г. Гассеніуса — остальные 61 руб. и что онъ надѣется вскорѣ переслать деньги, согласно моему приказанію г. Натаніэлю Кэмбриджу, купцу въ Гамбургѣ, чтобы онъ уплатилъ кому слѣдуетъ спеціэсъ-талерами. Кромѣ того, получилъ письмо отъ патера Шмидта, сообщавшее, что г. Курцъ, шталмейстеръ бывшаго римско-католическаго посла, вскорѣ прибудетъ въ Москву съ письмами къ царямъ отъ Римскаго императора.

Я и другія лица обѣдали у Ивана Озерова, и вечеромъ у меня ужинали бояринъ съ супругою.

9 числа я передалъ имянной списокъ солдатъ и стрѣльцовъ для отпуска по немъ денегъ на покупку бараньихъ тулуповъ; въ немъ было показано 138 солдатъ и унтеръ-офицеровъ и 276 стрѣльцовъ и прочихъ, всего 414 человѣкъ.

10 числа пришелъ архимандритъ Савинскаго монастыря въ Москвѣ паломникомъ въ Кіевъ и обѣдалъ у боярина, при чемъ, кромѣ меня и товарищей, никого болѣе не было.

Гетманъ прислалъ приказаніе Кіевскому полковнику, чтобы въ Польшу отнюдь не пропускали водку, табаку или какихъ-либо съѣстныхъ и жизненныхъ припасовъ.

11 числа я передалъ списокъ офицеровъ для полученія по немъ жалованья.

12 числа прибылъ казакъ, бывшій въ *Димирѣ* у полковника Семена Корсунца, и сказалъ, что во время обѣда прибылъ еще другой казакъ отъ коменданта Бѣлой Церкви съ извѣстіемъ, что турки, татары и измѣнившіе казаки приступили къ Немирову и осадили тамъ гетмана Андрея Могилу; что онъ долженъ послать туда немедленно на помощь войско и сообщить объ этомъ польскимъ войскамъ, находящимся въ этой же мѣстности, дабы они спѣшили на помощь Немирову; что тотъ же полковникъ Семенъ Корсунецъ узналъ, что полковникъ Лосницкій съ 18 хоругвями двинулся уже, чтобы принудить враговъ покинуть осаду Немирова и что татары заперли послѣдняго съ его людьми въ Богуславовскомъ; полковникъ Палей, двинувшійся туда же съ 800 человѣкъ, осажденъ равнымъ образомъ въ Мусиговѣ; что полковникъ Апостолъ, прибывъ въ Черногородку и услыхавъ о дѣйствіяхъ татаръ, отступилъ къ Чернобылю; что польскія войска стягиваются у Любара, чтобы затѣмъ освободить Немировъ; что полковникъ Семенъ Корсунецъ писалъ коменданту, что онъ самъ не пойдетъ въ Немировъ и не пошлетъ туда и помощи, но рѣшится скорѣе оставить Димиръ, переправиться черезъ Днѣпръ и идти слу-

жить царю; что казакъ съ деньгами прибылъ отъ короля польскаго, чтобы набрать роту пѣшихъ казаковъ и одну роту конныхъ. Всѣ эти извѣстія въ тотъ же вечеръ были сообщены, по почтѣ, въ Москву.

Пришло приказаніе набрать 23 солдатскихъ дѣтей, 17 стрѣльцовъ и еще трехъ солдатъ, такъ что теперь будетъ солдатъ 162, стрѣльцовъ и унтеръ-офицеровъ 295 и всего 457 человѣкъ.

14 числа я получилъ изъ Москвы отъ г. Виніуса письма отъ 30 января и при этомъ печатныя газеты.

15 числа всѣ старшіе офицеры обѣдали у окольничаго, который праздновалъ день именинъ своего сына.

18 числа пришли казаки изъ Ямполя и Острога, сообщившіе, что они слышали въ этихъ мѣстахъ, а также отъ купцовъ, прибывшихъ изъ Немирова и отъ сторонниковъ Могилы и Сулимки, что тамъ собрались около 2.000 татаръ, турокъ и казаковъ, но не проявляютъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Могилы и его партіи, а состоятъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ настолько, что вмѣстѣ ѣдятъ и пьютъ; что польскія войска стягиваются у Любара и кажется для того, чтобы освободить Немировъ, но, повидимому, скорѣе намѣреваются переправиться черезъ Днѣпръ и идти въ Переяславль и оттуда на Кіевъ, потому что, по ихъ словамъ, русскіе нарушили миръ, захвативъ три города, принадлежавшіе полякамъ. Послѣднее совершенно ложно и потому не повѣрили разсказу о предстоящемъ нападеніи поляковъ на Россію, тѣмъ болѣе, что они же говорили, что слышали, какъ читали вслухъ письмо къ коменданту г. Заслава, которымъ каждый предостерегался быть насторожѣ, въ виду возможнаго нападенія татаръ. Тѣмъ не менѣе съ этими извѣстіями былъ отправленъ курьеръ въ Москву.

Въ складѣ находилось всякаго желѣза 332 п. 14 фунтовъ.

Узнавъ, что показались 50 казаковъ, принадлежащихъ къ войску полковника Апостола, бояринъ послалъ сдѣлать замѣчаніе настоятелю Межигорскаго монастыря за то, что онъ не увѣдомилъ объ ихъ приближеніи. Настоятель отрицалъ появленіе подобныхъ казаковъ вообще.

19 числа пришли жители Переяславля съ подтвержденіемъ прежнихъ извѣстій изъ Острога и Тарнополя (Ямполя?).

Я сдѣлалъ представленіе, которое надлежало послать въ Москву; въ немъ я испрашивалъ разрѣшеніе на покупку балокъ и бревенъ для исправленія домовъ солдатскихъ и крѣпостныхъ укрѣпленій въ городѣ.

Было получено извѣщеніе, что стольникъ изъ Москвы ѣдетъ въ Кіевъ.

20 числа бояринъ и думный дворянинъ имѣли между собою объясненіе.

22 числа я и всѣ главнѣйшіе офицеры были у боярина на угощеньи, при чемъ между бояриномъ и думнымъ дворяниномъ были возстановлены мирныя отношенія.

Прибылъ стольникъ, съ которымъ я получилъ отъ полковника Менгдена письмо, сообщавшее, что думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ сказалъ ему, что разъ навсегда рѣшено меня, Гордона, изъ Кіева не выпускать по причинамъ, которыя онъ не отваживается изложить и что мнѣ надлежитъ о всѣхъ моихъ обстоятельствахъ подать прошеніе.

21 числа стольникъ Потапъ Филимоновичъ Шеншинъ прибылъ въ приказъ, спросилъ сперва Именемъ Ихъ Величествъ боярина и товарищей объ ихъ здоровьи, на что они съ поклонами благодарили; потомъ онъ продолжалъ говорить, что Ихъ Величества хвалятъ ихъ службу,—на что опять сдѣланы были поклоны. Послѣ этого стольникъ обратился къ мнѣ, полковникамъ, подполковникамъ и прочимъ офицерамъ и спросилъ также Именемъ Ихъ Величествъ о здоровьи и благодарилъ за службу, за что мы всѣ также два раза благодарили и дѣлали поклоны. Наконецъ, стольникъ обратился къ нижнимъ чинамъ и предложилъ имъ тѣ же вопросы, на которые они въ свою очередь кланялись и благодарили. Всѣ офицеры обѣдали въ этотъ день у боярина. Послѣ обѣда пили здравіе Ихъ Величествъ изъ большого бокала, вмѣщавшаго въ себѣ цѣлую шотландскую пинту. Затѣмъ стольнику были сдѣланы подарки, именно бояринъ подарилъ лошадь цѣною рублей въ 20, амалейку въ 2 руб., окольничій кусокъ тонкаго дамаста и *амалейку*; думный дворянинъ Павловъ—пару пистолетовъ, одинъ изъ дьяковъ — пару дорожныхъ пистолетъ (въ мѣшкѣ) съ кобурами.

24 числа бояринъ со всѣми офицерами направился въ Печерскій монастырь, гдѣ совершалось поминовеніе усопшаго архимандрита Иннокентія Гизеля.

Вечеромъ прибылъ ко мнѣ стольникъ и проводилъ время за стаканомъ вина. Отъ него я узналъ, что татары не захотѣли принять ежегодно платимыя имъ деньги, посланныя къ мѣсту размѣна плѣнныхъ, но требовали, чтобы деньги, по прежнимъ примѣрамъ, были бы доставлены въ Крымъ, заявивъ, что въ

такомъ случаѣ освободятъ изъ плѣна, за деньги, дьяка Ивана Ипполитова и другихъ плѣнныхъ, а также и плѣнныхъ татаръ.

25 числа читалось большое Царское письмо, въ которомъ выражалась благодарность боярину и его товарищамъ за исправленіе городского вала. Я писалъ въ Москву и отвѣчалъ также на письма: полковнику Менгдену отъ 3 февраля; г. Виніусу, сообщая ему различныя новости; полковнику Гамильтону—сообщая ему мои мнѣнія, и полковнику Ронаэру, сообщая всякія ежедневныя новости и разные комплименты.

26 числа послѣ обѣда я съ другими лицами былъ въ Выдубецкомъ монастырѣ.

27 числа прибылъ обыватель Полоннаго съ извѣщеніемъ, что турки и татары, услыхавъ о сборѣ поляковъ на выручку Немирова, сожгли самый городъ, увели въ плѣнъ всѣхъ его обывателей съ женами и дѣтьми и сами удалились не извѣстно куда.

28 числа было получено извѣстіе, что польскіе казаки запаслись съѣстными припасами и изготовились къ выступленію послѣ дня Св. Георгія.

1 марта, послѣдній день русской масляницы; меня посѣтили всѣ и даже бояринъ; мы всѣ по очереди посѣщали другъ друга.

4 числа стрѣлецъ по имени Вавила поручилъ написать письмо окольничему князю Якову Шаховскому, въ которомъ содержались разныя несоотвѣтственныя свѣдѣнія. Писецъ принесъ письмо полковнику Озерову, который отправилъ стрѣльца въ приказъ съ письмомъ и съ донесеніемъ отъ себя. При допросѣ въ приказѣ стрѣлецъ показалъ, что во время его пребыванія въ Острогѣ одинъ казакъ, по имени Наумъ Кожемяковъ, сказалъ ему, если ты когда-либо захочешь быть богатымъ, то долженъ перейти къ намъ; мы къ тому имѣемъ случай. Мы рѣшили въ скоромъ времени погубить гетмана за взимаемыя имъ аренды, пошлины и другія притѣсненія. Мы послали также и къ донскимъ казакамъ предложеніе, чтобы они къ намъ присоединились, но они потребовали отъ насъ письменнаго обязательства.—Относительно письмо своего къ окольничему онъ объяснилъ, что нѣкогда сообщилъ ему тайну объ убійствѣ одного дворянина и былъ за это награжденъ, и теперь онъ намѣревается попасть въ Москву, благодаря этому письму и самъ сдѣлать извѣстнымъ свою заслугу.

Фендрихъ моего полка былъ отправленъ съ этимъ донесеніемъ въ Москву. Я съ нимъ писалъ думному дьяку Емельяну

Игнатьевичу Украинцеву, Ивану Бирину, голландскому резиденту, полковнику Менгдену, г. Виніусу, г. Гуаскони и патеру Шмидту.

5 числа я получилъ письмо изъ Москвы отъ полковниковъ Гамильтона и Менгдена, г. Боетенанта и отъ моего слуги Якова, съ извѣщеніемъ, что совершенно отказано отпускать меня далеко изъ Кіева, а тѣмъ болѣе изъ всей страны. Я писалъ поэтому брату моему и гг. Меверелль, Кэмбриджу и Гуаскони, сообщивъ имъ объ этомъ, а также и о другихъ предметахъ. Кромѣ того, я писалъ гг. Боетенанту, Гартману, Спарвенфельду, подъ адресомъ полковника фонъ-Менгдена. Я получилъ еще письмо отъ генералъ-маіора графа фонъ-Грехама, на которое не могъ отвѣтить, потому что фонъ-Грехамъ былъ командированъ въ Бѣлгородъ. Эти письма я отправилъ съ пушкаремъ Архипомъ Макаровымъ. Съ Иваномъ Поздѣевымъ я писалъ въ Сѣвскъ Леонтію Романовичу Неплюеву и его тестю.

7 числа отъ купцовъ изъ Лубенъ, находившихся въ Немировѣ во время осады, въ самомъ замкѣ, узнали мы о всемъ тамъ происходившемъ, именно слѣдующее. Горожане и обыватели Немирова были очень недовольны разными притѣсненіями и своевольствомъ казаковъ Могилы и въ тайнѣ послали просить татарскаго гетмана (кошеваго атамана) Сулимку явиться съ войскомъ къ Немирову, обѣщая ему отдать въ его руки весь большой городъ. Вслѣдствіе этого Сулимка, съ нѣсколько тысячами татаръ и немногими турками, подошелъ къ городу и, благодаря измѣнѣ гражданъ, овладѣлъ большимъ городомъ. Могила же со своими казаками и нѣкоторыми обывателями, незнавшими вовсе о подобной измѣнѣ, укрылся съ большимъ трудомъ въ замкѣ. Турки стали обстрѣливать замокъ изъ трехъ пушекъ, которыя они привезли съ собою или нашли въ городѣ, и въ теченіе трехъ недѣль штурмовали его три раза, при чемъ они гнали обывателей впереди себя и объявили, что если они овладѣютъ замкомъ, то поступятъ съ ними милостиво; въ противномъ же случаѣ они не должны ожидать милости и пощады. Несмотря на сильныя и храбрыя нападенія, они, тѣмъ не менѣе, были три раза отбиты казаками Могилы, съ большими потерями. Въ самую первую ночь изъ числа обывателей, укрѣпившихся съ Могилою въ замкѣ, бѣжали 300 человѣкъ. Могила поэтому заставилъ остальныхъ всѣхъ дать клятву, что они не уйдутъ, и приказалъ строже за ними смотрѣть. Черезъ три недѣли осаждающіе отошли отъ Неми-

рова, быть можетъ за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ или узнавъ, что на выручку города собираются прибыть поляки; при этомъ они зажгли городъ и увели въ плѣнъ всѣхъ его обывателей.

8 числа прибылъ окольничій князь Василій Ѳедоровичъ Шировой-Засѣкинъ со своею супругою, а другой окольничій Иванъ Степановичъ Хотяевскій, а также думный дворянинъ Ѳедоръ Андреевичъ Сиговъ уѣхали. Думный дворянинъ первый переправился черезъ Днѣпръ и затѣмъ князь провожалъ его до Троицына. Пробывъ тутъ около часа за выпивкою, провожатые вернулись вечеромъ въ Кіевъ. Другой окольничій, которому, къ его великому огорченію, никто не поѣхалъ навстрѣчу, прибылъ вскорѣ послѣ этого и привѣтствовалъ боярина въ его домѣ.

Филаретъ изъ Печерскаго монастыря прибылъ изъ Москвы.

10 числа новый сотникъ Игнатій Григорьевичъ производилъ ученіе Кіевскимъ войскамъ, состоявшимъ изъ 80 рейтеръ и 200 человѣкъ пѣхоты.

Джемсъ Линдсей возвратился изъ Москвы и доставилъ мнѣ письма отъ лорда Грехама, голландскаго резидента, полковниковъ фонъ-Менгдена и Девица, отъ гг. Гартмана, Кока, Гуаскони и Ивана Бирина, а также князя Никиты Семеновича Урусова, Леонтія Романовича Неплюева и его тестя изъ Сѣвска. Въ то же время я получилъ письмо отъ подполковника Гамильтона изъ Эдинбурга отъ 28 апрѣля 1684 года.

11 числа я писалъ князю Никитѣ Семеновичу Урусову и послалъ ему съ людьми окольничаго Василія Ѳедоровича пробочникъ.

12 числа, послѣ того какъ супруга боярина 9 дней хворала женскою болѣзнію, она получила облегченіе отъ частаго употребленія теплыхъ ваннъ съ травами. Прибылъ Мазена отъ гетмана, чтобы освѣдомиться о болѣзни его дочери.

13 числа. Въ Москвѣ въ тайномъ совѣщаніи было рѣшено, что ежегодно уплачиваемыя татарамъ деньги (или гонорарій) будутъ выдаваться имъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ будетъ производиться размѣнъ плѣнныхъ; что никакого резидента изъ Крыма не будетъ находиться въ Москвѣ и таковой не будетъ также посланъ изъ Москвы въ Крымъ, по тѣмъ причинамъ, чтобы ни одна изъ сторонъ не могла понести впередъ какія-либо оскорбленія, или скорѣе ради того, чтобы избавиться въ Москвѣ отъ присутствія подобныхъ шпіоновъ. Все это было не согласно съ мирными условіями, а потому татары

были недовольны этимъ; они и не приняли въ Переволочнѣ ежегодно платимыхъ имъ денегъ и намѣревались обо всемъ этомъ принести жалобы въ Москвѣ.

14 числа я со всѣми главными офицерами присутствовалъ на празднествѣ у боярина, гдѣ очень много пили. Послѣ этого общество сдѣлало много посѣщеній. Бояринъ и Мазепа ужинали у меня въ этотъ вечеръ.

15 числа я былъ на обѣдѣ у окольничаго. Бояринъ пришелъ послѣ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ поѣхали въ поле.

16 числа бояринъ внезапно заболѣлъ.

17 числа стали дѣлать плоты на льду и ставили разныя лодки.

18 числа съ супругою боярина сдѣлался такой сильный припадокъ, что она упала на землю и долгое время лежала безъ чувствъ. Произошло это, быть можетъ, отъ испуга при извѣстіи, что ея мужъ очень боленъ, а быть можетъ и по другой причинѣ. Немного очнувшись, она пришла въ какой-то страхъ при мысли, что мужъ ея отчаянно боленъ, и съ нею сдѣлались снова припадки, лишившіе ее въ четверть часа разсудка. Въ этомъ состояніи она, при страшныхъ припадкахъ, пребывала до слѣдующаго дня, именно до того часа, въ которомъ съ нею приключился наканунѣ первый припадокъ. Тѣмъ временемъ пришелъ настоятель монастыря св. Михаила и русскій священникъ причастилъ ее Св. Таинъ, чего она прежде не желала.

19 числа, лишенную уже совсѣмъ дара слова, ее соборовали. Она, повидимому, спала, но съ страшнымъ внутреннимъ стономъ, почти до 9 часовъ вечера, когда опять начались сильные эпилептическіе припадки и сильный бредъ съ порывистыми движеніями всѣхъ членовъ тѣла, такъ что жалко и горестно было смотрѣть. Все это продолжалось непрерывно и 20 числа, до самого того часа, въ которомъ случился съ нею первый припадокъ, и затѣмъ она умерла при сильныхъ внутреннихъ движеніяхъ. Немедленно о ея кончинѣ дали знать гетману, чтобы узнать отъ него, какъ желаетъ онъ ее хоронить.

21 числа утромъ былъ погребенъ въ монастырѣ св. Софіи подполковникъ Петръ Ивановъ; онъ завѣщалъ мнѣ длинное турецкое ружье. Около 11 часовъ до обѣда тѣло супруги боярина, въ сопровожденіи архимандрита и всѣхъ настоятелей, было перенесено въ церковь монастыря св. Михаила. По прибытіи тѣла въ церковь началась литургія. По окончаніи надгробной проповѣди и прочихъ церемоній я, по просьбѣ боярина, который по

болѣзни своей не могъ сопровождать прахъ своей супруги, долженъ былъ объяснить это и, извинивъ его отсутствіе, поблагодарить духовенство. Я эю все исполнилъ рѣчью на латинскомъ языкѣ, на которую кратко отвѣтилъ архимандритъ тихимъ голосомъ, на славянскомъ языкѣ.

Мазепа сказалъ, что гетманъ помнитъ это священное мѣсто и не преминетъ вознаградить ихъ за труды.

Полагали многіе, что болѣзнь супруги боярина была нѣчто въ родѣ обладанія ею нечистымъ духомъ; другіе же считали это сильнымъ обморокомъ (cordiaka). Если, однако, принять во вниманіе всѣ обстоятельства болѣзни, то должно предположить, по моему мнѣнію, что это былъ родъ необычайной меланхоліи, вызванный immundetiem et vitium matricis. Отъ этого произошли запоры и стѣсненія. Первый припадокъ имѣлъ характеръ эпилептическій, вызвавшій oppilationem in ventriculis cerebri, это лишило больную зрѣнія и перешло въ родъ безумія, при чемъ нервы и жизненный духъ такъ сильно были напряжены, что подъ конецъ должна была наступить смерть.

Было получено приказаніе отпустить въ Москву два стрѣлецкихъ полка и вмѣсто ихъ взять изъ городовъ тысячу человѣкъ и подчинить ихъ мнѣ.

Городовой судья Лабуни, по имени Евстафій Максимовичъ, прибылъ въ Кіевъ и сообщилъ, что польскій сеймъ открылся и большинство сенаторовъ и земскихъ пословъ уже съѣхались; что между королемъ и дворянствомъ не существуетъ такого разногласія, какъ говорили; что на сеймикахъ единогласно рѣшено было назначить необходимыя денежныя средства для продолженія войны съ турками; что полковникъ Ланчинскій съ 12 ротами польской кавалеріи посланъ въ Баръ и Меджибожъ, потому что получено было извѣстіе, что татары должны были сопровождать въ эти мѣста пашу или агу; что польская пѣхота и кавалерія стягиваются у Гришки, въ одной милѣ отъ Лабуни, съ тѣмъ, чтобы, какъ скоро всѣ части ихъ соберутся, выступить съ артиллеріею для нападенія на Баръ и Меджибожъ. Шпіонъ Ивана Филимоновъ Вариловъ возвратился съ извѣстіемъ, что слышалъ въ Немировѣ, что при осадѣ этого города находился сынъ хана съ 7.000 татарами, 500 казаками съ Сулимкою и 500 турокъ, частью пѣшими, частью конными, при которыхъ было 4 пушки изъ Каменца, а также паша или ага; что сотникъ немировскій, по имени Бардей, доставилъ казакамъ письмо короля польскаго, которымъ имъ обѣщалось дать всѣ доходы съ Украины, начиная съ рѣки Слуцка, при чемъ Польша

болѣе въ подобныя дѣла вмѣшиваться не будетъ и что казаки были этимъ довольны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, что между королемъ и дворянствомъ, особенно литовскимъ, существуютъ большія несогласія; что римскій императоръ весьма недоволенъ послѣднимъ походомъ короля польскаго къ Каменцу; что онъ изыскиваетъ средства доставить корону польскую одному изъ сыновей короля Михаила Висневецкаго, исключивъ отъ наслѣдія престола сына настоящаго короля; что посланники: папскій, римскаго императора, республики Венеціанской, персидскаго шаха и другихъ князей ожидаются въ Варшавѣ; что они всѣ совѣтуютъ продолжать войну съ турками и обѣщаютъ содѣйствіе ихъ державъ въ этомъ дѣлѣ.

Съ этими извѣстіями былъ отправленъ курьеръ въ Москву.

П. М. Майковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны [1]).

1—6 января 1916 г. Со времени вступленія Государя Императора въ Верховное командованіе арміей и флотомъ въ сообщеніяхъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго появилась между прочимъ одна особенность, которой прежде не встрѣчалось. По всему фронту сразу, какъ бы маніемъ руки, зашевелилось появленіе самостоятельности дѣйствій мелкихъ начальниковъ, начальниковъ развѣдочныхъ партій, охотниковъ, патрулей и дозоровъ. Въ этихъ предпріятіяхъ отчаянно смѣлыхъ, преисполненныхъ изумительной храбрости, находчивости и выносливости протекала осенняя и зимняя кампанія 1915—1916 г.г. Если сравнить сообщенія Штаба Верховнаго Главнокомандующаго за это время съ таковыми же за 1914—1915 г.г., то является изумительная картина въ уступающемъ развитіи самостоятельности дѣйствій мелкихъ начальниковъ за 1914—1915 г.г. Петроградскому обывателю выпало на долю выяснить это явленіе. Онъ видѣлъ, какъ Государь Императоръ, будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, служа л.-гв. въ Преображенскомъ полку, относился къ дѣятельности нарождающихся тогда охотничьихъ командъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ принималъ самое сердечное участіе въ дѣятельности охотничьихъ командъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ ихъ маневрахъ, усиленныхъ переходахъ, и зачастую во время командованія на маневрахъ частями Лично изволилъ давать указанія начальникамъ охотничьихъ командъ.

Приложенная фотографія изображаетъ ту минуту, когда 1-го іюня 1893 года, Наслѣдникъ Цесаревичъ соизволилъ сняться вмѣстѣ съ охотниками 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи послѣ только-что совершеннаго ими 54-верстнаго перехода.

---

[1]) См. „Русская Старина", апрѣль 1916 г.

Все это и сказалось въ дѣйствующей арміи съ августа 1915 г., когда Державный Вождь обратилъ Свое особое вниманіе также и на самостоятельный починъ дѣйствій мелкихъ начальниковъ. Цѣлый рядъ непрерывныхъ, смѣлыхъ и удачныхъ дѣйствій окрылилъ духъ этихъ начальниковъ, внушилъ имъ довѣріе къ своимъ силамъ и побудилъ ихъ на новые подвиги.

Это строеніе духа низшихъ начальниковъ также скоро было проявлено и высшими. Особенно ярко оно отразилось, когда нашимъ начальникамъ и войскамъ пришлось заграждать прорывъ нашего фронта у Молодечно и Сморгони, а также въ бояхъ на Рижскомъ раіонѣ въ концѣ октября и началѣ ноября.

Въ прежнее время не придавалось надлежащаго значенія Либавѣ, Рижскому и Шавельскому раіонамъ: туда было назначено малое количество войскъ съ несоотвѣтствующимъ числомъ конницы. Результатомъ этого и былъ отходъ нашихъ войскъ до Двины и прорывъ германской конницы у Молодечно и Сморгони. Наши начальники всѣхъ степеней отлично поняли значеніе Молодеченскаго прорыва и какъ орлы налетѣли со своими войсками заграждать этотъ прорывъ.

Соперничая другъ съ другомъ въ находчивости, въ проявленіи самостоятельности и храбрости, они быстро прикончили прорывъ германцевъ и прочно заградили наглому нѣмцу дорогу.

Это произошло потому, что теперь каждый изъ нихъ былъ увѣренъ, что за невольную ошибку онъ не будетъ смѣщенъ въ командованіи, и что ему надо смотрѣть впередъ на внѣшняго врага германца, а не оглядываться, съ опаской, назадъ.

То же самое произошло въ концѣ октября и началѣ ноября на фронтѣ Рижскаго раіона подъ верховодительствомъ начальника этого раіона, отмѣченнаго перстомъ Божьяго дарованія, когда начальники всѣхъ степеней и ихъ войска показали полную возможность брать линіи германскихъ окоповъ, обильно снабженныя артиллеріей и пулеметами съ каждымъ аршиномъ земли, заплетеннымъ колючей проволокой.

Здѣсь тоже въ полной мѣрѣ была проявлена иниціатива дѣйствій начальниковъ всѣхъ степеней и неприступныя, якобы, линіи германскихъ укрѣпленій, послѣ надлежащей артиллерійской подготовки, были взяты съ налету съ малыми потерями.

Всѣ эти дѣянія отчетливо выяснили, какое высокое поднятіе духа, какую увѣренность въ свои силы и способности, какое развитіе самодѣятельности и находчивости вызвало къ жизни новое Верховное командованіе у начальниковъ всѣхъ степеней.

Отъ начальниковъ оно передалось каждому воину и объединило ихъ всѣхъ могучимъ духомъ иниціативы.

И не далеко то будущее, когда это одухотвореніе окажетъ великія дѣла торжества духа надъ высокой техникой военнаго дѣла.

2—5 января. Вотъ до какихъ кощунственныхъ изліяній дошло германское духовенство въ настоящую войну, какъ о томъ повѣствуетъ англійская министерская „Westminster Gazette“; она приводитъ отрывки проповѣдей германскихъ пасторовъ, опубликованныхъ недавно въ нѣмецкихъ газетахъ. Проповѣди эти доказываютъ полное нравственное паденіе Германіи, а также необыкновенную неискренность и нетерпимость пресловутой германской культуры. Пасторъ Цебель заявилъ въ Лейпцигѣ слѣдующее [1]):

— „Глубокое сознаніе нашей миссіи позволяетъ намъ радоваться и считать себя удовлетворенными, съ сердцемъ полной благодарности Небу въ тѣ минуты, когда наши орудія несутъ смерть дѣтямъ сатаны, и когда наши чудесныя подводныя лодки, являясь орудіемъ Божественнаго возмездія, посылаютъ на дно моря тысячи подданныхъ неизбранныхъ народовъ. Мы должны уничтожать враговъ всѣми средствами, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, ихъ страданія должны доставлять намъ большое удовольствіе, ихъ отчаянные крики не должны заставлять волноваться германскія сердца. Не нужно входить въ какіе-либо компромиссы съ адомъ и соглашаться на какое-либо милосердіе по отношенію къ слугамъ сатаны.

Въ дальнѣйшей своей рѣчи, посвященной англичанамъ, французамъ и русскимъ, пасторъ сказалъ:

— Всѣ націи, которыя продались дьяволу, должны быть приговорены къ смерти. Приговоръ этотъ вынесенъ уже небесными силами.

Другой христіанскій священникъ, профессоръ богословія Берлинскаго университета, докторъ Зейби, сказалъ:

— Мы не ненавидимъ нашихъ враговъ, но мы увѣрены, что, убивая ихъ, причиняя имъ страданія, сжигая ихъ дома и разоряя ихъ земли, мы дѣлаемъ доброе дѣло. Германія любитъ всѣ народы, и когда она ихъ наказываетъ, то дѣлаетъ это для ихъ же собственнаго блага.

---

[1]) „Веч. Вр.“ 2 января с. г.

Извѣстный берлинскій пасторъ Филиппи сказалъ:

— Подобно тому, какъ Богъ позволилъ распять Своего Сына для того, чтобы свершился великій актъ искупленія и спасенія, такъ же и Германія получила миссію распять все человѣчество для того, чтобы оздоровить человѣческія расы, которыя могутъ быть спасены лишь кровью, огнемъ и мечомъ. Германцамъ выпало на долю исполнить этотъ актъ очищенія, потому что они сами чисты и высшая сила избрала ихъ орудіемъ наказанія злыхъ и недостойныхъ людей и народовъ. Германскіе солдаты должны убивать, жечь и разрушать все, такъ какъ всякія полумѣры были бы грѣхомъ. Кайзеръ останется повелителемъ великаго царства добрыхъ людей".

Въ настоящее время возникаетъ жгучій вопросъ о необходимости предоставленія права покупки ликвидируемыхъ на льготныхъ условіяхъ нѣмецкихъ земель отъ крестьянскаго банка участникамъ войны, а также и ихъ осиротѣлымъ семьямъ. Это было бы вполнѣ справедливо и высокополезно для государства. О мѣстѣ расположенія и величинѣ участковъ надлежало бы крестьянскому банку освѣдомлять части дѣйствующей арміи публикаціями въ болѣе распространенныхъ газетахъ.

У нашихъ военноплѣнныхъ въ Австріи срываютъ погоны, полковые значки и кокарды [1]).

Въ „Развѣдчикѣ" [2]) г. Логофетъ сообщаетъ интересный разсказъ жены офицера о поѣздкѣ къ мужу:

„Пишетъ мужъ, „если здорова, пріѣзжай", и адресъ сообщаетъ. Я-то была въ положеніи на восьмомъ мѣсяцѣ. Гдѣ тамъ думать, здорова ли я. Прямо подхватила меня какая-то сила. Говорю мамѣ своей „ѣду". Она мнѣ всякіе резоны: и больна ты, и не доѣдешь, и все такое. Но только я все-таки поѣхала.

Добралась съ трудомъ до послѣдней станціи, встрѣтила казака изъ нашего полка. Спрашиваю: „гдѣ наша сотня, все ли благополучно"?.. „Стоимъ, говоритъ, въ окопахъ, верстъ двадцать отсюда, и все у насъ хорошо, а панъ нашъ здоровъ".

Обрадовалась я страсть. „Ѣдемъ сейчасъ же".

Поѣхали на лошадяхъ. Только слышно впереди, какъ громъ

---

[1]) „Нов. Вр." № 14304, 1916 г.

[2]) „Развѣдчикъ" 5 января 1916 г.

гремитъ... „Что это такое“? „А это, пани, изъ арматъ нѣмецъ палитъ“.

Ну я и вниманія не обратила, не тѣмъ голова занята была. Такъ, подъ вечеръ доѣхали мы до резервныхъ окоповъ. Слѣзла я, съ версту лѣсомъ пѣшкомъ дошла.

Мужа увидала, такъ со мною дурно сдѣлалось... Такая радость, что его вижу и слышу. Два дня прожила я въ блиндажѣ, и казалась мнѣ эта самая земляная нора краше всякихъ богатыхъ палатъ. Такъ хорошо на душѣ. Спокойно...

А нѣмцы-то въ это самое время, какъ нарочно, начали палить изъ пушекъ своихъ. Цѣлый день палятъ и палятъ. Но никакого страха у меня не было. Возьму руку мужа и держу, и какая-то увѣренность была, что рядомъ съ нимъ я въ полной безопасности. Къ вечеру второго дня вдругъ почувствовала я, что не хорошо мнѣ. Видно, переволновалась сильно. И начались у меня роды. И тяжко мнѣ было, и смѣшно, какъ мужъ и всѣ казачки около меня заметались. Позвали доктора. Тоже молодой да неопытный. Промучилась я ночь и къ утру Богъ сынка далъ. Смотрю я на мужа, а онъ плачетъ и всѣ такіе вокругъ растерянные... А нѣмецъ такъ и садитъ, даже земля трясется вокругъ. Отлежалась день, а къ вечеру уже положили меня на носилки и въ лазаретъ отвезли, тамъ я недѣлю вылежала, тамъ же и крестины справили. Мужъ довольный радуется: „хорошій ты мнѣ подарокъ, Катя, привезла. Боевой казакъ нашъ Миша будетъ“. Какъ узнали, что я въ окопѣ родила, пріѣхали меня поздравлять всѣ наши, и генералъ тоже побывалъ, казаки просто какъ на чудо, на моего Мишу смотрѣли...

Теперь назадъ ѣду.—Вотъ удивится-то мама, какъ я ей внука съ позиціи привезу... Посмотрите на моего Мишу... Не правда ли какая прелесть... А я-то какъ рада“...

6—7 января. Германцы задались цѣлью въ теченіе этой войны распылить нашу армію на 11 тысячъ верстъ приграничнаго пространства на востокѣ [1]). Отъ Чернаго до Желтаго моря въ Турціи, Персіи, Авганистанѣ, Монголіи и Китаѣ они предполагали возсоздать повсюду возстанія, поднять мусульманскія, и иныхъ вѣроисповѣданій, населенія своими многочисленными агентами. Одного они не разсчитали—войну они начали, не кончивъ Баг-

[1]) „Нов. Вр.“ № 14306, 1916 г.

дадской дороги, и тѣмъ спутали свои карты въ Турціи и Персіи противъ грозной нашей кавказской арміи.

По словамъ прибалтійскихъ газетъ, баронъ Арнольдъ Арнольдовичъ Фитингофъ состоитъ предсѣдателемъ валкскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія. У этого барона имѣются и братья. Одинъ изъ нихъ германскій подданный, собственникъ имѣнія, расположеннаго въ Пруссіи, лейтенантъ германской службы и воюетъ на полѣ брани противъ Россіи. Въ то время, какъ одинъ братъ призванъ принимать въ Россіи нижнихъ чиновъ и ратниковъ и посылать на войну, другой братъ въ Германіи долженъ заботиться объ ихъ уничтоженіи. Трагизмъ положенія предсѣдателя валкскаго присутствія еще увеличивается тѣмъ, что до начала войны съ Германіей его племянникъ изъ Германіи, баронъ Арнольдъ Фитингофъ (18—20 лѣтъ), жилъ въ Маріенбургѣ у него, какъ у своего крестнаго. Погостивъ, племянничекъ собирался обратно въ Пруссію, но это ему не удалось, и онъ вернулся въ Маріенбургъ, поѣхалъ затѣмъ въ Ригу и, какъ писали въ газетахъ, былъ высланъ во внутреннія губерніи.

В. П.

Къ портрету Бонапарте.

Сей корсиканецъ цѣлой вѣкъ
Гремитъ кровавыми дѣлами,
Ѣстъ по сту тысячъ человѣкъ
И с—ъ королями.

Давыдовъ,
поэтъ и партизанъ.

Автографъ находится въ собраніи Э. П. Юргенсона, съ дозволенія котораго печатаемъ эпиграмму поэта-воина.

Н. Лернеръ.

Письмо П. А. Плетнева къ В. И. Григоровичу.

Милостивый Государь,
Василій Ивановичъ!

Я имѣю къ Вамъ порученіе. Бывшій Директоромъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ Д. С. С. Егоръ Антоновичь Энгельгардтъ, не занятый болѣе службою, рѣшился употребить свободное свое время на изданіе журнала, который будетъ печататься въ Германіи на нѣмецкомъ языкѣ. Ему хочется показать состояніе Россіи въ истинномъ видѣ по части ея образованности во всѣхъ отношеніяхъ, т. е., что сдѣлано для внутренняго благосостоянія и славы государства правительствомъ и частными людьми. Вы согласитесь, что исполненіе такого намѣренія требуетъ большихъ пособій. Онъ полагаетъ, что отечественные журналы составляютъ одно изъ главнѣйшихъ. Но въ теперешнемъ положеніи своемъ онъ не въ состояніи получать оные за деньги. Не имѣя чести быть лично съ вами знакомымъ, онъ проситъ чрезъ меня, не сдѣлаете ли вы ему одолженія доставленіемъ экземпляра вашего журнала, если у васъ найдется лишній, чѣмъ обяжете его чувствительно и доставите ему способъ познакомить просвѣщенную Германію какъ съ вашими трудами, такъ и съ отечествомъ нашимъ.

Я имѣю честь быть
покорнымъ слугою
П. Плетневъ.

Адресъ его: На Васильев. остр. во 2-й линіи, за среднимъ Проспектомъ, въ домѣ титулярной совѣтницы Шобертъ подъ № 286.

9 февр. 1824.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, стяжавшій громкую извѣстность какъ директоръ Царскосельскаго Лицея, вынужденъ былъ оставить эту должность 23 октября 1823 года.

Прослуживъ близъ 30 лѣтъ,—писалъ онъ одному изъ своихъ питомцевъ по Лицею, В. К. Кюхельбекеру, я на 50-мъ году жизни моей, долженъ начинать помышлять о томъ, что буду ѣсть и чѣмъ буду кормить тѣхъ изъ близкихъ сердцу моему, которые не могутъ сами добывать себѣ хлѣбъ...

Помыслы эти привели Энгельгардта къ рѣшенію начать изданіе нѣмецкаго журнала[1]), къ участію въ которомъ онъ приглашалъ того же Кюхельбекера. За содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ онъ обратился, между прочимъ, къ П. А. Плетневу, какъ къ бывшему студенту Педагогическаго института, директоромъ котораго до перевода его въ Лицей, былъ Энгельгардтъ. По его рекомендаціи Плетневъ, еще студентомъ, давалъ частные уроки.

Печатаемое выше письмо Плетнева къ В. И. Григоровичу [2]), издателю „Журнала Изящныхъ Искусствъ“ (1823—1825 г.г.) въ которомъ Плетневъ принималъ участіе [3]), доказываетъ, что онъ не забылъ своего бывшаго наставника.

Мысль Энгельгардта объ изданіи въ Германіи журнала однако не осуществилась. Взамѣнъ заграничнаго журнала онъ предпринялъ изданіе въ Петербургѣ сборника подъ заглавіемъ „Russiche Miscellen“, четыре книжки котораго явились въ свѣтъ въ 1828—1830 гг.

До послѣднихъ дней жизни, Энгельгардтъ сохранилъ пріятельскія отношенія къ Плетневу. Ихъ соединяла любовь къ литературѣ, любовь къ труду и, что еще важнѣе, любовь къ нуждающимся, на помощъ которымъ они всегда охотно шли.

Димитрій Кобеко.

---

[1]) Кобеко. Императорскій Царскосельскій Лицей. Спб. 1911, стр. 195 и 208.

[2]) Хранится въ числѣ автографовъ Императорской Публичной Библіотеки.

[3]) Ср. письмо Плетнева къ Кюхельбекеру отъ 8 сентября 1823 г. „Рус. Стар.“ 1875, XIII, 372.

[4]) Интересные объ этомъ свѣдѣнія можно найти въ перепискѣ съ П. А. Плетневымъ Я. К. Грота Спб. 1896, 3 т.

Воевода Путникъ, генералиссимусъ сербскихъ армій.

Чудное синее небо. Арсеналъ и фабрика снарядовъ, трубы которыхъ высоко поднимаются къ небу на сельскихъ улицахъ Крагуеваца, гдѣ проѣзжаютъ живописныя арбы, запряженныя волами и управляемыя крестьянками, въ ихъ пестрой одеждѣ, придаютъ какой-то промышленный видъ, обыкновенно не свойственный Сербіи.

Казалось бы, что находишься на какой-то окраинѣ какого-нибудь большого города, и удивляешься, замѣтивъ въ концѣ одной изъ улицъ, обсаженной платанами, хорошенькій домикъ, схожій съ сельскою школою.

Это бывшая префектура, преображенная въ общій штабъ, съ начала враждебныхъ дѣйствій.

Въ сопровожденіи капитана, Милана V Георгіевича, и его трехъ товарищей, я легко достигъ помѣщенія, занимаемаго генералиссимусомъ Путникомъ и его начальникомъ штаба.

Жандармъ, взявши наши карточки, пошелъ впереди насъ вдоль корридора и ввелъ насъ въ большую комнату необычайной простоты, стѣны которой видимо наскоро выкрашены.

Три стола, конторка, нѣсколько соломенныхъ стульевъ, два телефонныхъ аппарата,—вотъ вся обстановка комнаты. Украшенія же ея составляютъ карты австрійскаго генеральнаго штаба, найденныя у плѣнныхъ, сербскія карты, общія, пространныя и планы.

Тутъ насъ любезно принимаетъ офицеръ высокаго роста, молодой, съ усами, какъ прежде носили сербскіе воеводы, съ глазами полными блеска и ума: это капитанъ Живко Павловичъ, начальникъ общаго генеральнаго штаба, стоявшаго во главѣ кампаніи 1914 г. съ генералиссимусомъ.

Онъ обѣщаетъ намъ поразсказать многое, но ранѣе мы будемъ приняты воеводою Путникомъ.

Полковникъ Павловичъ вводитъ насъ въ сосѣднюю комнату,

столь же простую, какъ и первая, и взорамъ нашимъ представляется сидящій у своей конторки знаменитый начальникъ, борющійся уже много лѣтъ съ неподдающейся излѣченію болѣзнью, и направляющій изъ своей же комнаты, сербскія арміи, воюющія за спасеніе своей родины.

Генералъ привсталъ при нашемъ появленіи. Одѣтый въ старый мундиръ свѣтло-голубого цвѣта сукна, украшенный исключительно медалью за храбрость на груди, онъ пришелъ намъ навстрѣчу съ улыбкою на устахъ, нѣсколько сгорбленный, протянулъ намъ руку и тихимъ слабымъ голосомъ сказалъ намъ, что онъ сдѣлалъ для насъ исключеніе, принявъ насъ.

Въ разговорѣ, глаза его блестятъ, и его красивое лицо оживляется. Въ немъ виденъ человѣкъ большого ума, желѣзной воли, несмотря на то, что доктора уже не разъ приговаривали его къ смерти, но онъ чувствуетъ, что нуженъ своему отечеству, а потому и не жалѣетъ себя.

Онъ воевалъ съ турками въ 1876, 1877 и 1912 гг., а съ болгарами въ 1885 и 1913 гг., такъ что переживаетъ шестую кампанію. Кабинетно ученый, одаренный замѣчательною топографической памятью и рѣдкимъ инстинктомъ, онъ не увлекается. Онъ никогда не пребываетъ среди войска, но находясь въ своей страдной комнатѣ въ Крагуевацѣ, гдѣ часто недомогаетъ, онъ, во всякое время знаетъ, что онъ можетъ требовать отъ него. Его офицеры и солдаты полны довѣрія къ нему и къ его глубокимъ военнымъ знаніямъ, помня имъ одержанныя побѣды, они безгранично восхищаются имъ, и преданы его волѣ душой и тѣломъ, иной разъ не зная его даже лично.

Черезъ полуоткрытую дверь, видна была его спальня. Постель его, еще не убрана. Нѣсколько минутъ спустя, пока мы разговаривали съ его начальникомъ штаба, генералиссимусъ кашляя вошелъ въ нее, застигнутый припадкомъ астмы, заставляющей его такъ страдать. Возлѣ кровати, столикъ съ разными записками и даже висящими на стѣнѣ, расположенными такимъ образомъ, чтобы генералъ Путникъ могъ бы не вставая слѣдить за своимъ войскомъ, да еще карта Сербіи, вся испещренная замѣтками. Вся меблировка необычайной простоты.

Генералиссимусъ оптимистъ: армія реорганизована, снаряды прибываютъ, и войска всегда готовы въ бой.

Минуту спустя, полковникъ Павловичъ повторилъ намъ, что никакая атака не застигнетъ врасплохъ непобѣдимую сербскую армію.

В. П. Ключаревъ.

Очерки прошлаго [1]).

Съ трудомъ добрались мы до стоянки Тимокской арміи. Лошадей и повозки надо было брать съ боя. Хлудовъ, видя неуспѣшность нашихъ исканій, завалился спать и его трудно бывало привести въ бодрствующее состояніе, когда какимъ-нибудь чудомъ приводили лошадей. Холодная мгла покрывала землю, и мы шагомъ подвигались къ мѣсту нашего назначенія. Дохтуровъ съ двумя адъютантами показался впереди. Нашъ возница не зналъ дороги и слѣдовалъ за ними. Но вотъ они исчезли изъ виду, и намъ пришлось цѣлый день путаться по незнакомой мѣстности. Когда мы доѣхали до главной квартиры, то при насъ привели шпіоновъ. Все это былъ народъ съ виду тупой, бѣдный. Нельзя удивляться, что турки знали о нашихъ намѣреніяхъ. По всей Сербіи говорили о предстоящемъ сраженіи. Турки, раньше дня, условленнаго для нападенія со стороны сербовъ, сами затѣяли рекогносцировку.

По дисповиціи графу Келлеру надо было начать сраженіе въ 11 часовъ дня. Наканунѣ вечеромъ я пріѣхалъ къ графу Келлеру. Онъ лежалъ на травѣ вмѣстѣ со своими ординарцами. Ѣли они медъ съ сардинками. Одна коробка приходилась на всю компанію. Хлѣбъ можно было достать развѣ у солдатъ-сербовъ. Когда кому-то захотѣлось воды (а воды не было), то другіе сказали: „Ничего, завтра напьемся въ Зайчарѣ, тамъ и лавки есть“.

Лагерь располагался на возвышенности; по обоимъ концамъ были батареи; Келлеръ приказалъ мнѣ находиться при немъ и ждать его распоряженій. Въ 6 часовъ утра лагерь былъ уже на ногахъ. Нашелся добрый человѣкъ, который раздобылся водой, заварили чай, и мы, имѣя много времени до сраженія, стали наслаждаться чаепитіемъ; но не успѣли выпить и по чашкѣ чая, какъ грянулъ одинъ и другой выстрѣлъ съ турецкой

[1]) См. „Русская Старина“ апр. 1916 г.

стороны. Я стоялъ около батареи вмѣстѣ съ Келлеромъ, Гирсомъ, Мельниковымъ. Графъ Келлеръ вскочилъ на ноги, разставилъ людей, сѣлъ на лошадь. Отрядъ выстроился и понесся на турецкіе шанцы. Кавалерійскій отрядъ княгини Наталіи также пошелъ впередъ. Въ воздухѣ раздавалась пушечная пальба, шипѣніе лопающихся гранатъ. Графъ Келлеръ, какъ его ни упрашивали беречься, невозмутимо сидѣлъ на своей лошади и отдавалъ приказанія. Вотъ и сербъ-артиллеристъ Недѣльковичъ сидитъ на конѣ и посматриваетъ въ турецкую сторону. Шипѣніе, и бомба не долетаетъ; слышатся палильники. Вотъ другая, третья... Но это что-то ударило очень близко? Всѣхъ обдало землей. Лошадь Недѣльковича уже валяется на землѣ въ предсмертныхъ мукахъ, и блѣдный Недѣльковичъ подъ нею. Цѣлая лужа крови вокругъ сѣдока и лошади. Подбѣжали къ нему, подняли лошадь и освободили Недѣльковича. Солдатъ и я взяли раненаго и отнесли его на ближайшую колу. Потомъ вернулись. „Оставьте, бросьте меня“, стоналъ раненый.

Стройно двигавшійся впередъ отрядъ уже возвращался бѣгомъ въ полномъ разстройствѣ. „Турци, турци“, раздавался испуганный голосъ. „Пушки увезть, а то турки возьмутъ ихъ“, слышалъ я распоряженіе, и артиллерія понеслась вскачь. Паническій страхъ овладѣлъ массою дрогнувшаго войска. Кто не могъ бѣжать, хватался за колеса, садился на пушку. „Турци, турци“, только и слышно было отовсюду. Огонь становился убійственный. Кромѣ пушечныхъ выстрѣловъ раздавались ружейные залпы. Графъ Келлеръ и Трофимовичъ остановились съ артиллеріей на слѣдующей высотѣ. Мнѣ нельзя было за ними слѣдовать, потому что у меня не было лошади—къ счастью для меня одинъ сербъ подвелъ мнѣ лошадь, и я сѣлъ на нее (лошадь была ранена); я далъ ему на чай за то, что онъ помогъ мнѣ сѣсть. Такъ много грязи собралось на сапогахъ, что трудно было положить ногу въ стремя. Турки наступали по большой дорогѣ. Бѣгущихъ трудно было удержать: чувство самосохраненія заговорило въ каждомъ такъ громко, что заглушало собою чувство долга и любовь къ отечеству. Войска не было; было нѣсколько человѣкъ, окружавшихъ Келлера и артиллерію. Кавалеріи не было видно. Осману стоило только энергичнѣе вести наступленіе, и сербы потерпѣли бы ужасный разгромъ, но турки тоже остановились въ нерѣшительности. Пушки загремѣли въ другомъ направленіи, должно быть въ центрѣ. Солдатъ трудно было отыскать. Были, правда, еще

цѣлые отряды, не находившіеся въ огнѣ, но они должны были прибыть позднѣе. Вся дорога покрылась бѣгущими. Графъ Келлеръ выходилъ изъ себя, кричалъ, упрашивалъ; но тутъ нужны были другія средства. Сербъ Топаковичъ увидѣлъ одного бѣгунца и сказалъ мнѣ: „У васъ есть револьверъ, застрѣлите его“. Но я безъ разговора подалъ ему револьверъ, не желая брать на свою душу такой грѣхъ. Сербы, которыхъ я видѣлъ въ этомъ сраженіи, держали себя съ достоинствомъ. Но чего можно требовать отъ человѣка, взятаго прямо отъ сохи? Его и не одѣли какъ солдата. Онъ сошелъ съ дороги, высыпалъ патроны, бросилъ пушку, ружье [1]), и вы не признаете его за солдата. Топаковичъ, замѣтивъ, что лошадь моя скоро свалится, кликнулъ больничару, который велъ двухъ лошадей за уздцы, чтобы онъ отвелъ ее въ Банью, а мнѣ далъ бы другую, и я сѣлъ на нее.

Графъ Келлеръ смотрѣлъ въ бинокль. Онъ обратился ко мнѣ: „Вы возьмите двухъ коняниковъ (верховыхъ) и поѣзжайте осмотрѣть по этому направленію, не заходятъ ли турки намъ въ тылъ“. Кавалеристы оказались русскіе. Мы спускались ко всѣмъ крутизнамъ, но не нашли турокъ. Вотъ возвращаемся назадъ. Между моими провожатыми завязывается разговоръ: „Смотрите, турки“. „Нѣтъ, это не турки, это сербы“. Когда мы подъѣхали, то увидѣли, что это были наши. Народу было много уже, и войско подымалось на прежнюю позицію. Графъ Келлеръ кричалъ нѣкоторымъ: „напередъ, напередъ, тамъ нема турци“.

Турки дѣйствительно отступили. По дорогѣ валялись трупы людей, лошадей, разный скарбъ, брошенный бѣгущими. Кто рисуетъ себѣ битву какъ какой-нибудь торжественный праздникъ съ музыкой съ одушевленіемъ на всѣхъ лицахъ, тотъ въ настоящемъ случаѣ далекъ отъ истины. Что можетъ быть поэтическаго, когда околѣваетъ лошадь, когда падаетъ передъ вами человѣкъ и когда на лицахъ видны не то страхъ, не то ужасъ. Слышатся только сигналы противниковъ, наступленіе, отбой, визгъ пуль, лопанье гранатъ и стоны раненыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Григорій де-Волланъ.

---

[1]) Селякъ, отправляясь въ битву, въ одной рукѣ держалъ гуся, а на штыкъ воткнулъ курицу. Понималъ ли онъ, что онъ, какъ солдатъ, идетъ въ бой?

„ДЕЛЬТА XIII“

Привилегіи заявлены.

для винтовокъ всѣхъ системъ разрушаетъ проволоку

до 12 миллиметровъ (ок. $^1/_2$ дюйма) **толщины.**

Запросы: Петроградъ, Ковенскій пер. 14 Телеф. 659—87.

Телеграммы: Петроградъ, ГЕЛЬГАРУ.

Телеграмма ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Генералъ-Лейтенанту Воронову.

Петроградъ. Генералъ-лейтенанту Воронову.

Искренно благодарю Васъ за поздравленіе очень Меня тронувшее.

НИКОЛАЙ.

Изъ Царскаго Села.
27 октября 1915 г.
7 ч. 52 м. дня.

ТЕЛЕГРАММА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТУ ВОРОНОВУ.

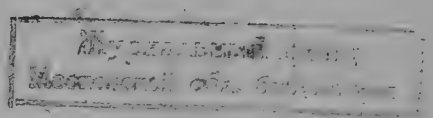
Телеграмма эта была получена въ отвѣтъ на приведенную ниже телеграмму съ поздравленіемъ о присужденіи ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ Георгіевской думой Георгіевскаго креста.

Царское Село. ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Бывшій начальникъ штаба 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи [1]) имѣетъ счастье всеподданнѣйше поздравить Ваше Императорское Величество съ высокимъ боевымъ орденомъ.

Генералъ-лейтенантъ *Вороновъ*.

Петроградъ
27 октября 1915 г.
3 ч. дня.



[1]) Генеральнаго штаба, генералъ-лейтенантъ Павелъ Николаевичъ Вороновъ, настоящій редакторъ „Русской Старины“, былъ начальникомъ штаба 1-й Гвардейской пѣхотной дивизіи въ то время (1893—1894 г.г.), когда Наслѣдникъ Цесаревичъ командовалъ первымъ баталіономъ л.-гв. Преображенскаго полка.

Сербовъ, И. А. Бѣлоруссы — сакуны. Краткій этнографическій очеркъ. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Томъ XCIV, № 1. ПГ. 1915. Тип. Имп. Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., 12). 8° (17×25). XVII+180 стр. съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 25 л. 663 экз.

Титовъ, Ѳ. И., проф. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ. Томъ III. Литовскій періодъ въ жизни м. Макарія (1868—1879 г.г.). Первая половина тома. Епархіальная дѣятельность м. Макарія въ Литвѣ и приложенія. Кіевъ. 1915. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 171+CCXXXVII стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 270 экз.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III (1796—1869 г.г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями проф. прот. Ѳ. И. Титова. Т. 5. Кіевъ. 1915. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (18×26). XXVI+828 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 500 экз.

Дарскій, Д. Маленькія трагедіи Пушкина. М. 1915. Тип. Москов. Художеств. Печатня (Трехпрудный пер., 9). 8° (17×23). 72 стр. Складъ кн. маг. Наука (Б. Никитская, 10). Ц. 75 к. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Ждановичъ, Я. Н. Отдѣлъ „Малороссія“ на выставкѣ „Ломоносовъ и Елизаветинское время“. (Оттискъ изъ XI вып. „Трудовъ“ Черниговской губернской ученой архивной коммиссіи). Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17×25). 43 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Императорская Академія Художествъ. Музей. Русская Живопись. ПГ. 1915. Тип. Уніонъ (Казачій, 11). 16° (14×19). 306+XXXVI стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 5.000 экз.

Корниловичъ, М. И. Земское и городское самоуправленіе въ Царствѣ Польскомъ въ 1861—1863 г.г. ПГ. 1915. Тип. Сенатская. 8° (17×25). 39 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Корниловъ, А. А. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. Историческій очеркъ. ПГ. 1915. Изд. из-ва Огни (Фонтанка, 80). Тип. Якорь (Б. Болотная, 10). 8° (17×22). 93 стр. съ 3 карт. Ц. 80 к. Вѣсъ 12 л. 3.000 экз.

Модзалевскій, В. Л. Матеріалы и замѣтки. 2. (Оттискъ изъ XI вып. „Трудовъ“ Черниговской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи). Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17×25). 38 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Писаревъ, М. Н. Сибирь. Историко-географическій очеркъ. М. 1915. Изд. Т-ва В. В. Думновъ (Мясницкая, 5). Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (18×25). III+169 стр. съ рис. Вѣсъ 20 л. 3.000 экз.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. XXI—XXII. ПГ. 1915. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (17×26). VIII+449 стр. съ 1 портр. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 713 экз.

Теръ-Аветисьянъ, С. В. Важность археологическаго изслѣдованія пещеръ Ахпата и Санаина. Августъ 1915 г. (Перепечатано изъ IX т. „Изв. Кавк. Музея“). Тифлисъ. 1916. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на Кавказѣ 8° (17×24). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 86 экз.

Труды состоящей подъ Августѣйшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Черниговской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи. Подъ ред. В. Л. Модзалевскаго. Вып. 11-ый. Черниговъ. 1915. Тип. Г. М. Веселой. 8° (17×26). 213+2 нен. стр.+1 портр. Вѣсъ 27 л. 400 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1916 г.

СОРОКЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕСЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ДВѢНАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногородныхъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ **Петроградъ**, Фонтанка, 18 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т.-е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г.г. по **8** рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890 и 1893 по 1911, 1913 и 1914 г.г. по **9** рублей, 1915 г.—**10** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„Михаилъ Ивановичъ Семевскій,

его жизнь и дѣятельность“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул., 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ. Тип. П. Усова. Лермонтовскій пр., 28.